

На диво тонкая, остроумная и завораживающая история
отчаянной храбрости, героической страсти, запредельной
любви и неумолимого поиска свободы...

Booklist

СОРВАННАЯ МАСКА

САМАНТА ШЕННОН

Сезон костей

Саманта Шеннон
Сорванная маска

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

Шеннон С.

Сорванная маска / С. Шеннон — «Азбука-Аттикус»,
2021 — (Сезон костей)

ISBN 978-5-389-20679-3

Темной владычице вновь удалось обмануть смерть. Чудом избежав казни, Пейдж Махоуни приобретает могущественных покровителей из свободного мира, которые стремятся свергнуть Сайен. Она укрывается в Париже – и оказывается меж двух огней: одни готовы на все ради свержения тирании, а другие намерены биться за свою власть до последней капли крови. Пейдж не желает стать послушной марионеткой. Она проникает в парижский синдикат, где далеко не все рады появлению темной владычицы. Особенно недовольны заправилы «серого рынка», чья торговля ясновидцами оказывается под угрозой. Вместе с бывшим врагом, а ныне соратником Арктуром Мезартимом Пейдж вступает в битву – битву за новых союзников в войне против рефаитов. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-20679-3

© Шеннон С., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

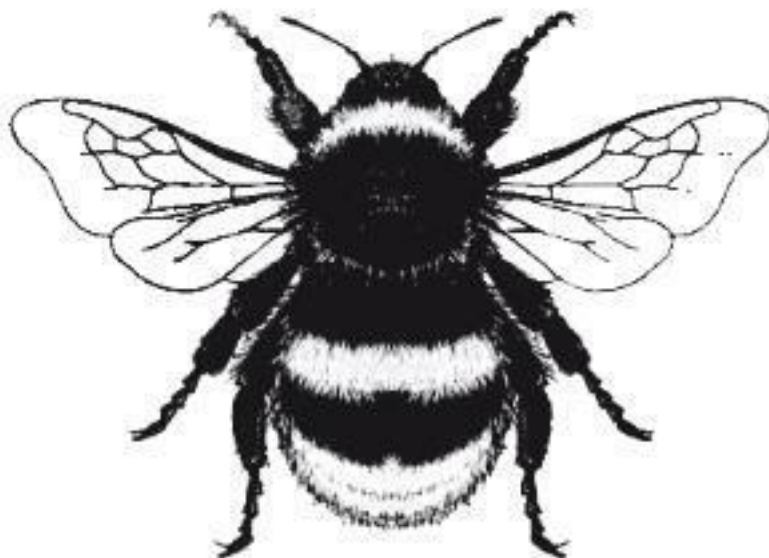
Пролог	8
Часть I	15
1. На чужбине	15
2. Париж	24
3. Сумеречный кофе	34
4. Пустующий трон	45
5. «Домино»	54
6. Марш марионетки	64
7. Неприкаянные	72
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Саманта Шеннон

Сорванная маска

Энн Приди (1938–2019)

*Середина цикла, самое его сердце,
посвящается тебе*

Samantha Shannon

THE MASK FALLING

Copyright © Samantha Shannon-Jones, 2021

This edition is published by arrangement with The Peters Fraser
and Dunlop Group Ltd. and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

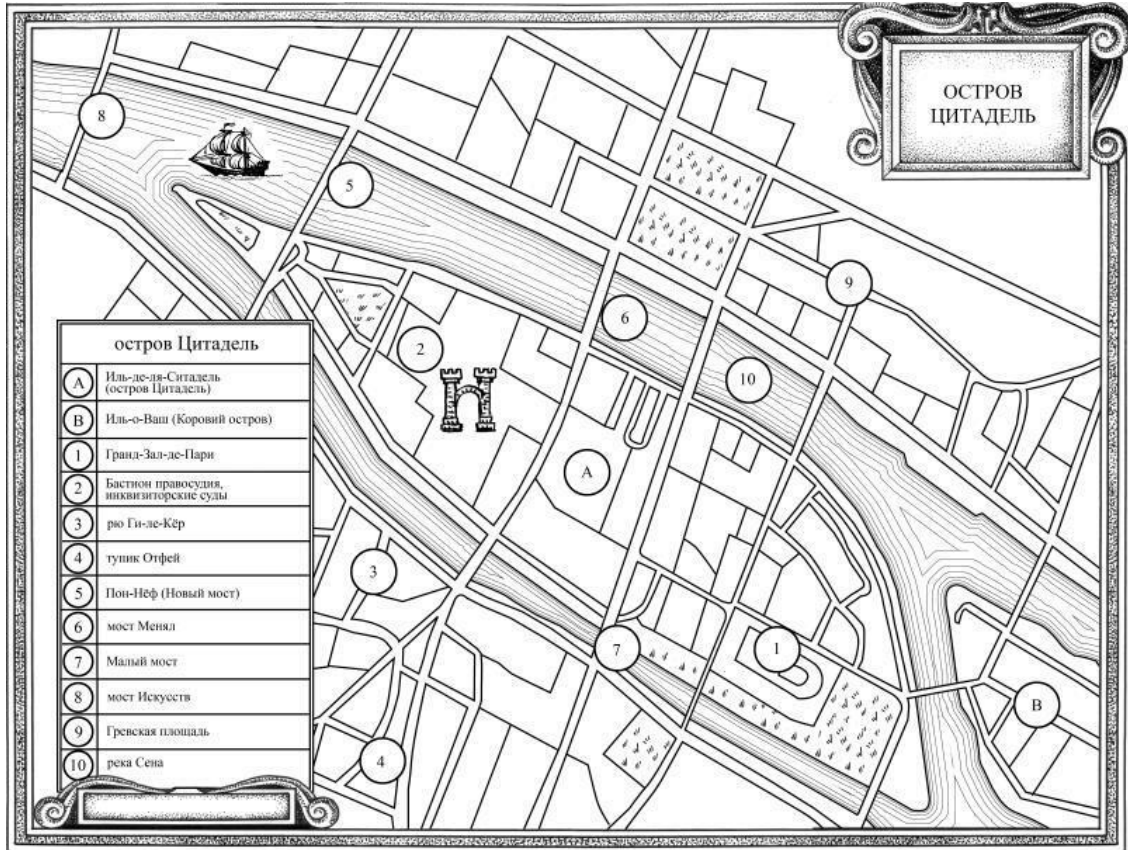
Перевод с английского Анны Петрушиной

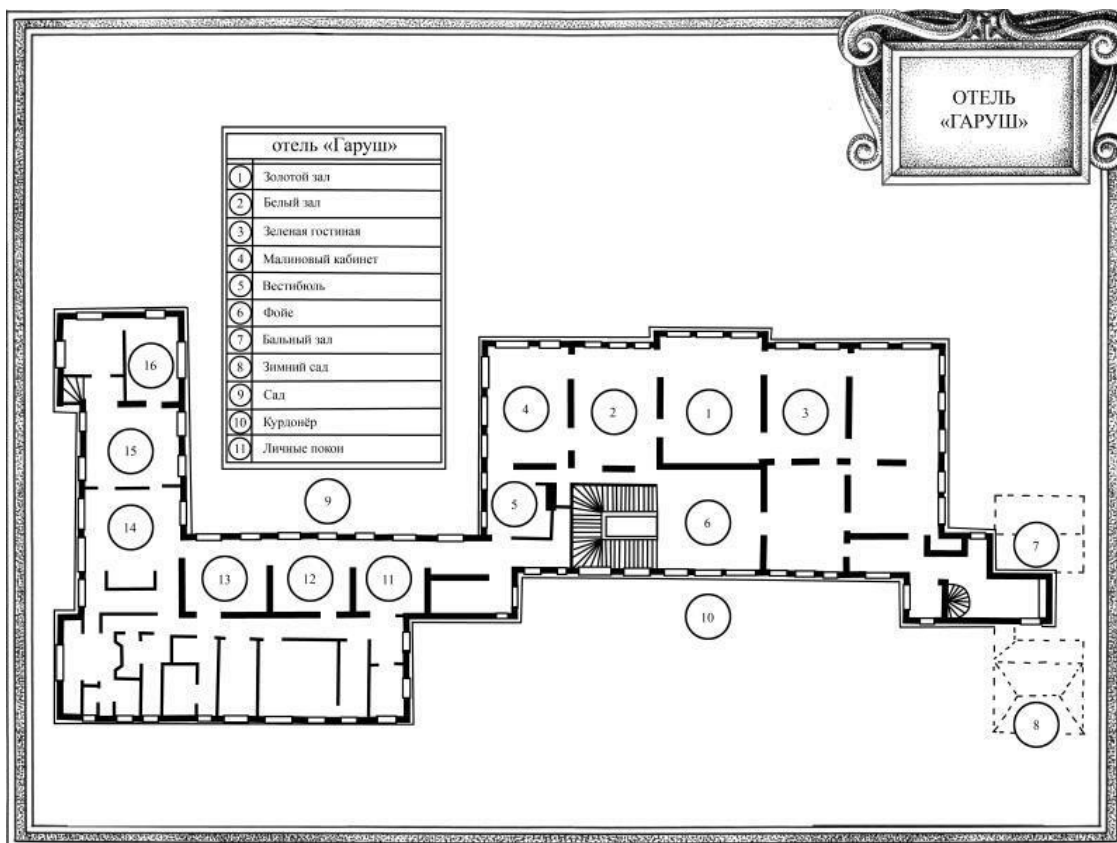
Карты выполнены Юлией Каташинской

© А. А. Петрушина, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство Азбука®

Пролог

Всякий, кто погружается в пучину Парижа, испытывает головокружение. Нет ничего более фантастического, более трагического, более величественного.

Виктор Гюго

Порт Кале Сайенская республика Франция

1 января 2060 года

Из Дувра отчалили на рассвете, когда заря только разгоралась на безоблачном небе. Постепенно погода испортилась. Струи дождя хлестали из свинцовых туч, серое море вздымалось и пенилось, обрушивая волны на порт Кале.

По крайней мере, так мне казалось из-за тряски и грохота. Запертая в грузовом контейнере, я видела лишь рифленую сталь и тусклый свет, сочившийся сквозь бреши в стенках.

Свернувшись калачиком на фанерном полу, пропахшем солью и ржавчиной, я то просыпалась, то снова проваливалась в сон, но каждое мгновение ощущала рядом с собой присутствие Стража. Его пальто, брошенное мне на плечи, не спасало от холода, руки в перчатках заledenели, корабельная сырость пробирала до костей. Подкладка плаща задубела от крови. Действие обезболивающего, которым меня напичкали перед отплытием, понемногу ослабевало.

Долгие годы я мечтала вырваться из Англии, но не в качестве контрабанды. Контуженой контрабанды.

Пока корабль причаливал, мне вспомнилось другое путешествие в чужую страну. Тогда самолет уносил нас с отцом через Ирландское море, прочь от объята войной родины.

Воспоминания о той ночи ранили до сих пор. Острыми как бритва осколками они засели глубоко внутри, причиняя мучительную боль.

Перед рассветом отец вытащил меня, сонную, из кровати, спустил на первый этаж и сунул в машину. Бабушка услышала возню или просто почувствовала – она всегда говорила, что чувствует мой страх, словно раскаленный штырь вонзается в грудь, – и выскочила с фермы в платке, брошенном поверх пижамы. Как же она бежала, как просила отца остановиться... А я молотила кулаками по стеклу, умоляя выпустить меня, но тщетно.

Накануне отец позволил бабушке уложить меня, почитать вслух, ни словом, ни делом не намекнув, что все это в последний раз. Спустя недели молчаливого планирования отец решил дезертировать в Республику Сайен. И я отправлялась с ним.

Под покровом тьмы мы пересекли занятую повстанцами территорию. К аэропорту Шеннон автомобиль подкатил весь изрешеченный пулями. Мятажники каким-то образом вычислили нашу машину, записав ее в потенциальный транспорт агентов Сайена.

Отец подготовился основательно, прихватил чемодан и два пальто. У прочих дела обстояли намного хуже – к стойке таможенного досмотра, пошатываясь, брели люди с окровавленными физиономиями и в лохмотьях, едва прикрывавших наготу. Как выяснилось, рейс номер

16 Шеннон – Лондон-Сити целиком состоял из коллаборационистов. Тех, кто продал друзей и государственные тайны Сайену и кого *laochra scátha*, призрачные воины, окрестили изменниками родины. Приговоренные к смерти, они не видели иного выхода, кроме как бежать в страну, которой отныне служили.

Попадались среди пассажиров сайенские дипломаты, потратившие время на переговоры, но так и не добившиеся капитуляции. Попадались люди, подобно моему отцу завербованные врагом и избравшие Лондон в качестве пункта назначения. Если не считать хнычущего младенца, я была единственным ребенком на борту.

Вскоре самолет приземлился по ту сторону Ирландского моря, и мы, неприкаянные, шеренгой выстроились на границе, оттягивая неминуемую встречу с Якорем.

Первые минуты на чужбине обернулись для меня настоящим потрясением. После детства, проведенного среди зеленых лугов в обрамлении невысоких гор, Лондон ошеломлял, поражал кобальтовыми фонарями, слепящими экранами и небоскребами, пронзавшими бездонную синеву. И этот город-исполин, непропорциональный до гротеска, мне предстояло назвать домом. Купив в «Коробке» черный кофе, отец шагнул в цитадель – шагнул на свою будущую гибель.

Лондон, фантастический, трагический, величественный, неподвластный никакой тирании. Он поглотил меня, и в его утробе я покрылась коконом из второй кожи. Кто бы мог подумать, что из кокона вылупится Черная Моль, зачинщица революции. Кто мог предположить, что я обрету семью в «Семи печатях» и разоблачу лондонских кукловодов.

Но в тот день мы с отцом слепо брели навстречу судьбе, не подозревая, какая участь нас ждет. Нечто подобное я испытывала сейчас, подплывая к берегам Сайенской республики Франция. Какие сражения уготованы мне там? Какие имена и маски предстоит примерить? В кого перевоплотиться?

Если бы я знала ответ, то немедленно повернула бы обратно.

На пороге контейнера возник портовый рабочий, принимавший нас в Дувре. Низко надвинутый козырек скрывал его лицо, изо рта вместе с дыханием вырывался пар.

– Все английские суда обыскивают вдоль и поперек, – сообщил он. – Надо убраться отсюда.

Стоило мне чуть приподнять голову, как затылок пронзила чудовищная боль, в висках заломило.

Докер бесстрастно наблюдал за мной. Я различила тускло-серые глаза и такие же волосы. Ни одной яркой черты. Страшно вообразить, скольких беглецов он переправил за границу и как широко раскинулась эта сеть.

Арктур склонился надо мной:

– Пейдж, встать сможешь?

От единственного кивка мир утратил очертания. Угловатый докер расплылся в бесформенный силуэт. Окружающие предметы растекались пятном краски на воде, прочерчивая зыбкие контуры. Я вытянула ноги, судорожно цепляясь за папку, переданную мне Скарлет Берниш. Папку, где хранилась моя новая биография.

Попытка встать обернулась кошмаром. Боль пульсировала в каждой клеточке, синяки ныли. Обливаясь холодным потом, я рухнула на пол.

Пока я силилась отдышаться, Страж наклонился, подхватил меня на руки и, вслед за портовым рабочим, направился к выходу из контейнера.

Побег запомнился смутно. Страж заслонял меня от ливня и ледяной стужи. Свернувшись калачиком у него на груди, я разглядывала окрестности. Хотя время только перевалило за полдень, небо над портом было чернильно-черным. Проектора отбрасывали тени на стенки гру-

зовых контейнеров. Готовились отчалить паромы и фрахтовые суда с обледенелыми трапами, сквозь пелену дождя на трансляционных экранах вспыхивало послание.

VOUS ENTREZ MAINTENANT À LA RÉPUBLIQUE DE LA FRANCE
DE SCION

ВЫ ВСТУПАЕТЕ НА ТЕРРИТОРИЮ САЙЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ФРАНЦИЯ

Воровато осмотревшись, докер впихнул нас в почтовый фургон.

– Сидите тихо, – велел он и захлопнул дверцу.

Очутившись в кромешной тьме, я словно перенеслась обратно в камеру, которая едва не стала моей могилой. Только злобный взгляд рефаита, огнем полыхавший над пыточной доской, озарял беспросветный мрак.

Страж сдвинул в сторону мешки и ящики, освобождая пространство. Я кулем повалилась на пол, ощущая, как от тела разит застарелым пóтом, грязные пряди свисают сосульками.

– Уверен, что он нас не выдаст? – прохрипела я.

Страж бережно накрыл меня пальто:

– Больше Сайен тебя не отнимет. Через мой труп.

Заурчал двигатель. На лбу у меня выступила испарина.

– Спать, – пробормотала я. – Хочу спать.

Страж устроился рядом и накрыл своими ладонями мои, грозя огромной пятерней расплющить тонкие пальцы в шерстяных перчатках.

– Отдыхай, – шепнул он. – Я покараую.

Заточенный в «Экстрасенсе» полтергейст паутиной трещин расколлот мой лабиринт. Убаюканная мерным покачиванием фургона, я провалилась в сон, – из мутной воды, затопившей маковое поле, одно за другим всплывали воспоминания.

Мои бабушка и дедушка, почти исчезнувшие под сенью Якоря. Наша ферма, обнесенная шиповником, резная табличка в форме медоносной пчелы над дверью.

Отец, казненный золотым мечом.

Портовый рабочий умудрился провезти под носом у береговой охраны двух самых разыскиваемых преступников Сайена. Казалось, минула целая вечность, прежде чем фургон остановился и Страж вновь подхватил меня на руки. Кости опять заломило. Боль капля за каплей просачивалась под кожу, норовя обратиться в бурный поток.

Припарковавшись на тихой улочке, докер втолкнул нас в узкий коридор.

– Ваша явка, – сухо обронил он. – Агент скоро выйдет на связь. До тех пор из квартиры ни шагу.

Дверь захлопнулась, шелкнул замок.

Тишину нарушало лишь мое прерывистое дыхание. Наверх тянулась лестница. Страж застыл у подножия, подсунув мне под голову ладонь.

В колонии он всегда умел защитить и помочь, прикрываясь мнимым могуществом. А теперь он просто беглый преступник. Бог в изгнании. Бессильный унять мою боль.

Поднявшись по ступеням, Страж бережно уложил меня на просторный диван. Утопая в широких и мягких подушках, я разглядывала наше новое пристанище: лепнина на потолке, кремовые стены, паркетный пол в елочку. Стол у панорамного окна сулил долгие завтраки в янтарных лучах рассвета. От обстановки веяло чистотой и умиротворением.

– Камин бутафорский, – заметила я.

– Действительно, – согласился Страж.

– Ты точно... – Я запнулась, подавляя истерический смех. – Точно выдержишь?

– Выдержу? – эхом повторил Страж.

– Ну да. Ты ведь любишь часами смотреть на огонь. Водится за тобой такой грешок, не замечал?

Страж укоризненно фыркнул. От приступа немого смеха у меня дико заныли ребра. Я потянулась сесть, но тело не повиновалось.

– Какие-нибудь пожелания на сон грядущий? – спросил Страж, поочередно запирая ставни.

– Мне надо... в душ.

Заминка. Дрожь в голосе. Они и выдали меня с головой.

– Наберу тебе ванну, – чуть погодя произнес рефаит.

По обыкновению, он уловил самую суть: ванна – более щадящий вариант для человека, прошедшего ад водной пытки.

– Хорошо, – пробормотала я.

Страж скрылся за дверью. Через мгновение раздалось характерное бульканье, загудели трубы.

В горле пересохло? Мои руки машинально сжались в кулаки. *Плеснуть темной владычице водички?*

– Пейдж.

Я уставилась в глаза рефаита – демонические, безжалостные. Сухейль Шератан снова явился утопить меня на суше.

Мышцы словно одеревенели. Меня опять приковали к треклятой доске, на лицо набросили мокрую тряпку. Охваченная страхом, я шарахнулась прочь от этих жутких глаз и повалилась на пол. Каждая косточка вдруг сделалась хрустальной, от удара скелет разлетелся вдребезги. Напрасно я ловила ртом неуловимый воздух и старалась дотянуться до несуществующего ножа.

Знакомая аура взывала ко мне. Когда пелена рассеялась, я увидела Стража, застывшего на расстоянии вытянутой руки – не слишком близко, но достаточно, чтобы помочь мне освоиться, вспомнить.

– Прости, – прохрипела я. – Мне просто...

Я не могла подобрать слов, как ни старалась.

Страж предупредительно поднял затянутую в перчатку ладонь:

– Нам еще долго куковать в этой квартире. Поэтому давай условимся заранее: впредь никаких извинений.

Минуту я собиралась с духом, потом, опираясь на Стража, встала и заковыляла в ванную.

– У меня просьба: какие бы звуки ты ни услышал, пожалуйста, не входи, пока я сама не позову.

Помедлив, рефаит кивнул. Я тщательно прикрыла за собой дверь.

На бортике горели ароматические лавандовые свечи. Чистое, просторное помещение вновь повергло меня в ступор. Кафельный пол с подогревом. Белоснежные пушистые полотенца, накрахмаленная сорочка. Повернувшись спиной к зеркалу, я стянула куртку, свитер, брюки, рубашку, заляпанную кровью еще в каземате. Ворсистая ткань царапнула свежий шов на предплечье.

Увидев свое отражение, я поняла, почему Страж предпочел свечи. Даже их тусклого мерцания хватило с избытком. Начиная от шеи, мое тело напоминало сплошной синяк.

Всматриваясь в зеркало и пересчитывая увечья, я точно переживала все заново. Руки, стискивающие мне горло. Кастет, врезающийся в живот. Ребра, треснувшие под натиском подбитых гвоздями сапог. Мои мучители постарались на славу. И слепящая белизна вокруг: бело-

снежные стены, пол. Ни единого пятнышка, как в операционной, – по крайней мере, на первых порах. Ни единого уголка, чтобы скрыться от издевательского смеха и бесконечных вопросов.

Засохшая кровь там, где плоть исполосовали осколки «Экстрасенса». Над бровью багровела ссадина – алый мазок на фоне мертвенно-бледной кожи. Подбородок свернут набок. Конечно, меня избивали и прежде, но никогда еще надо мной не трудились мастера пыточного искусства.

Не успела я отойти от затяжной реабилитации после колонии, как нужно начинать все заново. Мой организм уподобился карточному домику, готовому рухнуть от малейшего дуновения ветерка.

Безмятежная поверхность ванной выглядела особенно зловеще. От прикосновения к воде кожа моментально покрылась мурашками, ободранные цепями лопатки заныли.

Мне необходимо смыть кровь, а заодно подавить этот страх в зародыше, если не хочу заработать фобию.

Затаив дыхание, я опустила в ванну сначала одну ногу, потом другую.

Поджилки у меня тряслись, царапины горели. Только погрузившись до пояса, я наконец отважилась выдохнуть. Приятное тепло обволакивало. Я почти забыла, какое это блаженство – купаться в теплой воде. После каждой экзекуции меня, мокрую до нитки, оставляли дрожать от холода.

Озноб усилился. Из груди вырвался надсадный вой. Сутками напролет я молчала. Стискивала зубы под пытками. Крепилась, не сломалась. И вот теперь напряжение кошмарных дней, когда меня, попранную, обезличенную, терзали в застенках, хлынуло наружу.

Страж исполнил мою просьбу и не появлялся. Я рыдала, пока не охрипла, а после вытянулась во весь рост и обхватила себя руками, впиваясь пальцами в синяки.

Вода почти остыла, когда мне наконец удалось сесть. Я медленно набрала пригоршню. Поднесла к лицу. Намочила нос. Потом губы.

Расплата последовала незамедлительно. Мускулы налились свинцом. Окружающий мир померк, я снова перенеслась в темницу и судорожно вцепилась в бортики ванны. *Пей, тварь*, шипел Сухейль. В ушах зашумело. *Никто тебя не спасет*. Перевалившись через край, я соскользнула на пол и скорчилась над унитазом.

Пустой желудок сводило от спазмов. По спине струился холодный пот. Меня не просто рвало, а буквально выворачивало наизнанку.

– Пейдж? – послышалось из-за двери.

– Все нормально, – глотая слезы, откликнулась я. – Нормально.

Сплюнув остатки желчи, я снова полезла в ванну, преисполненная решимости смыть с себя клеймо узницы.

Темная владьчица не желает промочить горло? Отпраздновать свое недолгое царствование?

– Страж. – В горло словно засунули кляп. – Не могу, задыхаюсь...

Пей.

На жуткую долю секунды почудилось, что я вот-вот потеряю сознание и утону, но тут, откуда ни возьмись, возник Страж и ухватил меня за локти.

– Дыши. – Мои ладони легли ему на плечи. – Пейдж, посмотри на меня, – доносилось из темноты. – Дыши. Медленно.

Легко сказать. Я втягивала носом воздух, но мокрая тряпка блокировала приток кислорода.

– Вот так, – увещевал Страж. – Потерпи.

Сморгнув пелену, я с облегчением удостоверилась: он действительно здесь, рядом.

– А теперь выдыхай.

Его голос подействовал отрезвляюще. Мои пальцы впились в мускулистые предплечья. Едва паническая атака миновала, Страж отодвинулся, покосившись на мое истерзанное тело.

Он поднял взгляд, безмолвно спрашивая разрешения и, получив в ответ кивок, заскользил глазами по ссадинам и кровоподтекам, не задерживаясь дольше положенного на пикантных местах.

– Кто? – одними губами произнес он, кивнув на рассеченные запястья.

– Легионеры. Иногда в рамках допроса. Иногда забавы ради. Топил... топил только Сухейль.

В зрачках Стража вспыхнул недобрый огонек.

– Понимаю, ты злишься. Злишься, что я добровольно капитулировала, никого не предупредив.

Рефаит всматривался в мои руки с почерневшими ногтями.

– Я презирал тебя за обман. Ты прекрасно осознавала, чем чреват такой поступок, но тем не менее рискнула, хотя шансы на успех стремились к нулю.

– Рискнула и не жалею, – покаянно шепнула я. – Существовал единственный способ уничтожить «Экстрасенс», и я им воспользовалась.

– Для тех, кому ты небезразлична, никакая победа не сопоставима с твоей смертью. Считать иначе – заблуждение. День за днем я надеялся, что ты образумишься. Поймешь, какую глупость сотворила. – Страж легонько вздернул мне подбородок. – Впрочем, как всегда.

Улыбка на моих губах вспыхнула и погасла.

Присутствие Стража подействовало умиротворяюще. Захотелось поскорее выбраться из ванны и завалиться спать. Я потянулась за куском мыла, Страж устроился на полу.

– Джексон навевался в архонт. Решил поболтать напоследок, – сообщила я, наблюдая, как ванна наполняется грязной пеной. – Если он не соврал, двадцать лет назад тебя изувечил сам Потрошитель.

Страж долго сидел, не проронив ни слова.

– Закованные в кандалы, мы почти смирились с мыслью, что нас неминуемо секвестрируют – казнят за совершенные злодеяния, – наконец произнес он. – Однако вышло иначе. У Саргасов рука не поднялась расправиться с сородичами.

– Альсафи Нашира не пощадила.

Свист меча. Стук, с которым отрубленная голова покатила по полу. Я почти не знала Альсафи, однако он пожертвовал собой ради меня.

– Наверное, не совладала с эмоциями. Такое изредка, но случается. Предательство Альсафи вывело ее из себя. Нет, шрамы – куда более изощренное наказание, – вздохнул рефаит. – Отныне мы обречены вечно носить клеймо отступников.

– Тебя не преследует образ темницы? Нет ощущения, что ты до сих пор заперт в четырех стенах?

Снова повисла пауза.

– Из некоторых стен не вырваться, – глухо произнес Страж.

Хотя бы не соврал.

– Осталось помыть голову, – сменила я тему. – Надеюсь, справлюсь.

– Тогда не смею мешать.

Страж вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Собрав стремительно угасающие силы, я выдавила полтюбика шампуня и мылила волосы до тех пор, пока не заняли руки. Немалое мужество потребовалось, чтобы тщательно смыть запекшуюся кровь и грязь. Только удостоверившись, что кожа чистая до скрипа, я вытащила пробку.

Не знаю, сколько я просидела на кафельном полу – опустошенная, разбитая. Некогда элементарная, будничная процедура высосала из меня все соки. Пьяная от слабости, я кое-как

поднялась; с мокрых волос стекала вода. На предплечье, между стежками, набухла капелька крови.

За три недели заключения мне всего раз позволили почистить зубы. Сейчас щетинки окрасились в розовый. Истратив примерно пинту ополаскивателя для рта, я вытерла волосы и натянула сорочку, путаясь в петлях и пуговицах.

На подгибающихся ногах я переступила порог. Страж отвел меня в затемненную комнату с высоким потолком, в которой на двуспальной кровати у окна громоздились подушки и одеяла.

– Отдыхай. – Он убрал руку с моей талии. – Скоро травмы дадут о себе знать.

Напряжение между нами стремительно нарастало, подстегиваемое осознанием неминуемого. Трепет внушал не внешний враг, готовый атаковать, не дожидаясь моего исцеления, а внутренний, затаившийся в моем теле.

– Сейчас принесу грелку, – проговорил Страж, заметив, как я хватаюсь за ребра. – Что-нибудь еще?

– Нет. – Перед глазами все плыло от усталости. – Страж... Тирабелл определила тебя в сопровождающие, поскольку больше никто не вызвался. Представляю, как унижительно для рефаита нянчиться с человеком. – Каждое слово давалось мне с невообразимым трудом. – Не хочу обманывать, я не знаю, когда поправлюсь и поправлюсь ли вообще.

– Не вижу ничего унижительного и зазорного, – утешил Страж. – А раны рано или поздно затянутся. Лечись спокойно, без оглядки на меня.

Ласковый голос сломил последнюю преграду. Не в силах противиться искушению, я прильнула к мускулистой груди. На секунду мне захотелось очутиться в его объятиях. Убедиться, что это не навеянная наркотиком галлюцинация.

– Прости, юная странница. – Рефаит бережно привлек меня к себе. – Прости, что недоглядел.

– Я не оставила тебе ни единого шанса, – не открывая глаз, шепнула я.

Крепкая рука обвила меня за плечи. Тишину нарушало только размеренное сердцебиение Стража и прерывистое мое.

Дальше тянуть не имело смысла. Я опустила на кровать. Капли воды стекали за шиворот. Пока меня душила гордость, Страж скрылся за дверью, но вскоре вернулся с расческой и феном.

– Ну зачем... – промямлила я.

– Не надорвусь, – заверил Страж. – Облокотись на меня.

Дважды просить не пришлось. Струя теплого воздуха шевелила мне пряди. Я сидела, привалившись к Стражу, и клевала носом. Выключив фен, рефаит устроил меня на подушках.

– Попробуй заснуть полусидя. Так легче дышать.

Парализованная дремотой, я даже не смогла кивнуть. Еще не остывшие волосы приятно грели щеку.

Казалось, еще немного – и ловушка захлопнется. Не верилось, что я могу лежать в чистоте, уюте и безопасности. Часть сознания, та, где поселился страх, нашептывала: все это – лишь отчаянная игра твоего воображения, ты в темнице, вот-вот явится палач.

Однако никто не появился. За окном просыпался Париж, раздавались птичьи трели.

Я уснула прежде, чем нахлынула боль.

Часть I Выкуп

*На выкуп я не поспею,
Гремит в кармане золото.
Я деву от петли спасу,
Не стать ей нынче прахом.*

Баллада Чайлда номер 95 «Девушка, избежавшая виселицы»

1. На чужбине

*Сайенская цитадель Париж
14 января 2060 года*

Озаренный лунным светом клинок рассек воздух. Смертоносная сталь блестела и переливалась. Захлебываясь рвотой, я билась в оковах, а незримый убийца наносил удар за ударом.

Подземелье с ослепительно-серыми стенами. Яркий свет, от которого перед глазами расплывались разноцветные круги. И вода – вода, заливающая легкие. Сухейль Шератан выступил из полумрака и протянул обтянутую перчаткой ладонь к рычагу.

Рука инстинктивно метнулась к лампе. Вид парижской спальни моментально привел меня в чувство. Страх испарился. Оковы оказались простынями, клинок и сжимающие его пальцы с побелевшими костяшками принадлежали мне, а увиденное было лишь образом из прошлого.

По спине струился холодный пот. Малейший вдох бередил свежие раны. На электронном табло горели цифры: двадцать три минуты первого ночи, а я стискивала нож, который прятала под подушкой.

В кошмарах меня преследовала то водная доска, то стерильно-белая комната, где меня избивали легионеры, то Дублинское вторжение. Куда лучше маяться бессонницей, чем дрыхнуть без задних ног, а очнувшись, осознавать, что ты почти утратил ощущение реальности и смутно представляешь, где сон, а где явь.

Дверь в спальню приоткрылась.

– Пейдж?

Я спешно вытерла покрытый испариной лоб:

– Все нормально. Просто... – Мокрые пряди прилипли к вискам. – Я кричала?

– Нет, разговаривала.

В архонте я никогда не молила о пощаде и теперь с лихвой компенсировала это по ночам.

– Если ты уже проснулась, может, заглянешь в гостиную? – позвал Страж. – Но смотри по самочувствию.

– Сейчас. Все равно больше не усну. – Я захлебывалась кашлем. – Погоди минутку.
– Лучше десять, иначе не успею, – предупредил Страж. – И накинь пальто.

Чересчур загадочно даже по его меркам! Заинтригованная, я отбросила простыню.

Явочная квартира располагалась на Рю Жи-ле-Кёр, в сердце старого Парижа, откуда рукой подать до Сены. За две недели нашего пребывания в четырех стенах – ни малейших признаков соседей. Похоже, всеми близлежащими зданиями неофициально владела Скарлет Берниш или ее могущественный наниматель.

Проект «Домино». Шпионская сеть, которая спонсировала Берниш и приказала ей вызвать меня из архонта. До сих пор не представляю зачем – знаю только, что ради моего спасения они пожертвовали ценным агентом.

Закутавшись потеплее, я направилась в гостиную. В воздухе разливался упоительный аромат, тихонько мурлыкал проигрыватель, а на столе белела записка:

Запертая дверь.

Мои брови поползли вверх.

Единственная запертая дверь в гостиной, не открывавшаяся с нашего приезда, теперь была распахнута настежь. Я вскарабкалась по деревянным ступеням на пустынный чердак, а оттуда, по лестнице, на крышу.

Страж помог мне выбраться из люка, и мы замерли под усыпанным звездами небом.

– С ума сойти! – вырвалось у меня. – Какой потрясающий вид!

Запорошенная снегом набережная подобием кружева обрамляла реку. На том берегу темнели крыши Île de la Citadelle¹, родины инквизиторских судов и гильдии легионеров.

– Вряд ли «Домино» одобрит нашу вылазку, но в честь праздника можно.

– Какого праздника? – растерялась я.

Страж кивнул мне за спину.

Я обернулась.

На плоском участке крыши, откуда открывался панорамный обзор на Сену, виднелось расстеленное покрывало. Свечи под стеклянными колпаками озаряли тарелки с угощением, в центре импровизированного стола красовался нарядный торт.

Время перевалило за полночь. Близился новый день, а с ним и мое двадцатилетие. Однако в свете последних событий знаменательная дата напрочь вылетела у меня из головы.

– Небогато, конечно, – заметил Страж, обращаясь к дымовой трубе. – После всех перенесенных тягот ты заслуживаешь...

Я легонько стиснула его запястье:

– Лучшего праздника и представить нельзя.

Он наконец соизволил перевести на меня взгляд. Смотрел без улыбки. В отличие от людей, рефайтам не свойственно выражать эмоции через мимику, тем не менее черты Стража едва уловимо смягчились. Может, мне почудилось, а может, я постепенно училась видеть его насквозь.

– Тогда прими мои поздравления, Пейдж.

– Спасибо.

Мы опустились на покрывало. Страж сидел, привалившись к дымоходу. Я свесила ноги с парапета и с упоением вдыхала пьянящий свежий воздух. Страж понимал, как тягостно мне торчать в четырех стенах, а тут, на крыше, можно вольготно любоваться звездами.

Угощение оказалось выше всяких похвал. Сырная нарезка, тонюсенькие ломтики хлеба с маслом. Умопомрачительный салат из латука, сладкого картофеля и сваренных вкрутую яиц. Груши, краснобокие яблоки, апельсины. Выпечка – такая изящная, что страшно брать в руки. Арктур даже умудрился раздобыть каштаны в сахарной глазури – мое любимое лакомство.

¹ Иль-де-ля-Ситадель, остров Цитадель.

– Где ты все это достал? – недоумевала я, пододвигая к себе блюдо с каштанами. – Накладывал из воздуха?

– Ты мне льстишь. Альберик привез по моей просьбе.

Альберик был агентом, снабжавшим нас провизией. Хотя мы ни в чем не знали отказа – Стражу доставали контрабандное вино, для меня кофе, – мне ни разу не довелось встретить нашего неуловимого благодетеля.

– С тортом, правда, возникла накладка, – признался Страж. – Пришлось добывать его по своим каналам.

Уголки моих губ поползли вверх.

– Хочешь сказать, ты украл торт?

– Каюсь, тряхнул стариной.

Улыбка стала шире.

Мы вслушивались в голоса Парижа. Цитадели никогда не спят. Как метко выразилась Надин, в них не смолкает заунывный напев – низкий, непрекращающийся гул, похожий на протяжный выдох, шум крови, бегущей по венам улиц. Сирены, урчание моторов, бормотание не выключающихся ни на секунду трансляторов. Я впилась зубами в круглое пирожное с миндальным кремом.

– Напитки? – Страж протянул мне серебряный кувшинчик.

– А что там?

– Le chocolat chaud, – гортанно откликнулся Страж по-французски. – Горячий шоколад. Любишь?

– Не то слово.

Я снова принялась за угощение, периодически прикладываясь к кофейной чашечке с золотистым ободком, наполненной густым и приторным, как патока, шоколадом.

Если первую неделю мне кусок не лез в горло, то сегодня проснулся зверский аппетит. Перепробовав весь ассортимент, я покусилась на торт, покрытый кофейной глазурью. Не десерт, а настоящий праздник для моих почти атрофированных вкусовых рецепторов.

– Угощайся, – расщедрилась я, отрезая себе второй кусок.

– Спасибо, воздержусь.

– Почему?

– За столом такое не говорят.

– Заинтриговал!

– Меня стошнит, – пояснил Страж, когда я проглотила очередную порцию торта.

– Врешь! – засмеялась я.

– Юмор не мой конек, пора бы запомнить.

– Ну, не скромничай. Спонтанные шуточки у тебя получаются мастерски. – Порыв ветра взъерошил мне волосы. – Значит, от еды тебя тошнит. А как насчет напитков?

– Не употребляю ничего гуще бульона. Не могу переваривать твердую пищу.

– Разве у тебя нет желудка?

– Неизвестно, какими органами я располагаю по человеческим меркам. Никто из рефайтов не подвергался врачебному осмотру. Нашира свято хранит тайну нашей анатомии.

Рефайты по-прежнему оставались загадкой, но благодаря тесному соседству со Стражем у меня появился шанс восполнить пробелы в знаниях.

– Да, не повезло тебе, – посочувствовала я. – Ну и ладно, мне больше достанется.

– Вот именно.

Расправившись со вторым куском, я сыто откинулась на спину и устремила взгляд в небо; дыхание вырывалось изо рта, словно пар из чайника.

Казалось, целая вечность минула с моего девятнадцатилетия. Год назад Ник еще утром испек клубничный торт, а Джексон любезно выделил мне целых девятнадцать минут на зав-

трак. («Нет лучшего подарка, чем трудиться в поте лица на своего главаря мимов. Верно, лапушка?») Позже Ник вручил мне невероятной красоты шатлен, который он урвал на черном рынке, и комплект пластинок для моей коллекции. Праздновали втроем с Элизой, сварганив стол на скорую руку.

Мы были безумно счастливы в своем крохотном, с таким трудом отвоеванном мирке, где можно отрешиться от Сайена и перебиваться брошенными нам крохами.

Страж вытянулся на покрывале, заложив руки за голову. Никогда еще не видела его таким по-человечески расслабленным и умиротворенным.

– Спасибо за угощение. И вообще за все, что ты для меня делаешь. Хотя сейчас со мной, мягко говоря, невесело.

– А ты и не занималась меня развлекать.

Интересно, а как он вообще относится к дням рождения? Наверное, для бессмертного существа забавно наблюдать, с каким мазохизмом мы отмечаем каждую ступень, приближающую нас к могиле. Но все равно приятно, что он постарался, накрыл стол.

Над явочной квартирой вспыхнули три звезды.

– Рефаитов именуют как созвездия в старину, – пробормотала я. – С чего бы?

– Почти никому не под силу выговорить наши подлинные имена. А поскольку звезды издавна ассоциируются у людей с богами, Нашира повелела нам представляться именно так.

– А имена выбирали самостоятельно?

– Самостоятельно, но с дозволения эфира. Кстати, я никогда не просил обращаться ко мне по имени.

– Арктур?

– Да. Страж – просто титул, которого меня лишили. Мы знакомы почти год. Если хочешь, зови меня Арктуром.

Вообще-то, он прав. Последние месяцы я называла его Стражем скорее по привычке... или в надежде, что, соблюдая формальности, сумею обуздать свое влечение. В любом случае пора менять формат.

– Арктур, – повторила я. – Мне нравится.

Вдалеке завывла сирена. Где-то под покровом ночи Нашира Саргас планировала очередной ход.

Ее власть и могущество внушали немалый страх. Инстинкт подсказывал: именно Наширу нам предстоит одолеть, чтобы выиграть войну. Однако вплоть до событий в застенках образ наследной правительницы не преследовал меня по ночам. Нас всегда разделяло солидное расстояние.

Но теперь все изменилось. Дважды я сумела выскользнуть из ее лап. Стерпела пытки, не сломалась. Не умерила свой пыл. Не умерла. Нет, Нашира не успокоится, пока не сотрет меня с лица земли.

К реальности меня вернул легкий шорох. Страж – Арктур – ничего, со временем освоюсь – пододвинул мне сверточек.

– Подарок.

Я с любопытством разглядывала продолговатый предмет, завернутый в газету.

– Арктур, ну зачем! Это совершенно лишнее.

– Разве ваше утробное рождение не чествуют дарами?

– Утробное рождение? Какая прелесть!

Сверток оттягивал руку. Внутри оказалась изящная шкатулочка. Овальную крышку украшал мотылек из дымчатого стекла, сидящий на овсяном колокольчике. Я как-то обронила, что это мой любимый цветок, символизирующий пленительную силу музыки.

Я повернула золотой ключик, и из недр шкатулки возникла фигурка птички – белокобый дрозд с черным оперением и белой грудкой. Дрозд захлопал крохотными механическими крылышками и защебетал не хуже настоящего.

– Арктур! Где ты раздобыл такую красоту?!

– Пожертвовал экземпляром из своей коллекции. Была табакерка, стала boîte à oiseau chanteur.

Музыкальная шкатулка.

– Потрясающе! – искренне восхитилась я. – Погоди, ты сам ее смастерил?

– Просто внес кое-какие коррективы.

Внутренняя сторона крышки, стилизованная под маковое поле, тоже поражала изяществом. Страж сел рядом и повернул ключ в другую сторону. Дрозд умолк, заиграла музыка. Мелодия навеяла смутные воспоминания: дедушка чинит арфу и скрипучим голосом поет об утраченной возлюбленной.

Меня вдруг одолела тоска, ее щупальца росли из потаенного уголка сердца, навсегда отданного Ирландии. Представилось, как Страж мастерит шкатулку под неодобрительными взглядами Рантанов.

Арктур подарил мне осязаемую память. Повинуясь порыву, я наклонилась и легонько поцеловала его в щеку:

– Спасибо.

– Хм, – буркнул он и поднял свой бокал с вином. – За тебя, Пейдж. И за следующие двадцать лет.

– Sláinte, – откликнулась я на родном диалекте. – Твое здоровье. Надеюсь, следующие двадцать лет выйдутся более радужными.

Мы выпили. Я пристроила голову ему на плечо, и мы просидели до самого рассвета, наблюдая, как на небосводе одна за другой гаснут звезды.

Тянулись унылые, однообразные дни, но агент «Домино» не спешил выйти на связь. Моя реабилитация тоже застопорилась. За две недели синяки, конечно, поблекли, однако слабость никуда не делась.

Душевные раны затягивались еще медленнее. Время ничуть не притупляло воспоминаний. Я по-прежнему не смыкала глаз по ночам. Иногда мне являлось обезглавленное тело отца с зияющей шеей. Иногда меня прошибал озноб, от которого цепенели пальцы. Арктур неоднократно заставлял меня у батареи, закутанную в одеяло.

Но больше всего угнетала темнота. Мне ни разу не удалось толком заснуть с включенным светом, однако без ночника чудилось, что меня снова бросили в кромешный мрак темницы, где мне предстояло сгинуть и где действительно умерла частичка меня.

Зато я отказалась от снотворного. Раз за разом меня будил судорожный кашель и острая боль в правом боку, возникавшая от каждого глубокого вдоха.

На первых порах я не пропускала ни единого выпуска новостей – хотела убедиться, что Скарлет Берниш жива, хотела хоть одним глазком взглянуть на Лондон, – однако кадры неизменно пробуждали во мне желание взяться за старое. Особенно когда на экране мелькала физиономия Жоржа Бенуа Менара, верховного инквизитора Франции.

Менар заслужил репутацию фанатика, самого кровожадного среди своих коллег. На гильотину он отправлял тысячами, а на декабрьском мероприятии его интересы представляла супруга, Люси Менар Фрер. Иной информацией о его персоне я не владела.

Арктур, как мог, старался скрасить наш досуг. Обучал меня шахматам – великолепной и увлекательной игре, где мне, правда, не довелось выиграть. Закаленная игорными домами Сохо, я легко взяла реванш в картах и, в доверок к классическому своду правил, поделилась секретами шулерского мастерства.

– Не очень-то порядочно заниматься мошенничеством, – укорил однажды Арктур.

– Конечно нет. Но с волками жить – по-волчьи выть, – заметила я, открыв очередную карту. – Это только в книгах у воров есть кодекс чести.

В колонии рефаита назначили моим тюремщиком. В Лондоне я стала его королевой и повелительницей. Теперь мы наконец-то сравняли счет – два беглых преступника без каких-либо полномочий.

Мне нравилось делить с ним ссылку, хотя понадобилось немало времени, чтобы признать: я счастлива от его близости. Страх, что за пару дней мы исчерпаем все темы для разговоров, не оправдался. Иногда наши беседы затягивались глубоко за полночь.

Арктур был умен, чуток, внимателен, умел слушать и метко шутить, хотя его юмор скорее относился к категории спонтанного. Я рассказывала ему о самом сокровенном: о детстве, проведенном с бабушкой и дедушкой на молочной ферме в Ирландии, о «Семи печатях». Мы обсуждали пластинки, выкопанные мною из горы хлама на черном рынке, книги, добытые Стражем в колонии. Арктур поведал мне о событиях, вымаранных Сайеном из учебников.

Он в деталях живописал загробный мир, мне отчетливо представились его величественные здания, вытесанные из радужного камня, города, сверкающие наподобие битого стекла. Представилась река Скорбей, вымощенная жемчужной галькой.

– Река Скорбей? Ну и название. Не загробный мир, а бунтарский оплот.

– Издержки перевода.

Помимо музыки мы оба питали страсть к языкам. Как-то вечером Арктур попросил научить его гэльскому.

– Зачем? – Мы сидели за шахматной доской, и я ждала, пока рефаит сделает ход. – На нем практически не говорят. По крайней мере, на людях.

– Тем более повод выучить.

Партия близилась к завершению. На доске преобладали черные – верный признак, что я вот-вот выиграю.

– После Мэллоуновских восстаний Сайен постарался искоренить ирландский. Исчезли книги, а носителей языка можно по пальцам сосчитать.

Арктур передвинул белую пешку:

– Мне достаточно тебя. И потом, мне давно хотелось овладеть еще одним языком смертных.

– Сколькими ты владеешь?

– Шестью. Английским, французским, шведским, греческим, румынским и сайенским языком жестов.

– Всего лишь? – Я переставила черного ферзя на поле соперника. – Маловато за два столетия. Я прожила в десять раз меньше, а три языка выучила.

– Твое умственное превосходство неоспоримо, Пейдж...

– Ну не утрируй...

– ...жаль, на шахматы оно не распространяется. – Белый слон потеснил черного ферзя. – Шах и мат.

Я уставилась на доску:

– Ах ты... засранец!

– Ты следишь только за королем и ферзем. Урок на будущее – нельзя пренебрегать второстепенными фигурами.

Крыть было нечем.

– Твоя взяла. Снова. – Вздыхнув, я пожалала победителю руку. – Ладно, научу тебя гэльскому, а ты меня – глоссу. Согласен?

– Глосс не предназначен для смертных. Это язык духов.

– А полиглоты? – возразила я.

– Полиглоты владеют им от природы, а не постигают в процессе учения.

– Ты меня недооцениваешь. Скажи любое слово на глоссе, а я повторю.

Устав препираться, Арктур издал мягкий, переливчатый звук. Я попыталась повторить.

– Неверно, – оценил он чуть погодя мои потуги.

– Почему?

– Речевой аппарат смертных не приспособлен для глосса. Даже при идеальной имитации звука вы задействуете только голосовые связки, а не фантом.

Я постаралась скрыть разочарование. Глосс – совершенно чарующий язык, да и потом, мне так хотелось назвать Арктура его подлинным именем.

Однако вспомнить родную речь заманчиво, как ни крути. Моя бабушка выросла на острове – родине гэльского – и передала мне этот бесценный, единящий нас дар, который я предала забвению на многие годы.

Из-за Мэллоуновских восстаний Сайен обрек все кельтские языки на вымирание, подвергнув их остракизму, даже за закрытыми дверями родную речь больше не передавали из поколения в поколение. Пожалуй, обучить рефаита гэльскому – не самая плохая мысль. Через него глас моих предков обретет бессмертие.

– Ладно, будут тебе занятия, – объявила я. – Но предупреждаю: в ирландском произношение не имеет ничего общего с написанием.

– Никогда не боялся трудностей.

– Только потом не жалуйся. – Я придвинула к себе листок и нацарапала самое длинное слово, какое смогла вспомнить – *grianghráfadóireacht*, «фотография». – Напряги извилины и попробуй прочесть.

Арктур повертел листок и снова потянулся к бутылке:

– Определенно, ирландский голыми руками не возьмешь.

По вечерам мы смотрели фильмы из обширной подборки. Я с нетерпением ждала наступления темноты, когда мы уютно устраивались на диване. Случалось, я засыпала прямо перед телевизором, а утром, за завтраком, Арктур рассказывал, чем кончилось кино.

Вскоре после моего дня рождения мы, по обыкновению, устроились в гостиной. Арктур, затаив дыхание, следил за событиями на экране. Недели нервных потрясений, разлуки, вот мы снова вместе. Суровые черты рефаита разгладились, рука расслабленно покоилась на подлокотнике.

Месяц назад я бы придвинулась ближе. А он привлек бы меня к себе и поцеловал в макушку.

Иногда мне хотелось вывести его на откровенность. Хотя о чем говорить! Наш роман был обречен, ведь для темной владычицы все подчинялось революции, а кроме того, мы боялись навлечь на себя гнев Рантанов.

Теперь от темной владычицы остался лишь титул, а от Рантанов нас отделяли моря.

Арктур словно прочел мои мысли. Наши взгляды встретились. Замешкавшись, я не сразу отвела глаза.

– Ты как? – забеспокоился он.

– Нормально. – Я отодвинула тарелку. – Просто иногда не верится, что ты здесь. Точнее, мы оба. Вместе.

– Да уж. Немало воды утекло с тех пор, как ты мечтала перерезать мне горло.

– Это точно.

Я машинально водила пальцем по серебристым отметинам у себя на ладони. Фантом, питавший «Экстрасенс», вырезал на моей коже буквы – сливаясь с хитросплетением шрамов, они образовывали слово «семья». До сих пор не представляю, о какой семье речь и как мне удалось изгнать фантом, не зная его имени.

На экране мелькали женщины с иссиня-алыми губами и подведенными бровями. Остров света озарял не подземелье, а уютную комнату. Я дремала, свернувшись клубочком возле Арктура. Дремала в тепле, чистоте и безопасности.

Внезапно в гостиной повеяло холодом. Разукрасив инеем стекла, психопомп скользнул через окно и замер перед рефайтом.

– Дурные вести? – спросила я, едва психопомп исчез.

– На место Хилдред Вэнс назначили заместителя. Наследная преемница Виндемиатрикс Саргас уже на пути в Лондон. Она будет содействовать Сайену в операции «Альбион».

– Вэнс не погибла?

– Нет. Но в реанимации.

Напрасно Альсафи ее не добил. И я хороша! Могла бы догадаться, что Вэнс до последнего будет цепляться за жизнь.

– «Альбион»... – потирая веки, пробормотала я. – Знакомое название.

– Это особая операция, направленная на подавление сопротивления и полный разгром Касты мимов, – пояснил Арктур.

Полномасштабные военные действия в сердце Сайена. Я приподнялась на локтях:

– Думаешь эта... как ее... Виндемиатрикс представляет серьезную опасность?

– Последние два столетия ей вменялось наблюдать за свободным миром. Наверняка она воспользуется приобретенными навыками, чтобы разыскать Касту мимов и внедриться в нее.

– Надеюсь, Рантаны предупредили Светляка и Элизу.

– Даже не сомневайся.

Каста мимов еще не готова дать бой. Первоначальный раскол ослабил ее структуру, а «Экстрасенс» парализовал работу на месяцы. И вот теперь новое испытание.

В столице по-прежнему действовало военное положение, улицы кишмя кишели солдатами. Элизе и Светляку, правящим в мое отсутствие, придется пахать круглыми сутками, чтобы помешать «Альбиону» загасить искру революции.

– А чем заняты Рантаны?

– Психопомпы – не слишком надежные гонцы, поэтому мы стараемся с ними не открывничать, но перед нашим отъездом Тирабелл поведала, что намеревается восстановить агентурную сеть Альсафи и продолжить вербовать союзников.

– Вот и славно.

Фильм закончился. Арктур удовлетворенно кивнул – на семь баллов из десяти – и поднялся:

– Пора принимать ауру. Скоро вернусь.

Он прекрасно понимал, чем рискует, но голод не тетка.

– Будь осторожен.

По пути к двери Арктур остановился и набросил мне на плечи второе одеяло, бережно подоткнув края. Едва он скрылся за порогом, мои мысли вернулись к угрозе, нависшей над Лондоном.

С армией я сталкивалась неоднократно, а вот в шпионских играх не смыслила ровным счетом ничего. Мария Огненная как-то обмолвилась, что лишь благодаря шпионажу Сайен подавил восстание в Болгарии. Внедрившись в ряды оппозиции, «кроты» уничтожили ее на корню. Нельзя допустить, чтобы это случилось с Кастой мимов.

Даже в бегах я оставалась темной владычицей и несла ответственность за судьбу Синдиката.

Истощенный организм требовал свою порцию сна. Около полуночи меня разбудил стук входной двери. Доковыляв до первого этажа, я забрала принесенные продукты и рассовала их по полкам холодильника и шкафчиков.

Под еще неостывшим багетом обнаружился конверт с картой цитадели, добытой Альбериком по моей просьбе. После короткого созерцания я сложила карту и спрятала в карман.

Вряд ли Сайен выследил меня в Париже. А из опасений пошатнуть веру в правящий режим легионеров вообще могли не уведомить о моем бегстве.

Я умела невидимкой скользить по улицам, умела обходить преследователей вокруг пальца. Настало время применить мои навыки. Риск, разумеется, огромный, но дурные вести с родины притупили страх. Нельзя просто сидеть и ждать милостей от «Домино».

В Лондон я приехала испуганным ребенком, а покидала его в статусе королевы преступного мира, в совершенстве овладевшей искусством сплетаться с цитаделью воедино. Пора мне познакомиться с Парижем, наладить контакты с местными ясновидцами и выручить Касту мимов.

В первый же день мое внимание привлек тюбик краски для волос на полочке в ванной. Отвинтив колпачок, я щедро намазала кудри и выставила таймер. Походы в душ по-прежнему давались с трудом; кое-как пересилив себя, я смыла алую, цвета застарелой крови, краску. Высушенные феном локоны блестели и отливали медью. Как...

Как у отца.

Отец.

Рот наполнился слюной. Я скорчилась над раковиной, до боли впившись пальцами в ее края.

Его больше нет. Казнен. Перед внутренним взором вновь замелькали жуткие кадры: взмах позолоченного меча, кровь, капающая с лезвия. Из зеркала на меня укоризненно смотрела та, что обрекла родного отца на гибель и, в своей войне против Сайена, пальцем не пошевелила, чтобы его спасти.

Но я все исправлю, заглажу вину проверенным способом.

И начну незамедлительно.

2. Париж

Арктур вернулся изрядно окрепшим, как всегда после подпитки. Меня он застал на кухне с чашкой кофе. На щеках у меня играл румянец – спасибо проверенной технике щипков, – тональный крем скрывал темные круги.

- Привет.
- Здравствуй, Пейдж.

Он никак не прокомментировал перемены в моем облике. Молча снял пальто и повесил на крючок.

– Альберик приходил. У винных запасов пополнение. – Я откашлялась: – Мы можем поговорить?

- Разумеется. Могла бы и не спрашивать.
- Сказал рафинированный товарищ с интонациями наследника английского престола.
- Туше.

Бросив перчатки на каминную полку, Арктур уселся напротив. Я пододвинула ему бокал с вином, ничего другого он не признавал даже по утрам, а мои попытки приучить его к чаю или кофе не увенчались успехом.

– Не стану ходить вокруг да около. Мне надоело прятаться, – объявила я и, встретив гробовое молчание, пылко продолжила: – Обещаю, никакого фанатизма. Просто разыщу местный Синдикат. Если повезет, парижские ясновидцы станут отличным подспорьем для Касты мимов, а союзники нам сейчас не помешают. Пора разжечь костер революции.

- Значит, твоя хворь отступила?
- Даже не сомневайся.
- А круги под глазами – наглядное тому подтверждение. Как и бочонок кофе.
- Это был сарказм? – нахохлилась я.
- Пейдж...

– Обычная чашка. Только... без ручки. – Я потеряла переносицу. – Ладно, пусть будет бочонок, и состояние у меня отвратительное, но на пару часиков хватит. На пару-тройку.

– Ты не забыла, что неофициально возглавляешь список самых опасных преступников республики?

– Для основной части республики меня застрелили еще в Эдинбурге. Правда известна лишь горстке приближенных, не более.

- Я не вправе тебе препятствовать. Поступай, как знаешь.

– Мне необходимо твое одобрение. И помощь, – попробовала я задобрить Стража, но слова точно натыкались на глухую стену. – Или тебе плевать, что Сайен вот-вот доберется до Касты мимов? Неужели все труды и жертвы последнего года насмарку? Зачем бездействовать, если можно что-то предпринять?

- Ты уже предприняла достаточно, деактивировав «Экстрасенс».
- Поверь, это не предел.

– Думаешь, легко было наблюдать, как ты добровольно лезешь в пасть к тигру? – глухо произнес рефаит. – Многие решили, ты умерла от выстрелов, однако я чувствовал твой страх.

На мгновение я лишилась дара речи.

– Почему ты не обратился к золотой пуповине?

– Обращался. Каждый день.

Ни разу мне не довелось ощутить его присутствие в застенках. Даже под пытками я напрягала внутренний слух, силясь уловить голос Арктура, почувствовать пульсацию связующей нас нити. Одно лишь это помогло бы мне выстоять.

– Тебе не впервой пренебрегать благоразумием, – прошептал рефаит. – В Лондоне ты угодила в ловушку, стоившую многим жизни. Я не упрекаю, Пейдж. Просто пытаюсь донести, что твой неумный энтузиазм чуть не свел тебя в могилу. Жажда деятельности, помноженная на переутомление, чревата катастрофой. Если снова полезешь на рожон, проявишь нетерпение, пострадает масса народу.

– Забыл, как на меня наседали Тирабелл? Как требовала любой ценой добыть ей победу? Да, те смерти на моей совести, но я усвоила урок и больше никого не подвергну опасности.

– Кроме себя.

– За меня не волнуйся. Я намерена разыскать Синдикат, и очень рассчитываю на твою помощь.

– «Домино» велели не высовываться.

– Они и не узнают, – заверила я. – Разве тебе не хочется поработать вместе? Как в старые добрые времена.

Арктур погрузился в раздумья. Если он разоблачит мой обман, о вылазке придется забыть. Бродить по улицам в одиночку, да еще в таком состоянии – чистой воды самоубийство.

– Я обещал, что всегда буду рядом, – нарушил молчание рефаит. – Ты права, мы добились многого. Так зачем останавливаться на достигнутом? – Он поднял бокал. – И где нам искать Синдикат?

Мое лицо озарилось улыбкой.

– Похоже, расклад поменялся. Теперь ты смотри и учись.

Я погасила свет и открыла ставни. Вдоль набережной горели фонари, озаряя сиреневыми отблесками Сену.

– Различать криминальный мир – особое искусство. Представь его в виде цепи, где все звенья взаимосвязаны. Уцепишься за одно, и оно приведет тебя, куда нужно. – Я кивнула подошедшему рефаиту на идиллическую картину за окном. – Ну, что ты видишь?

– Людей.

– Смотри внимательнее. Ищи несоответствие. – Мой палец ткнул в мальчика в кепке. – Чем он, по-твоему, занят?

– Наверное, ждет родителей. – Мальчишка смешался с прохожими, и Арктур недобро сощурился. – Хотя погоди... Он вор.

– В точку. А мишень – брюнетка в облегающей юбке. Вон она, третья в очереди за кофе. Ловит ворон и совсем не следит за сумкой.

Сумочка из тускло-розового шелка манила, словно торт на витрине кондитерской. Пока владелица увлеченно беседовала со спутником, воришка придвинулся к ней вплотную, мастерски срезал ридикюль и растворился в толпе, оставив жертву в блаженном неведении.

– Виртуоз, – похвалила я, по достоинству оценив профессионализм юного карманника. – Сейчас он понесет добычу куму, назначенному главарем шайки. Если сесть мальчишке на хвост, он выведет нас на старшего, а тот, за барашка в бумажке, проведет по цепочке дальше. Вот один из вариантов.

– А есть второй?

– Да, можно сразу начать с высшего звена. Боюсь, мы так и поступим, поскольку денег на взятки у нас кот наплакал.

– Разве?

– Если только у тебя под кроватью не припрятан мешок с деньгами, – съязвила я.

Арктур ненадолго скрылся в своей комнате, а вернувшись, выложил на стол пухлую пачку банкнот.

– Похоже... похоже, насчет мешка я угадала.

– Рантаны не сослали бы меня на чужбину без гроша.

Я медленно перебирала новенькие, хрустящие купюры.

– Сколько здесь? Десять штук?

– Двенадцать. Пользуйся на свое усмотрение.

– Ты даришь мне двенадцать тысяч фунтов? – Мой взгляд метался от рефаита к банкнотам. – Я говорила, как сильно ценю нашу дружбу?

– Считай это еще одним подарком ко дню рождения. – Арктур опустил на стул. – Предлагаю для начала отправиться во Двор чудес.

Знакомое название. Джексон в свое время мне все уши прожужжал, нахваливая знаменитые трущобы, где собирались обитатели парижского дна.

– Согласна, – кивнула я, любовно поглаживая пухлую пачку. – Маршрут известен?

– Крупнейшие трущобы располагаются к северу от реки. Конечно, если с моего последнего визита в Париж они не поменяли дислокацию.

– Думаешь, нас так запросто пустят? – усомнилась я. – Без паролей и провожатых?

– Не знаю, не пробовал, – признался рефаит.

– Ладно. – Я побарабанила пальцами по столешнице. – Сколько туда ходу?

– Пешком примерно полчаса.

– Отлично. Выдвигаемся завтра утром, чтобы не нарваться на ночной патруль. Будем соблюдать предельную осторожность, обещаю, – заверила я.

– Только учти, я по-прежнему не одобряю твою затею.

– Учту. – Я одарила его торжествующей улыбкой. – Выше нос, Арктур Мезартим, из тебя непременно выйдет славный синдикатчик.

Утро выдалось ясным. Солнечные лучи золотистым ковром устлали пол.

Радостное предвкушение заживило раны, ноги сами норовили пуститься в пляс. Проглотив солидную порцию овсянки с яблочным маслом, я занялась сборами.

Вот-вот осуществится моя детская мечта увидеть Париж. Внутри меня все пело от восторга. Впервые за долгое время я почувствовала себя живой.

Гардероб занимал отдельную комнату. Наверное, квартира некогда служила перевалочным пунктом для агентов «Домино», забегавших сюда переодеться. Я выбрала белую блузу, заправила свитер цвета древесного угля в брюки с высокой талией, застегнула пуговицы на ботинках с низким каблуком. Очки с дымчатыми стеклами скрывали примерно треть лица. Козырек фуражки – еще четверть. Я выпрямила волосы – пока возилась с прядями на затылке, умудрилась обжечь шею и руку, хотя могла бы изначально попросить Аркура помочь. Потом набросила на плечи зеленый плащ и повязала шарф. Тщательно завернутый в тряпку клинок перекочевал из-под подушки в карман.

Спускаясь по лестнице, я мельком глянула на себя в зеркало. Прилизанная шевелюра смотрелась омерзительно.

Арктур ждал в вестибюле, одетый, по обыкновению, в черное. Новое приталенное пальто придавало ему чрезвычайно элегантный вид.

– Доброе утро, – поприветствовал он, натягивая перчатки. – Полагаю, спалось тебе сладко.

– Не то слово. – Я повертелась на месте. – *Est-ce-que j'ai l'air suffisamment française?*²

– *Très française, petite rêveuse*³, – заверил Арктур на безупречном французском.

– Деньги у тебя с собой? – спросила я.

– Да.

– Остерегайся карманников. – Я застегнула ремень и взяла с полочки перчатки. – Вместе нам показываться нельзя. Иди первым. Если легионеры нас засекут, сразу разворачиваемся, сбрасываем их с хвоста и возвращаемся на квартиру.

– Договорились. – Арктур взял меня за плечи. – Уверена, что справишься?

– Абсолютно, – беспечно откликнулась я, хотя ладони при этом покрылись липким потом. До сих пор меня не пугали стычки с легионерами, однако после пребывания в застенках все изменилось.

Ветер ворвался в открытую дверь, разметал мне волосы. Арктур шагнул за порог. Убедившись, что поблизости никого, я низко надвинула козырек и впервые за долгое время очутилась на свежем воздухе.

Ботинки увязли в глубоком, по щиколотку, сугробе. Заперев дверь, я преодолела считанные метры, отделявшие меня от улицы, и вынырнула из-под сводов явочной квартиры.

Париж встретил меня оглушительным шумом.

На улицах творилось настоящее светопреставление. В восемь утра набережная Гран-Огюстен кишела транспортом и народом. Мимо прогромыхал винтажный автомобиль, обдав меня запахом выхлопных газов. Откашлявшись, я повернулась на восток, к колокольням-близнецам *Grande Salle de Paris*, Гранд-Зал-де-Пари, где во времена монархии располагался известный собор, а при Сайене проводились мероприятия и церемонии государственной важности. Величественное здание завораживало, приковывало взгляд. За ним раскинулись два природных островка: *Île aux Vaches*, Иль-а-Ваш, или Коровий остров, где сосредоточилась практически вся местная знать, и *Île Louviers*, Иль-Лувье, знаменитый своими рынками и торговыми рядами.

Арктур пересек проезжую часть. Запрокинув голову, я двинулась следом. Из-за обилия небоскребов и высоток Лондон называют вертикальной цитаделью, Париж же, напротив, простирается вширь.

Внизу катилась серая волна Сена, разбегались в разные стороны улочки, знакомые мне по путеводителям. Чайные, бутики, крохотные кондитерские. На витринах цветочных лавочек распускались зимние бутоны. Филиалы французского банка Сайена, с белоснежными дверями, украшенными золотыми листьями, и сколотыми мраморными фасадами. Печатные киоски торговали плакатами и детективами, по тротуарам сновали подростки с красными значками официальных распространителей «Дейли десендант» на лацканах. Прилавки под полосатыми тентами ломались от грошовых безделушек, сувениров (я с трудом подавила искушение потратить три фунта на миниатюрную копию Эйфелевой башни) и разных диковинок. При виде снежного шара с Биг-Беном у меня защемило сердце. Хотя официальным языком империи считался английский, Франция сумела отстоять частичку национальной культуры – в городе преобладали французские названия, литературные сборники тоже издавались на родном языке. И ни единого «Коробка» в ближайшем радиусе, хотя эта сеть проникла во все без исключения цитадели.

Париж – совершенно уникальный город с уникальной преступной сетью, подобно нефти, таящейся глубоко в недрах. Где-то неподалеку река Бьевр, захлебываясь кровью и пигментом, омывает квартал дубилен и скотобоев. В трущобах орудуют воры. И есть вероятность – всего лишь вероятность, – что в здешних кварталах витают отголоски бунта.

² Сойду за парижанку с таким произношением? (*фр.*)

³ Вполне, юная странница (*фр.*).

Арктур чуть опустил голову. Заметив камеру, я прикрыла лицо ладонью.

Мы пересекли мост с установленным экраном-транслятором. Замедлив шаг, я всматривалась в ориентировки. Меня убрали из перечня беглых преступников, зато в нем остались Ник, Иви, Джулиан Эймсбери.

Пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Джулиан исчез с полгода назад, с тех пор о нем не было ни слуху ни духу. Ориентировки сменились лозунгами.

СПАСЕМ ИСПАНИЮ ОТ САМОЙ СЕБЯ
NOUS DEVONS SAUVER L'ESPAGNE D'ELLE-MÊME

ПОДДЕРЖИ ПИРЕНЕЙСКУЮ ПРОГРАММУ
SOUTENEZ L'EFFORT IBÉRIQUE

Огненные залпы танковых орудий. Окровавленные отпечатки копыт. Переплетение рук, цепляющихся за парашют. Тела, сброшенные в реку. Я двинулась прочь, преследуемая воспоминаниями, от которых звенело в ушах.

Пиренейская программа, или, как ее называли в кулуарах, операция «Мадригал», была официально обнародована двенадцатого января. Не знаю, какой процент новостных сводок составляла пропаганда, а какой – истинное положение дел, но суть операции сводилась к соединению Испании и Португалии. В случае успеха Сайен обретет контроль над одиннадцатью странами.

Арктур ждал у фонаря. Уже не таясь, мы спустились к реке, где нет ни камер, ни такого скопления людей.

– В чем дело? – глядя прямо перед собой, спросил рефаит.

– В Париже, – ответила я, не отрывая глаз от Сены. – Великолепный город. Как и многое в Сайене. Парадокс.

– Не обольщайся. Это лишь иллюзия, красивая маска. Но все иллюзии рано или поздно рушатся, и любая маска в конце концов слетит.

– Зачастую это происходит слишком поздно. – Я сунула руки в карманы. – Якорь вот-вот подомнет Испанию и Португалию. Еще месяц назад их шпионы рыскали по Лондону, хотя лидеры обеих стран заведомо смирились с гнетом.

– А вдруг они решат пойти по стопам Ирландии и дадут отпор СайенМОП?

– Ирландия капитулировала после Дублинского вторжения, когда армия захватила город, истребив сотни безоружных людей, – выдавила я. – Сайен особенно зверствует на начальном этапе. Метит в самое сердце. Все прочее лишь... предсмертные конвульсии.

Мы шагали под сводами моста, мимо голых деревьев и пришвартованных барж, переливавшихся красным, белым и золотым. Повсюду блестела изморозь.

– Допустим, предотвратить вторжение нам не удастся, но ведь можно наращивать военную мощь, – внушал Арктур. – Постепенно соберем армию, объединимся с «Домино» и скажем свое веское слово.

Мне искренне, всей душой хотелось верить в это. Поравнявшись со ступенями пешеходного моста, Арктур снова подался вперед.

Над рекой витал насыщенный травянистый запах. На середине моста я облокотилась о парашют, увеличивая дистанцию между нами. На водной глади вспыхивали солнечные блики. Несмотря на нависшую угрозу, я попыталась представить себя обычной туристкой, которая любит достопримечательностями и не ведает о кровавых ужасах войны.

Иллюзия рухнула, когда на другом конце моста замаячили два легионера. Я тут же затесалась в толпу зевак, щебетавших по-шведски. Легионеры не удостоили никого из нас взглядом. Едва опасность миновала, я зашагала вперед. Хотя в дневные отряды набирали преиму-

щественно невидцев, неспособных различать ауры, моя физиономия слишком примелькалась, а дымчатые стекла и рыжая шевелюра – не самая надежная маскировка.

Шведы засемили в противоположную сторону. Надо сказать, в Париж стекались туристы со всей империи, однако давно мне не доводилось встречать гостей из свободного мира.

При въезде в Республику Сайен на иностранных граждан накладывали суровые ограничения. Надин с Зиком изрядно натерпелись, попав в Лондон в рамках студенческого тура. Зик рассказывал, как в аэропорту у них конфисковали мобильники и записывающие устройства и запретили покидать гостиницу без санкционированного провожатого – наверное, чтобы гости ненароком не стали свидетелями публичной казни. Разумеется, брат с сестрой исхитрились обойти этот запрет.

Тогда Сайен еще пекся о внешней политике, но теперь Нашира стремилась оборвать все добрососедские связи.

Казалось, минула целая вечность, прежде чем мне удалось догнать Арктура у красной таблички «Рю де Форж». Боль вернулась, по лицу градом струился пот.

– Двор чудес. – Рефаит кивнул на полуразвалившуюся кирпичную арку, откуда доносился тошнотворный запах сала и дыма. – По-прежнему на старом месте.

Совершенно обессиленная, я привалилась к стене и с трудом выдавила кивок.

– Может, вернемся? – забеспокоился Арктур.

– Нет. – Набрав в грудь побольше воздуха, я выпрямилась. – Пора завести новых друзей, а с моим везением – скорее новых врагов.

Мы беспрепятственно шагнули под арку. За ней тянулась немощеная улочка, размытая мокрым снегом. О нищете и упадке здесь свидетельствовала и облупившаяся краска, и выбитые стекла, и семьи, спящие под открытым небом.

Двор чудес совершенно не походил на гнездо разврата, описываемое Джексонем. Обычные грязные трущобы, где оборванцы болтали, дремали и кашеварили под натянутым брезентом. Ни один не был одет по погоде. Какая-то компания, сгрудившись на двух матрасах, жадно поглощала чипсы. В котелке над самым большим костром булькало неаппетитное варево.

Судя по карте, улица огибала скопище ночлежек. Если верить Джексону, в прошлые века здесь обитали *malingreux*, хворые. В стремлении выклянчить побольше денег они виртуозно изображали из себя больных, а по возвращении в трущобы их язвы и нарывы чудесным образом исцелялись. Отсюда и название квартала.

Пока единственное замеченное мною чудо заключалось в том, что паранормалы и невидцы мирно соседствовали бок о бок, не питая ни малейших иллюзий относительно друг друга. Они разговаривали на смеси английского и французского, легко переходя с одного языка на другой.

Две женщины отплясывали под звуки скрипки заклинателя. Толпа любопытных невидцев обступила гидроманта, увлеченно помешивающего мутную воду в ведре. Повсюду царил удивительная гармония.

– Это не Синдикат, – шепнула я. – Маловато ясновидцев.

Однако мы не спешили сматывать удочки. Решив, что взять с нас нечего, местные не препятствовали нашей прогулке. Некоторые бросали косые взгляды на Арктура, заинтригованные либо его внешним видом, либо аурой.

Да, на Синдикат сборище не тянуло. Там чужакам давно бы устроили «теплый» прием.

Внимание привлекла колыбельная в исполнении сгорбленной и дрожащей провидицы. Перед ней поблескивал магический кристалл. Кожа на ее лице задубела от ветра, потрепанные нарукавники были натянуты до самых плеч. Провидица баюкала младенца, напевая:

*J'ai fait un rêve horrible, mon cher,
Lorsque je fus dans l'ancien jardin de mon père.*

*Je rêvais qu'il y eut une ancre sur la tour,
Et que des tyrans envahirent notre cour⁴.*

Я шагнула к певиче. Точно пробудившись, она глянула на Арктура – и громко завизжала. Мои пальцы инстинктивно стиснули рукоять клинка, но тут же разжались. Провидица забилась в угол, прижимая к груди младенца и кристалл.

– Это он! – завопила она, тыча пальцем в Арктура. – L'Homme au Masque de Fer. Il est venu m'enlever...⁵

– Та gueule⁶, Катель! – рявкнула какая-то женщина. – Достала уже вопить. И заткни своего спиногрыза, пока я его не придушила.

Послышались одобрительные возгласы, потом оборванцы вернулись к прежним занятиям, но теперь многие косились на нас с подозрением. Надо убираться отсюда, пока их интерес не принял угрожающие формы.

Я опустила перед провидицей на корточки. Затравленный взгляд из-под спутанных смоляных кудрей, смугловатая кожа, на скуле лиловеет синяк.

Имя выдавало в Катель бретонские корни. Хотя Бретань никогда не была оплотом сопротивления, Сайен, по аналогии с Ирландией, подверг остракизму все кельтские регионы. Едва ли женщина по имени Катель могла рассчитывать на официальное трудоустройство.

– Не бойся, Катель. Я тебя не обижу. И мой друг тоже. Наверное, ты перепутала его с кем-то другим.

Несмотря на изможденное, высушенное голодом лицо, провидица оказалась молодой девушкой примерно моих лет. Сейчас она уставилась на Арктура; словно почуяв ее страх, рефаит замер.

– И правда... – пробормотала Катель. – Этот вроде выше ростом.

– Ты приняла его за Человека в железной маске. L'Homme au Masque de Fer, – напомнила я. – Кто это?

Вместо ответа провидица еще глубже забилась под навес.

– Предлагаю сделку, – шепнула я. – Нам нужна кое-какая информация, и мы готовы хорошо заплатить.

Утихомилив хнычущего младенца, Катель затравленно обернулась, демонстрируя обтянутые кожей ключицы.

– Не здесь, – одними губами произнесла она. – Встретимся на Рю дю Понсо. Знаете, где это?

– Да, – ответила я, перехватив едва уловимый кивок Стража.

Выпрямившись, я громко фыркнула, притворяясь разочарованной. Арктур решительно повел меня прочь.

– Любопытный расклад.

– Любопытнее некуда, – хмыкнул рефаит. – Ты уверена, что он в нашу пользу?

– Даже не сомневайся.

До Рю дю Понсо, зловонной и мрачной подворотни, было рукой подать. Вскоре появилась Катель со спящим младенцем в слинге.

– Привет, Катель, – окликнула я.

– О чем вы хотели спросить? – буркнула нищенка, опасливо покосившись на Арктура.

⁴ Ужасный сон приснился мне, дитя. Как будто по отчету саду гуляю. Вдруг башня возникла, на ней якоря. Погиб отчий дом, нету сада (фр.).

⁵ Человек в железной маске! Он явился за мной... (фр.)

⁶ Замолчи (фр.).

– Буквально пару вопросов, – заверила я. – Но сначала расскажи про... Человека в железной маске. Ты нас заинтриговала.

Опять повалил снег. Катель прикрыла младенца куском ветхого рубища.

– Он забрал Поля Карона, моего суженого. Я видела его маску, железную, с прорезями для глаз. И не только я. Его имя многие передают из уст в уста.

– И давно это началось? – осведомилась я.

– Наверное недели три назад.

– И он похитил Поля?

– Не один, вместе с приспешниками. Я бросилась за ними, но получила удар по голове, а когда очнулась, их и след простыл. Только мне никто не верит. – Катель подалась вперед и стиснула мою ладонь. – Madelle⁷, вы работаете на Le Chevalier des Deniers, Рыцаря Динариев? Он прислал вас, чтобы вы помогли разыскать Поля?

– К сожалению, нет. – Я мягко высвободилась. – Этот Рыцарь... он твой начальник?

Катель даже не пыталась скрыть разочарования.

– Да, – равнодушно бросила она. – Ему подчиняется весь квартал. Рыцарь Динариев – хозяин Двора чудес. Мы отдаем ему весь заработок, а взамен он холит нас и лелеет. По крайней мере, на словах.

По описанию, таинственный рыцарь смахивал на главаря мимов. Определенно, Катель – первое звено в нашей цепи.

– Думаю, он подчиняется кому-то еще, – многозначительно протянула я.

– Великим герцогам. – Катель попяtilась. – Похоже, вы не из этих мест. Не из нашей цитадели – уж точно.

– Мне бы хотелось засвидетельствовать свое почтение великим герцогам. Где они заседают?

Оборванка нахмурилась:

– Никто не смеет являться к великим герцогам без приглашения. Но раз уж вам так приспичило, я свяжусь с Рыцарем Динариев, и он, вероятно, замолвит за меня словечко.

– Мне не откажут.

– Madelle, без приглашения вас даже на порог не пустят. Только зря время потеряете.

– Имя или адрес. Мне хватит, – заверила я.

Во взгляде провидицы вспыхнула надежда, вызванная наигранным нетерпением в моем голосе. От нетерпения прямая дорога к отчаянию, а отчаявшийся человек не стоит за ценой. Катель явно умела различать такие нюансы.

– Наши владыки заседают в les carrières, – шепнула она. – Если не поскупишься, назову имя. Сведу тебя с приятельницей, которая знает дорогу. – Катель вытянула костлявую ладонь. – Две сотни.

Движимая сочувствием, я чуть было не дала ей облапошить себя, но вовремя опомнилась.

– Ну и аппетиты! – возмутилась я. Оборванка при этом поджала потрескавшиеся губы. – Но я сегодня добрая. Пятьдесят.

– За пятьдесят рисковать собственной шкурой? Если пронюхают, что я разболтала чужим про les carrières, мой ребенок останется сиротой. – Ладонь Катель дрогнула. – Девяносто.

– Семьдесят – и ни фунтом больше. Или поищу кого-нибудь поговорчивее.

Наконец у моей собеседницы сдали нервы. Она затравленно кивнула, и Арктур моментально отсчитал банкноты. Катель выхватила у него купюры и спрятала в карман юбки, потом поманила меня к себе и зашептала в самое ухо:

– Монпарнас. Разущи Мелюзину.

⁷ *Мадель* – обращение к женщине, принятое у франкоканадцев.

– Монпарнас? А конкретный адрес?

– Она может скитаться где угодно.

– В Париже есть таксисты-шабашники, оказывающие услуги ясновидцам? – сменила я тему.

– Anormales, паранормалы, – поправила Катель, отступая. – Мы избрали для себя такое прозвище. У шабашников синие полосы над колесами. Машину смотрите в районе любого мемориала. Ближайший находится у Северных ворот. – Она снова попятилась. – И умоляю, не спрашивайте меня больше ни о чем!

Развернувшись, я зашагала прочь, но вдруг обнаружила, что Арктура нет рядом. Бросила взгляд за спину: рефаит совал Катель банкноты. Та опасливо выхватила деньги у него из пальцев, словно боялась обжечься.

– Она родила где-то с неделю назад, – поравнявшись со мной, бросил Арктур.

Меня затопила волна нежности.

– Знаю. Сама еле удержалась, чтобы не дать ей лишнюю десятку, но мы обязаны экономить. Без Альсафи нам придется туго.

– Боюсь, ты права. Если Берниш не поспособствует, Рантаны могут лишиться финансирования. – Арктур застегнул воротник пальто. – Поэтому впредь никакого расточительства.

Жаль, в Сайене почти нет места милосердию, и нам приходится обуздывать благородные порывы.

– Итак. Человек в железной маске. – Я сунула руки в карманы. – Думаешь, под маской скрывается рефаит?

– Рефаит не станет похищать человека, это привилегия побирушек.

Меня кольнуло недоброе подозрение.

– Старьевщик! После схватки он испарился, ни слуху ни духу, хотя я назначила награду за его голову. У него совершенно уникальная аура, очень похожая на твою. Неудивительно, что Катель вас перепутала.

– По-твоему, он сбежал во Францию?

– А почему нет? Если он здесь, то наверняка взялся за старое. Похищать ясновидцев для продажи Сайену вполне в его стиле.

– Зачем подозревать худшее? Карона просто могли арестовать, – возразил Страж.

– Могли. А еще он мог нарваться на сборщиков долгов. Или легионеров. Да мало ли способов пропасть в Сайене. – Я говорила с уверенностью, которой не чувствовала. Какая-то мысль не давала мне покоя. – Ладно, всему свое время. Пока у нас на повестке поиски Синдиката. Напомни, как переводится *carrières*.

– Каменоломни. Речь о заброшенных шахтах и катакомбах протяженностью более двух сотен миль. Сайен так и не удосужился нанести их на карту.

– Идеальное укрытие, – заметила я. – А Мелюзина станет ключом. Вот тебе и следующее звено.

– Пейдж, не суетись. До завтра она никуда не денется.

– Но я не устала.

Я бессовестно врал, и мы оба это понимали. Но если не подстегивать себя, силы никогда не восстановятся.

– В целях безопасности нам лучше разделиться. – Арктур сунул мне стопку банкнот. – На такси. Встретимся на Монпарнасе, в заведении под названием «La Mère des Douleurs», «Скорбящая мать». Попросишь официантку принести тебе *café sombre*.

– *Café sombre*? – Я выгнула бровь. – Чтобы наверняка сойти за приезжую?

– Именно. Досадная ошибка не вызовет подозрений.

– Ты просто вечная загадка, в курсе?

– Да.

Подавив приступ паники, я сунула деньги в карман. С каких пор меня пугают одиночные вылазки в город? Если позволить страху взять верх, значит во мне что-то надломилось, и надломилось необратимо.

– Сумеречный кофе в «Скорбящей матери», – хмыкнула я. – Ты знаешь, как развлечь девушку.

Готова поклясться, губы рефаита дрогнули в улыбке.

3. Сумеречный кофе

До Северных ворот было рукой подать. Двое карманников увязались было следом, но, наткнувшись на мой «приветливый» взгляд, предпочли убраться восвояси.

С Триумфальной арки на меня взирали вытесанные из камня лица солдат, павших в балканской битве у Железных ворот. Через дорогу припарковался автомобиль с лазурными полосами над покрывками. Я юркнула в салон, назвала адрес, и машина тронулась. Водитель курил, как паровоз, не обращая на меня ни малейшего внимания.

Висок терзала ноющая боль. Веки слипались. Такси перекаатило через реку на юг цитадели и затормозило у стен церкви. Расплатившись, я побрела по сугробам к кофейне на углу.

Несмотря на специфическое название, выглядела «Скорбящая мать» вполне буднично. Тент над уличными столиками провис под тяжестью снега, фасад был выкрашен в цвет павлиньей синевы, по бокам от двери – эркерные окна, подернутые инеем. Меню обещало гостям горячий пряный «Мекс» и лионскую кухню.

Переступив порог, я соскребла с ботинок грязь и снег. Устроившись в плетеных креслах, посетители ели, общались. Проверив, на месте ли очки, я направилась к официантке.

– Bonjour, – поздоровалась она.

– Bonjour, – ответила я и, подавив опасение выставить себя полной идиоткой, добавила: – Je voudrais un café sombre, s’il vous plait⁸.

Официантка и бровью не повела:

– Très bon choix, Madelle⁹.

Она проводила меня через зал, мимо столиков и фотографий в рамках. Потом достала из фартука ключ и, отворив потайную дверь, стала спускаться по винтовой лестнице.

Миновав последний пролет, мы очутились в туннеле, наполненном камерной музыкой и гулом сотен голосов. Очевидно, в Париже много любителей сумеречного кофе.

Официантка обогнула статую женщины в вуали с собственным сердцем на ладонях. У постамента, озаренного пламенем свечей, застыл коленопреклоненный невидец. В голове зашевелились смутные воспоминания: тонкий дымок, речи, звенящие под сводами.

Кофейня делилась на уютные зоны, на столиках горели свечи – единственный источник освещения. В воздухе витала терпкая смесь табака и астры. Среди посетителей преобладали ясновидцы. Значит, я на верном пути.

В самом большом зале, где квартет ясновидцев развлекал публику игрой на барочных скрипках, альковы были переоборудованы в отдельные кабинки и задернуты алыми бархатными порттьерами. Оккупировав единственный незанятый альков, я опустилась на мягкий диванчик. Официантка поставила передо мной бокал кровавого «Мекса», корзиночку с хлебом и удалилась, плотно зашторив порттьеры. Я сняла перчатки и погрузилась в изучение меню, пестревшее всяческими деликатесами, от «кладбищенского кассуле» до «мрачного пирога».

⁸ Добрый день! Чашечку сумеречного кофе, пожалуйста (*фр.*).

⁹ Прекрасный выбор, мадэль (*фр.*).

Меня неудержимо тянуло в сон. Боль во всем теле вернулась. Я поплотнее запахнула пальто и стала клевать носом.

Вскоре на пороге возник Арктур. Полог за ним захлопнулся, отрезав кабинет от внешнего гула.

– Местечко вполне... вполне в твоём стиле. – Я потянулась к корзиночке с хлебом. – Как ты вообще набрел на эту кофейню?

– А чему ты удивляешься? Я ведь революционер со стажем.

– Ага, революционер. С патефоном подмышкой и аристократическими повадками.

– Издеваешься, Пейдж Махоуни?

– На полную катушку, – ответила я и пригубила «Мекса». – Ну правда, кто навел тебя на кофейню?

– После того как Франция капитулировала, здесь устраивали тайные богослужения. Потом подземелье облюбовала творческая прослойка. Девять лет назад Нашира велела Альсафи разыскать одного художника-смутьяна, и поиски привели его сюда.

– А потом? Альсафи выдал художника?

– Художника выдал, а о подземелье умолчал. Альсафи всегда поступал с оглядкой на милость наследной правительницы.

Альсафи был вынужден идти на компромисс с совестью. Скольких он погубил, дабы избежать разоблачения, а после ценой собственной жизни спас мою шкуру.

– Зачем мы сюда притащились? – спросила я, отогнав леденящее кровь воспоминание о последних минутах Альсафи.

– По двум причинам, – отозвался Арктур. – Во-первых, туннель может примыкать к сартиères или служить местом встречи для людей сведущих. Вдруг ты нащупаешь здесь ниточку к Мелюзине.

– Была такая мысль, – призналась я, поглядев в щель между портьерами. – А вторая причина?

– Тебе полезно отдохнуть.

– Спасибо! – рассвирепела я. – Наотдыхалась за три недели! Если хотим вернуться на явку засветло, мы должны срочно разыскать Мелюзину.

Рефаит не дрогнул:

– Полчаса погоды не сделают. Но если ты скажешь, что вымоталась за день, мы немедленно встанем и уйдем.

Я собралась с духом, готовая соврать как можно убедительнее, но тут, как по закону подлости, боль каленым железом пронзила грудь.

– Ненавижу... себя за слабость. – Мое судорожное дыхание едва не погасило свечу. – Раньше я носилась по городу ночи напролет. Дралась с настоящими бугаями. – Мои пальцы впилась в стакан. – Наша общая подруга меня не убила, но покалечила, фактически превратив в инвалида.

– По-твоему, все, кто побывал в ее лапах, – инвалиды? – осведомился Арктур.

– Прости, – смутившись, я тронула его за запястье. – Конечно же нет.

– Почаще напоминай себе об этом. – Мерцающее пламя отбрасывало узорчатые тени ему на лицо. – Борьба не обязательно на кулаках.

Не знаю, что послужило катализатором. То ли приглушенный голос рефаита. То ли прикосновение к его теплой коже. То ли алые драпировки, отрезавшие нас от внешнего мира.

Его глаза потемнели. Уверена, он тоже вспомнил тот вечер. Я спешно убрала руку:

– Ладно, попробую проглотить что-нибудь, через силу. А после отправляемся на поиски Мелюзины. Договорились?

– Договорились, – кивнул рефаит.

Потягивая «Мекс», я не переставала удивляться своему порыву, хотя еще две недели назад боялась, что уже ни с кем и никогда не смогу сблизиться. Во время водных «процедур» Сухейль твердил, какая я мерзкая, отвратительная, и, натешившись властью, перепоручал меня легионерам для новой экзекуции.

Первую неделю после побега я шараялась от Арктура – Сухейль не только растоптал мою самооценку, но и внушил страх перед любым прикосновением, уравнивая его с болью. Теперь, дотронувшись до Стража без содрогания, я одержала маленькую, но победу.

Другая официантка приняла у меня заказ.

– Великолепное произношение, – похвалил Арктур, едва мы остались наедине. – Как у коренной француженки.

– Спасибо. Мне очень повезло с педагогами, сначала в Ирландии, потом в Лондоне. Кстати, лондонская учительница считала мое знание ирландского неоспоримым преимуществом. На момент окончания школы я свободно владела французским – и продолжала оттачивать навык.

– С твоей учительницей случилась беда? – спросил Арктур после короткой паузы.

С каждым днем он все лучше «читал» мою мимику.

– После отъезда из Ирландии я умоляла отца хотя бы дома практиковать родную речь. Он отказался. Но я не отчаивалась, втайне разговаривала сама с собой, однако в силу возраста мой словарный запас отставлял желать лучшего. Мадель Аляр раздобыла где-то словарь, ставший мне отличным подспорьем. – Огонек свечи задрожал. – Ее повесили два года назад. За подстрекательство. Наверное, слишком часто протягивала руку помощи обездоленным.

– Сочувствую.

Я кивнула, стараясь выбросить из головы образ раскачивающегося тела у Ворот висельников.

Вернулась официантка с серебряным подносом. Выставив мой заказ, сервированный в погребальной – без шуток! – урне, она скрылась за портьерами.

– Тематическое оформление у них на высоте. – Я зачерпнула кассероль из фарша, жемчужной фасоли и баранины, запеченных прямо в урне. – Ну, хватит обо мне. Лучше поделись, как тебе удастся незаметно шнырять по цитаделям.

– С чего такие вопросы? – удивился Арктур. – Ведь ты как никто постигла искусство маскировки.

– Просто любопытно. – Я подула на вилку. – Надо спрашивать, пока есть возможность.

– Рефайты материальны лишь частично. Саркс, наша священная плоть, позволяет нам попирать законы людской вселенной. При моем приближении камеры улавливают лишь тень.

– Так и знала, что есть подвох!

– Мне надоело таиться от тебя, Пейдж. Спрашивай, о чем хочешь.

– И ты ответишь?

– Постараюсь. Как ты собираешься искать Мелюзину? – поинтересовался он, когда урна наполовину опустела.

– В Синдикате я как рыба в воде.

– Париж не Лондон.

– Конечно нет, что не может не радовать, учитывая тягу Сайена грести цитадели под одну гребенку. Синие фонари, когорты, белые кебы и автобусы. – Я зачерпнула еще кассероли. – Никогда не угадаешь, как преобразится город. Сайен оказал нам огромную услугу, пытаясь упорядочить абсолютно все. Криминальные сети так похожи, поскольку задумывались как пристанища для тех, кто лишен пристанища в цитаделях. Они сродни промежуткам между ребрами – всегда одинаковые, человеку сведущему не заблудиться.

Арктур смотрел на меня не отрываясь. Под его пристальным взглядом я невольно расправила плечи, убрала со лба упавшую прядь и в сотый раз пожалела, что не умею читать мысли.

- Отраднo очутиться с тобой именно в цитадели Парижа, – произнес он чуть погодя.
- Взаимно.
- Представляю, как ты упиваешься ролью наставника.
- Ничего подобного.
- Наглая ложь!
- Ну ладно. Упиваюсь. Самую малость.
- Имеешь право.

Я вымакала хлебом остатки соуса, поминутно поглядывая в зазор между портьерами.

Сначала в зале не происходило ничего интересного. Вскоре опытный глаз выхватил из толпы медиума. Поравнявшись с компанией прорицателей, он сунул одному скомканную записку и растворился в толпе. Развернув бумажку, прорицатель допил салепа и, накинув пальто, направился к выходу.

– На ловца и зверь бежит. – Я соскользнула с диванчика. – Встречаемся у церкви через двадцать минут.

За короткое время, проведенное в катакомбах, небо заволочло свинцовыми тучами, поднялась пурга. Я тенью следовала за прорицателем, ни на секунду не упуская его из виду.

Внезапно добыча свернула в тупиковый проулок. Отступив в тень, я наблюдала, как прорицатель топчется под фонарем. Возникшая словно из-под земли девчушка передала ему сверток в обмен на пухлый конверт. Мне пришлось буквально вжаться в стену, чтобы прорицатель не засек меня на обратном пути.

В переданном свертке либо нумы, либо эфирные наркотики. Так или иначе, у девчушки есть поставщик. Вот и очередное звено в цепи.

Спрятав деньги в карман, курьер зашагала прочь из тупика, но вдруг застыла, словно заяц, почувший хищника. Не дав мне опомниться, она подскочила, промчалась мимо двух припаркованных машин и, подтянувшись на руках, перемахнула через стену.

Пользуясь своим даром как локатором, я рванула по параллельной улице. Девчушка неслась окольными дворами, петляя среди домов, я же двигалась напрямик и, добравшись до оживленной части квартала, укрылась за деревом.

Беглянка высунулась из-за кофейни, повертела головой и, успокоившись, снова тронулась в путь. Я не отставала ни на шаг и вскоре уткнулась в ржавые ворота. LE CIMETIÈRE DU SUD, «Южное кладбище», гласили серебряные буквы над входом, хотя и без указателя было понятно, куда меня занесло.

Кладбище было цитаделью в цитадели. Солидную часть Монпарнаса усеивали десятки тысяч могил, датированных прошлыми столетиями, когда Франция еще не склонилась под бременем Якоря. В целях экономии пространства и искоренения практики общения с мертвыми Сайен упразднил стандартные похороны в угоду кремации и компостированию. Горевать и оплакивать покойных дозволялось в очень скромных пределах, сама же мысль, что ваши близкие не канули в небытие, приравнивалась к паранормальному поведению.

Под укромной сенью надгробий я проводила девчушку до склепа, возле которого стояла женщина с карманными часами в руках. Девочка вручила ей пачку банкнот, телефон и два пухлых бумажника.

При виде меня беглянку как ветром сдуло. Кума резко обернулась, ладонь ее легла на рукоять шотландского кинжала за поясом.

– Любопытные долго не живут. К счастью, кладбище у нас под боком. Ну и зачем ты увязалась за моим курьером?

– Не трать понапрасну время на угрозы, – скривилась я. – Мне нужна твоя товарка. Кли-чут Мелюзиной.

– Впервые слышу. – Моя собеседница выхватила клинок из ножен. – А теперь проваливай, пока я не укоротила твой любопытный нос.

Я даже не шелохнулась:

– Хорошо же ты встречаешь посланницу великих герцогов. Помоги разыскать Мелюзину, и, возможно, я замолвлю за тебя словечко. Разумеется, ты вправе отказаться... а заодно лишиться кучи клиентов для сбыта краденного.

Выражение ее лица переменялось.

– Кто ты? – Судя по тону, мой блеф сработал. – Наемница?

Вместо ответа я красноречиво вздернула бровь.

Кумовья – не любители рисковать. Да и зачем самим пачкать руки, когда есть побитые? Проиграв в гляделки, кума спрятала клинок и поманила меня к себе.

Мелюзина, как выяснилось, возглавляла шайку гидромантов. Дальнейшее было делом техники. Пара банкнот гадателю в парке, пара фраз, нашептанных в нужном месте в нужное ухо, и вскоре мне передали список мест, где Мелюзина числилась завсегдаем. Бани под открытым небом выглядели многообещающе. Гидромантов, как магнитом, тянет к воде, особенно к крупным водоемам. Вот оттуда и начнем.

Бани помещались в старинном здании, сплошь колонны и каменные притолоки. Мне даже не пришлось ломать голову, как попасть внутрь, – администратор сидела ко мне спиной и болтала по телефону. Я тенью скользнула под турникет и протиснулась мимо стеклянных раздвижных дверей.

От прохладного сумрака веяло сыростью. Подавив тошноту, я стянула ботинки, носки и зашлепала ногами по мокрому полу. Стараясь не дышать и не думать ни о чем, кроме цели.

По баням сновала лишь горстка невидцев, голых, словно новорожденные младенцы. Только в пустой парилке худенькая девушка с явственной аурой расчесывала гребнем длинные, по пояс, локоны. В носу любительницы водных процедур поблескивал пирсинг, смуглая кожа покрылась испариной.

– Мелюзина?

Темные глаза угрожающе вспыхнули. Взвившись, точно рыба над волной, девушка прижала меня к кафельной плитке и занесла нож с искривленным лезвием.

– Привет от лондонского Синдиката, – шепнула я, блокируя удар. – Выручи меня, в долгу не останусь.

Мелюзина впиалась в меня взглядом.

– Ты от Катель, – обреченно констатировала она. – Верно?

Снаружи распогодилось, сугробы серебрились на солнце. Переступив порог, я с наслаждением втянула морозный воздух, мечтая поскорее обсохнуть. Пальто неприятно липло к влажному телу.

Рядом шагала Мелюзина в гамашах поверх берцев и в дутом пуховике, волосы цвета лесного мха были стянуты в конский хвост.

– Расскажи, как устроен парижский Синдикат, – попросила я.

Мелюзина покосилась на меня, прежде чем ответить:

– У нас это называется *Le Nouveau Régime*, Новый режим. Заправляют всем три великих герцога: Ле Латронпуш, Ля Рейн де Тьен, Королева Нищих, и Вье-Орфеля, Дряхлый Сиротка. На каждого приходится по две когорты из шести, когорты делятся на округа, которыми руководят кураторы, названные в честь арканов.

– У вас нет единого главаря?

– Официально нет, но Латронпуш мнит себя королем, – фыркнула Мелюзина и вдруг посуровела. – Если надеешься повидать Сиротку, забудь. С Нового года он как в воду канул. Ни слуху ни духу.

Очередной пропавший ясновидец. Мои подозрения крепили не по дням, а по часам.

– А что оставшиеся герцоги?

– Роят носом землю. По крайней мере, на словах.

– Ты сомневаешься?

– Даже если сомневаюсь, с тобой не поделюсь. – Мелюзина смотрела прямо перед собой. –

Не хочу неприятностей.

Арктур ждал среди развалин церкви, стоя на островке солнечного света, лившегося через пролом в крыше.

– Мелюзина, познакомься с моим... товарищем.

Гидромантка запрокинула голову. После тщетных попыток прочесть ауру «товарища» ее брови поползли вверх.

Едва отгремела битва, зрячая Элиза по моей просьбе описала ауру рефаитов как грозовую тучу с янтарными всполохами – мрачную и совершенно непредсказуемую, словно оголенный провод.

Вдоволь насмотревшись, Мелюзина пожала плечами:

– Вас всего двое?

– Да.

– Нельзя соваться в катакомбы без дозволения кураторов. Меня однажды застукали.

Мелюзина высунула черный язык. Меня вдруг осенило: в Париже за раскрытие тайн Синдиката болтуна угощали так называемыми огненными чернилами – этот яд не только окрашивал слизистую, но и провоцировал недельные судороги. Ротовая полость еще много месяцев не могла прийти в норму.

– Если снова попадусь, то вылечу из Синдиката, а для меня это равносильно смерти.

– Пожалуйста! – взмолилась я. – Это вопрос жизни и смерти.

Мелюзина буравила меня взглядом, как будто вознамерилась силой мысли сорвать мои очки.

– Значит, ты из Касты мимов? – протянула она. – И пересекалась с темной владычицей?

– Мы с ней до сих пор в одной упряжке, – заверила я.

Гидромантка пожевала губу. Разумеется, связываться с сомневающимся союзником опасно, зато Мелюзина точно выведет нас на Синдикат.

– Катель – моя давняя подруга, – объявила наконец она, – и после исчезновения Поля отчаянно нуждается в деньгах. Ради нее я провожу вас к великим герцогам. Да и не тянете вы на легионеров.

– С чего ты взяла?

– Ни один легионер не полезет в катакомбы, если только он не самоубийца. – Улыбка на ее лице вспыхнула и погасла. – Но у меня условие.

– Говори.

– Apornales патрулируют туннели от чужаков. Когда спустимся, ко мне не суйтесь, а если нарвемся на патруль, скажете, что выследили меня самостоятельно.

– Нет проблем, – пообещала я.

– Вот и славно. – В глаза мне бросились зеленые чешуйки, вытатуированные на шее Мелюзины. – Уверены, что герцоги вас примут?

– Не сомневайся.

– Рада бы, да не получается. Скорее всего, вас бросят умирать от жажды в каком-нибудь подземелье. Тогда не обессудьте.

– Договорились.

Мелюзина закинула за спину рюкзак.

– Идите за мной. Только осторожнее, – велела она, поворачивая на заснеженную улицу.

Выждав пару секунд, мы двинулись следом.

Гидромантка пересекла бульвар. Мы пошли за ней, держась на почтительном расстоянии. У автобусной остановки Мелюзина притормозила и поманила нас к себе.

– Вход здесь. – Она топнула по крышке люка. – У меня есть специальное приспособление, чтобы открыть лаз, но ты, – обратилась она к Арктуру, – наверняка справишься и сам.

Рефаит легко поднял чугунную крышку, словно та была сделана из папье-маше. Мелюзина восхищенно цокнула языком и юркнула в лаз. Сунув в карман очки и убедившись, что поблизости никого, я последовала ее примеру.

Нашупав ботинком перекладину, я стала спускаться по лестнице в кромешную темноту. Наверху Арктур задраил люк. Ослепшая, неподвижная, я застыла, вцепившись в ступеньку так, что побелели костяшки.

– Пейдж?

– Все в порядке, – откликнулась я, постепенно обретая дар речи.

Мелюзина ждала в круге света.

– Добро пожаловать в каменоломни, – возвестила она, ослепив меня налобным фонариком. – Родину Нового режима.

Впереди высилась неприступная стена тьмы.

– Легионеры не в курсе про люки? – осведомилась я.

– Ну как же, очень даже в курсе, но соваться сюда не спешат. Скоро поймешь почему.

Арктур миновал последнюю перекладину. Я привалилась к стене, оперев руки в бока. Сотни тысяч фантомов стискивали мою ауру, от напряжения на лбу выступил пот.

– С непривычки всегда тяжело, – успокоила Мелюзина. – Ничего, со временем освоишься.

– Сколько же здесь фантомов?

– Около миллиона. Всех и не счесть. Радуйся, что не больше. В каменоломнях погребены останки шести миллионов человек. – Гидромантка вытащила из кармана второй фонарь. – Многие души предпочитают не расставаться с телом. Мы не прогоняем их, а они взамен не трогают нас.

Я повертела головой:

– А где сами кости?

– Еще насмотришься. – Мелюзина бросила мне фонарь. – Учтите, местами потолки очень низкие, – предупредила она Арктура. – Берегите лбы. А главное, соблюдайте дистанцию.

С этими словами гидромантка устремилась в подземный коридор. Я повернулась к Арктуру, чьи глаза озаряли кромешную тьму.

– Пейдж, – окликнул он.

Гробовая тишина, царящая под сводами, поглотила эхо его голоса.

– Надо ковать железо, пока горячо. – Я щелкнула фонариком. – В Синдикате шансами не разбрасываются.

– Если хватать все подряд, можно и надорваться.

Перед лицом бездны меня так и подмывало повернуть назад. Тело била крупная дрожь, ботинки и шерстяное пальто не спасали от сырости.

– Нет! – отрезала я. – Отступим сейчас, и другого случая может не представиться.

Мелюзина шагала далеко впереди и почти скрылась из виду. Подавив желание поддаться на уговоры, я поспешила за ней. Казалось, минула целая вечность, прежде чем за спиной раздались шаги. Арктур обещал всегда быть рядом и не изменил своему слову.

Мы двигались шеренгой, Арктур замыкал импровизированный строй. Перед каждым поворотом я пропускала Мелюзину вперед и только потом отправлялась следом.

Разумеется, мне доводилось бывать в подземельях, но с таким я сталкивалась впервые. Под ногами у обывателей раскинулся целый лабиринт. На потолке слезинками набухла влага. Стены испещряли граффити.

Теперь понятно, почему Мелюзина не боялась нарваться на чужаков. Ни один легионер не станет плутать здесь по своей воле. Наверняка самые отчаянные спускались сюда, чтобы навечно сгинуть в хитросплетении тоннелей или позорно бежать под натиском фантомов, которые, как наждаком, скребли по моему шестому чувству. Слишком много призраков на квадратный дюйм.

Как рассказывал Арктур, именно избыток неприкаянных душ вынудил Моталлатов, прежних правителей рефайтов, отправиться в царство людей, дабы переправить мертвых в загробный мир. Один из таких набегов закончился катастрофой: границы между нашими мирами стерлись. Разразившаяся в результате гражданская война привела к свержению правящего клана и воцарению Саргасов.

Здесь, в каменоломнях, я остро ощущала, насколько зыбкими сделались границы. Наэлектризованный эфир осязаемо вибрировал.

Носок ботинка задел какой-то предмет, и тот с гулким стуком отлетел в сторону. Луч фонаря высветил челюстную кость – предвестницу того, что ожидало нас в следующем туннеле.

Плотно утрамбованные кости были повсюду. Отполированные до блеска черепа где-то сохранились в первозданном виде, где-то зияли дырами. В глазницах, роняя оплывший воск, горели свечи. Венчали жуткую кладку разрозненные ребра и плечевые пояса, сваленные в кучу, точно бирюльки.

На Арктуре антураж не произвел ни малейшего впечатления. Интересно, о чем он думает? Ведь настанет день – и все, кого он знает, и те, кого еще предстоит узнать, обратятся в тлен. Включая меня. Губы, которые он целовал, сгниют в могиле. А он останется. Незыблемый, неизменный.

Кое-где виднелись фрески, по красоте не уступающие музейным. Мелюзина протиснулась в расщелину и стала спускаться по ступеням. Я хотела двинуться следом, но вдруг застыла, почуввав, как к нам на всех порах спешат осязаемые лабиринты.

– Мелюзина, стой, – шепнула я. – Кто-то идет.

Но гидромантка уже не слышала. Внезапно подземелье огласилось топотом.

Мелюзина вскрикнула. По ступеням загромыхали сапоги, и вскоре нас окружила толпа ясновидцев в масках. Я успела разглядеть оскаленные черепá, перчатки с обрезанными пальцами, грязные ногти и мерцание карабинов, когда один из нападавших пригвоздил меня к полу и, заломив руку, отнял нож.

– Кто это к нам пожаловал? – Колено уперлось мне в поясницу. – Незваные гости, не иначе.

Сразу несколько ясновидцев схватили Арктур и прижали к стене. Рефайт подчинился, не предпринимая никаких попыток высвободиться.

– *Regarde ça les gars*, – раздался глумливый голос. – *Ce mec est un colosse*¹⁰.

Последовал взрыв смеха. Под тяжестью навалившейся туши дыхание у меня сперло, кулаки сжались, грудь лихорадочно вздымалась. Борись, Пейдж, борись! Сопrotивляйся...

– *Bouge pas*¹¹. – Меня схватили за волосы и задрали голову, перед глазами мелькнула ржавая сталь. – *Parle, maintenant*¹². Кто вы, мать вашу, такие?

Взгляд Арктур метал молнии. Я легонько помотала головой.

– Мелюзина! – рявкнул полиглот. – Снова притащила чужаков в каменоломни! Совсем жить надоело?

На лестнице послышалась возня, двое ясновидцев отволокли Мелюзину наверх и тоже пригвоздили коленом к полу.

¹⁰ Народ, зацените, какой великан! (*фр.*)

¹¹ Не рыпайся (*фр.*).

¹² А теперь отвечайте (*фр.*).

– Рехнулся, Трубадур? – прохрипела она кровотоющим ртом. – Каких еще чужаков?
– Двух крыс, притаившихся во мраке. – Слепящий луч фонаря метнулся от меня к Арктуру. – Сколько тебе заплатили, дрянь?
– Отстаньте от нее. Мы сами сели ей на хвост, – вклинилась я.
Ближайшая маска подалась вперед. Мелюзина вытерла разбитые губы рукавом.
– Благодарю за откровенность, мисс. – Теплое дыхание щекотало мне ухо. – К несчастью, вы с красавчиком сами подписали себе приговор. Никто не смеет являться в *la ville souterraine*¹³ без приглашения. Простите, но мы обязаны защищать свою территорию от легионеров.
– Я требую аудиенции у великих герцогов! – выкрикнула я.
«Череп» расхохотались.
– А кто ты такая, чтобы требовать? – просипели слева. – Жалкая *mendiante*¹⁴, нагрянувшая со Двора...
– Я Пейдж Махоуни. Черная Моль. Темная владычица Сайенской цитадели Лондон.
Мой голос обрушился, словно топор гильотины, отсекая все прочие звуки. Обладатель ржавого клинка сильнее впился мне в волосы.
– Пейдж Махоуни мертва. Убита в Эдинбурге, – отчеканил медиум. – Не смей осквернять ее память.
– Погодите...
Полиглот взял меня за подбородок и повернул к свету. Выцветшие глаза в прорезях маски смотрели пристально, не упуская ни единой детали.
– Знакомое лицо, – констатировал он. – Красная аура, но на оракула не похоже. Говорят, темная владычица – прыгун совершенно особого порядка и ее сопровождают боги эфира.
– Чепуха! Дешевая уловка, чтобы поднять продажи страшилок, – фыркнул медиум, однако пара масок уставилась на Арктура. – Даже если боги эфира существуют, они нас давным-давно покинули.
– Но он явно из их числа, – пробормотал кто-то. – Глаза. Вы разве не читали брошюру? «Разоблачение рефаитов». В стремлении предупредить Синдикат я добилась публикации опуса, а «Призрачный клуб» распространил его по всему Лондону. Похоже, часть тиража попала за границу.
– Иноземные бредни, – упирался медиум. – А вдруг это западня?
– Решать не нам, а Латронпушу, – осадил его полиглот и выпустил мой подбородок. – Следуйте за нами, приятели. Только не отставайте, иначе дружба будет врозь.

Вслед за провожатыми мы углублялись все дальше в лабиринт, миновали нагромождения костей, похожие на алтари, возведенные в честь безымянных богов. Я пыталась запомнить дорогу, но потом махнула рукой. Зачем напрягаться, когда есть Арктур с фотографической памятью?

Под ногами хлюпала вода, нещадно действуя мне на нервы. Но пока не ощущаешь влагу на лице, терпимо.

За очередным поворотом под подошвами вместо костей захрустели керамические черепки. Следующий, затопленный по колено туннель просел настолько, что нам, людям, пришлось согнуться в три погибели, а рефаит и вовсе полз на четвереньках. Меня мутило от запаха сырости. Выбравшись из тесного лаза, я с ужасом наблюдала, как один из ясновидцев по пояс погрузился в молочное озерцо.

¹³ Подземный город (*фр.*).

¹⁴ Нищенка, попрошайка (*фр.*).

Набрав в грудь побольше воздуха, он скрылся под мутной поверхностью. Его товарищи повторили маневр. Последней в озеро шагнула Мелюзина, ее волосы водорослями плыли по воде.

– Спасибо, что прикрыли. – Гидромантка собрала намокшие пряди в конский хвост. – Сейчас черед последнего испытания. Le Couloir des Noyés, Коридор утопленников. Надеюсь, у вас крепкие легкие.

Молочная белизна сомкнулась над ее головой, фонарь померк.

– Пейдж...

Мокрая тряпка закрывает лицо, вода наполняет рот. Распирает желудок, царапает глотку. Я задыхаюсь, вокруг никого. Живой труп.

– Я справлюсь, справлюсь. – Мантра предназначалась не столько Арктуру, сколько мне. Собравшись с силами, я сняла пальто и повязала его вокруг талии.

Ледяной страх сковывал движения. От вида и запаха воды меня колотил озноб. Погрузившись почти по подбородок, я вдруг уперлась каблуками в дно и, развернувшись, вцепилась в кромку водоема. Вокруг клубился мел.

Арктур опустился на корточки.

– Посмотри на меня, – произнес он. Я подчинилась. – Ты не на водяной доске, а на воле и не одна.

– А вдруг, вдруг...

– Не бойся утонуть. Ты ведь Пейдж Махоуни, призрачная странница, и прекрасно владеешь техникой дыхания, – увещевал рефаит, пока я пиявкой цеплялась за выступ. – Хочешь, я поплыву первым?

– Нет. Не бросай меня. – Я зажмурилась. – Пообещай, что будешь рядом и подстрахуешь.

– Клянусь.

Арктур шагнул в молочную белизну и легонько приподнял меня за локти.

Мое прерывистое дыхание огласило туннель.

Дальше тянуть некуда, иначе наши провожатые решат, что мы испугались. Сейчас или никогда.

– Пора, – шепнула я.

Арктур убрал руки. Досчитав до трех, я глубоко, до ломоты в ребрах, вдохнула и ушла под воду.

Пузырь моментально закупорил горло. Фонарь продолжал светить, но тьма стояла, хоть глаз выколи. Превозмогая боль в груди и хватаясь за стены, я двигалась сквозь водяную толщу.

Что-то коснулось моей щеки. Я вздрогнула, втянула носом воздух – и снова перенеслась в темницу. Руки скованны над головой, живот вот-вот лопнет, ни единого лучика света, ни единого шанса на спасение, никакой надежды...

Чьи-то пальцы прорезали мутную белизну и впились мне в предплечье. Не успела я опомниться, как очутилась на суше, только перед глазами плясали черные мухи.

– Bravo! – похвалил полиглот.

Не прошло и секунды, как на поверхность вынырнул Арктур. Ясновидцы обменялись взглядами. Меня душил кашель, но рефаит, наученный горьким опытом, не спешил мне на помощь.

Кулаки непроизвольно сжались. Меня трясло, сердце бешено колотилось. Кто преодолел водобоязнь, подъем преодолет и подавно. Уперев ладони в бедра, я встала с пола.

К счастью, на этом плавательные процедуры завершились. Далее путь пролегал через сухие коридоры. Мокрая, перепачканная мелом одежда неприятно липла к телу, из ссадины на щеке сочилась кровь.

Наконец мы очутились в просторной и теплой пещере с тусклым освещением. Тонкий слой песка устилал пол. В углублениях и выступах грудились нумы, сваленные вперемешку с пожитками всех мастей: зубными щетками, гребнями, настольными играми и безделушками. Ясновидцы кашеварили над горелками, обмениваясь приглушенными репликами. Кто-то дремал в спальнях мешках. Наверное, им удавалось прикорнуть только здесь, глубоко под землей, куда не простиралось всевидящее око Сайена.

Компания медиумов, погруженных в творческий транс, расписывала фреской стену. Кисти выводили сюрреалистические узоры. В затопленном проходе резвились купальщики. У сталактита картомант пристально изучал колоду Таро единственным «зрячим» глазом, второй скрывала повязка. Внезапно он поднял голову и поманил меня пальцем. Искушение подойти было велико.

В колонии Лисс Реймор не успела прочесть мне последнюю карту. Неплохо было бы восполнить досадное упущение – но слишком мало времени, слишком много народу вокруг. Нас провожали взглядами, шепот за спиной не смолкал. Постоянно звучало одно и то же слово – *réphaïte*, рефаит.

У расшитого бисером полога наши провожатые остановились.

– Они здесь по моей вине, – выступила Мелюзина. – Значит, мне вести их к великим герцогам.

Никто не возражал. Очутившись вне поля слышимости, Мелюзина повернулась ко мне:

– Итак. – Гидромантка скрестила мускулистые руки. – Ты и впрямь темная владычица?

– Собственной персоной.

– Мы думали, ты погибла. – Выразительное молчание. – Я... я отрекомендую тебя великим герцогам.

– Просто скажи, что их хотят видеть. Остальное предоставь мне.

– Как пожелаешь, темная владычица, – кивнула Мелюзина и скрылась за занавеской.

В моих ботинках хлопала вода. Из носа текло. Я отжала завившиеся от влаги волосы и, как плащ-палатку, накинула на плечи мокрое пальто.

Налаживать контакт с лидерами Синдикатов у меня получалось с переменным успехом. В Эдинбурге мы отлично поладили с Ворожеей, – правда, она приходилась теткой Лисс, а вот Угольная Королева в Манчестере оказала мне не самый теплый прием. Едва ли великие герцоги обрадуются встрече.

– Скажи, что я выгляжу по-королевски, – шепнула я Арктуру. – Не таким мне грезилось эффектное появление.

В ответ рефаит коснулся моей щеки и большим пальцем убрал со скулы налипшую прядь.

– Спасибо.

– Ты дрожишь, – заметил он, убирая руку.

– Ерунда.

Смерив меня оценивающим взглядом, Арктур сосредоточился на пологе. Я скользнула по нему глазами и остолбенела. Украшения, принятые мною за бисер, на поверку оказались зубами. Сотни человеческих зубов усеивали полотнище. В душу закралось сомнение, но отступить было поздно – Мелюзина уже высунулась из-за шторы.

– Они не в восторге, но дали добро. Хоть какое-то развлечение. – Гидромантка отдернула полог. – Смотри в оба, темная владычица, иначе им на потеху прольется твоя кровь.

4. Пустующий трон

Нашему взору открылась внушительных размеров пещера, вытесанный сводчатый потолок был расписан с поистине выдающимся мастерством. Люстра озаряла двадцать две сцены из старших арканов – козырных карт Таро.

Роспись создавала иллюзию высоких потолков. Там, в небесной синеве, среди облаков различался Отшельник с фонарем, Колесо Фортуны, Справедливость с весами и мечом. Нарисованный Дьявол не сводил с меня глаз, Влюбленные, разведенные по разные стороны картины, тянули друг к другу руки.

Дьявол и Влюбленные. Третья и четвертая карта в моем раскладе. В памяти всплыли слова Ворожеи: «Следуй по стезе Влюбленных. Не отрекайся от избранника, только убедись, что сделала верный выбор. Если отречешься, угодишь в лапы Дьявола».

Джексон вечно романтизировал историю и быт французских ясновидцев. До сих пор не утихают споры, кто был родоначальником первого Синдиката во Франции: предсказатели, замешанные в знаменитом «Деле о ядах», или тайное общество, чуть позже основанное картоманткой по имени Луиза Жильбер. В 1782-м году некая фрейлина заметила Жильбер у здания суда и пригласила ее погадать самой королеве. Прочтя в арканах о грядущем кровопролитии, Луиза не сумела скрыть ужас на своем лице, чем настроила против себя Серую Королеву.

Впав в немилость, Жильбер спешно вернулась в Париж, где, незадолго до Революции, познакомилась с юной картоманткой Марией Анной Ленорман, которую взяла под крыло. Решив воспользоваться царившем в стране хаосом, они превратились в незаменимых советниц для ведущих революционеров, ведь ясновидение процветает там, где будущее видится особенно зыбким и пугающим. Жильбер с Ленорман основали тайное общество влиятельных ясновидцев, со временем трансформировавшееся в современный Nouveau Régime. Этим объяснялась «карточная» тематика на потолке.

На постаменте, сложенном из полированных костей и черепов, возвышались три трона. За ними маячила статуя Жанны д'Арк, средневекового оракула. Скульптор запечатлел ее в доспехах, с волосами до плеч, с воздетым мечом и щитом, который украшали исполинские буквы JE TROUVERAI LE CHEMIN LIBRE. «Я приведу вас к свободе».

Поперек стоявшего под мечом трона развалился пузатый сборщик лет семидесяти. Несмотря на позу, держался толстяк с достоинством. Обвислые щеки покрывали румяна, голову венчал пышный седой парик, какими шеголяли судьи во времена монархии. С правого подлокотника свешивались пухлые ноги, обутые в туфли со стальными пряжками.

Рядом, запустив пальцы в вазочку с конфетами, сидела криомантка. Тоненькая, как спичка, смуглолицая, круги под глазами не уступали моим, черные волосы ниспадали на ключицы. Наряд из светло-голубого атласа и кружев украшал бриллиантовый бантик, в ушах мерцали такой же формы бриллиантовые серьги с подвесками-жемчужинками. Нить жемчуга обвивала шею.

Третий трон пустовал. Очевидно, принадлежал он пропавшему герцогу.

– Кто смеет являться без приглашения к правителям Парижа? – протянул сборщик. – Кто дерзнул потревожить покой властителей хаоса? Помилуй Нострадамус, да ведь это парочка попрошаек. Прочь, пока вас не замуровали в склепе. Трясите рубищем где-нибудь в другом месте.

Растянув губы в улыбке, я отвесила хозяевам низкий поклон:

– Grands ducs de Paris, merci de nous avoir reçus¹⁵.

– Учтивая побирушка, – заметила криомантка, перебирая шоколадное засахаренное драже. – Двор чудес в очередной раз оправдал свое название.

Сборщик презрительно фыркнул.

– Мы не имеем отношения ко Двору чудес. – Я выпрямилась, руки в карманах, ноги широко расставлены. – Хотелось бы предстать перед вами в более подобающем виде, но, боюсь, мой парадный гардероб остался в Англии. Вместе с короной.

Великие герцоги синхронно подпрыгнули, получилось потешно.

– Короной? – выплюнул размалеванный сборщик. – Короной! Да кто ты такая, убожество?

– Пейдж Махоуни, темная владычица Сайенской цитадели Лондон. Сюда меня привело желание заключить союз с вашим Синдикатом. Если, конечно, вы не сильно заняты, – поддела я.

Криомантка уронила драже. Сборщик выпрямился на троне.

– Пейдж Махоуни. Какая дерзость! – взвился толстяк. – Подними голову и дай взглянуть на тебя, самозванка.

Я вздернула подбородок. Сборщик капризно выпятил губу.

– Ни капельки не похожа. Ни капельки, – резюмировал он почему-то без французского акцента. – Темная владычица покоится в эфире. – Сборщик вновь смерил меня взглядом. – Однако я определенно различаю прелестный ирландский говорок. И красную ауру. Алюю, как заря.

– Прошу прощения, – чинно произнесла я, – вы, случайно, не из Лондона?

– Упаси меня эфир! Впрочем, я прожил там пятнадцать лет, и акцент приклеился насмерть. – Сборщик тяжело вздохнул. – Называется, скатался в отпуск – и надолго причалил к тем берегам.

– А почему вы уехали?

– Кому охота прозябать под руководством зануды вроде тогдашнего темного владыки Джеда Бикфорда. Одна радость, его в итоге зарезали как собаку. – Толстяк потер уголок глаза. – В Лондоне остался мой единоутробный брат Дидьен.

– Дидьен. – Мои губы невольно дрогнули в улыбке. – Так Дидьен Вэй – ваш брат?

– Единоутробный, – отчеканил толстяк. Невероятно, но между ними действительно прослеживалось сходство. – Не родственник, а сплошное недоразумение. Скверный поэт. Ходячая катастрофа. – Внезапно сборщик сощурился. – Если ты и впрямь Черная Моль, то должна понимать, мы никому не верим на слово. Докажи, что ты та, за кого себя выдаешь.

– Каким образом?

– Утверждают, будто Пейдж Махоуни – *Marcherêve*, призрачная странница. Безусловно, аура у тебя редкая, однако она с тем же успехом может принадлежать и оракулу. – Сборщик хлопнул в ладоши. – Придумал. Вселись в кого-нибудь из нас! Прояви свой уникальный талант. Бьюсь об заклад, ощущения будут непередаваемые.

Улыбка приклеилась к моему лицу.

– Такие таланты предназначены сугубо для врагов. Не люблю калечить потенциальных союзников.

¹⁵ Великие герцоги Парижа, спасибо, что согласились принять нас (*фр.*).

Криомантка прижала худенькую ладошку ко рту, ослепив меня очередными бриллиантовыми россыпями на пальце.

– Предлагаю более щадящий аргумент. – Я повернулась в профиль, демонстрируя шрам, рассекавший скулу. – Эту отметину оставила мне повелительница во время битвы за власть...

– Общеизвестный факт, – перебил сборщик. – Ты могла порезаться специально. Ради столь грандиозной аферы. – Он чуть подался вперед. – Говорят, у темной владычицы есть еще один шрам. Под лопаткой. Клеймо Сайена.

Сначала толстяк пожелал увидеть мой дар в действии, словно речь шла о ярмарочном фокусе, а теперь требует, чтобы я разделась, выставила на всеобщее обозрение свое обнаженное тело.

Пока меня одолевали сомнения, криомантка, шурша шелковым платьем, поднялась с трона. Бриллианты на груди и в ушах ярко вспыхивали, соратница сборщика блестела и переливалась, точно новогодняя елка.

– Мы не вправе ущемлять достоинство нашей коллеги, *mon frère*¹⁶. Какой опасный прецедент ты создашь, если перед нами и впрямь темная владычица. – Левый уголок рта криомантки украшала родинка. – Может, хватит вредничать?

– Боюсь, я вынужден настаивать, *ma chère sœur*¹⁷. – Сборщик стукнул кулаком по подлокотнику. – Клеймо!

Любительница бриллиантов насупилась.

В гробовой тишине я потянулась к верхней пуговице пальто, не отводя при этом глаз от сборщика. Через мгновение два совершенно посторонних человека увидят мой шрам – точнее, шрамы. Увидят мою искалеченную, по-прежнему изнуренную плоть. Ну ничего, сами напросились.

– Позволь мне выступить в качестве доказательства. – Арктур встал рядом со мной.

– Кто этот... субъект? – вежливо осведомился сборщик.

– Мой телохранитель. – Я застегнула пуговицу и снова сунула руки в карманы. – Простая предосторожность, сами понимаете.

– Разумеется. Какая уникальная аура, – с придыханием заметил толстяк. – А на каком основании твой телохранитель собрался подтвердить твою личность?

При взгляде на Арктура меня осенило.

– На основании того, что он рефаит. Уверена, вы слышаны и о них, и о нашем сотрудничестве. Ваши ясновидцы точно в курсе.

Великие герцоги разинули рты. Арктур не шелохнулся, вперив в них свой демонический взор.

– Да, слышаны, – признался сборщик. – Но мы и представить не могли...

Он всматривался в Арктура, силясь отыскать подвох, но только зря потратил время. Впрочем, бедолагу можно понять. Когда-то и я не могла этого представить.

– Ладно. – Сборщик возрился на меня так, точно видел впервые. – Добро пожаловать в Сайенскую цитадель Париж, темная владычица. Латронпуш к вашим услугам, а это Ля Рейн де Тьон, Королева Нищих, моя сестра по беззаконию.

– *Enchantée*¹⁸, – пропела Королева Нищих. – Чувствуйте себя как дома, *Votre Majestée*¹⁹. Арктур отступил в тень.

¹⁶ Брат мой (*фр.*).

¹⁷ Моя дорогая сестрица (*фр.*).

¹⁸ Приятно познакомиться (*фр.*).

¹⁹ Ваше величество (*фр.*).

– Благодарю, Vos Altesses²⁰, – откликнулась я, гадая, насколько уместно такое обращение. А после кивнула на пустующий трон. – Полагаю, великих герцогов все же трое.

– Да, есть и третий – Вье-Орфеля, Дряхлый Сиротка, но он редко удостоивает нас визитом. – Латронпуш поудобнее устроился на троне, Ля Рейн де Тьон села подле. – Сиротка со своими *perdues*²¹ предпочитает радости поверхности.

Меня кольнуло недоброе предчувствие.

– Ясно, – протянула я. – И когда он навевался сюда в последний раз?

– Дня два-три назад или около того. Здесь, среди костей, теряешь счет времени.

– Странно. Говорят, его не видели с Нового года.

Не переставая теревить жемчужное кольцо, Королева Нищих покосилась на Латронпуша. Тот сплел пальцы на животе и глянул на меня поверх носа:

– Успела побеседовать с нашими апогмаух?

– Каюсь.

– Сначала ты злоупотребляешь нашим гостеприимством, темная владычица, теперь являешься сюда с вопросами. Не возражаешь, если и мы зададим парочку? – Взгляд Латронпуша из рыбьего стал пронизательным. – В частности, просвети, как тебе удалось выжить после пулевого ранения в живот? Мы все видели трансляцию.

– Стреляли резиновой пулей, покрытой быстродействующим анестетиком, который вызывает мгновенную кому. Сайен хотел допросить меня перед казнью.

– Страшное дело... И как же тебе удалось сбежать?

– Помогли.

– Не сомневаюсь. Ты умеешь втираться в доверие. Правда, не сразу... предать собственного главаря мимов – ай-ай, странно, почему тебе не перерезали глотку, – но в итоге ты стала кумиром многих. Юная королева, пожертвовавшая собой ради мечты о революции.

– А теперь ты являешься к нам, – тихо вторила Королева Нищих. – Интересно зачем.

Инстинкт подсказывал: что-то не так. Однако отступать было некуда.

– Сайен развернул против Касты мимов кампанию под кодовым названием операция «Альбион». Мой Синдикат приравняли к террористической организации со всеми вытекающими.

– Неудивительно. – Латронпуш подавил зевок. – Поговаривают, будто благодаря Касте мимов, а точнее, благодаря тебе «Экстрасенс» не добрался до Парижа. Еще поговаривают, будто ты собираешь из воров, убийц и головорезов мощное ополчение.

– Дополнительная мощь нам не помешает. Надеюсь, с вашей помощью нам удастся достичь цели.

– И какова твоя цель, темная владычица?

– Свергнуть Сайен.

Латронпуш улыбнулся, словно терпеливый родитель капризному ребенку.

– Благородный порыв, – вклинилась Ля Рейн де Тьон, – однако Сайен правит цитаделями уже более двух столетий. Цитируя Серую Королеву, твои устремления... *Un beau rêve. Voilà tout*²².

– Ясновидцы не тешат себя пустыми грезами, – парировала я. – Каста мимов не бросает слов на ветер, а действует. Менее чем за год мы упразднили исправительную колонию, где ясновидцев калечили и подвергали идеологической обработке. Уничтожили «Экстрасенс», остановили верховного командора. И это лишь начало. Мы сумеем одолеть врага, но только если нам достанет солдат для грядущей войны. Солдат и союзников.

²⁰ Ваши высочества (*фр.*).

²¹ Скитальцы (*фр.*).

²² Дивная греза. Только и всего (*фр.*).

– Так вот чего ты добиваешься, – протянула Королева Нищих. – Превратить наши рудники в приют для твоих беглых соотечественников.

– Я предлагаю сотрудничество. Мы две крупнейшие криминальные сети с многовековой историей. Примкните к нам в качестве равноправных союзников.

– А в чем наша выгода, темная владычица? – сощурился Латронпуш. – Какую пользу извлечет Париж из твоего предприятия?

– Вы обретете настоящую, полноценную свободу. Вообще, у нашего союза вырисовывается множество взаимовыгодных результатов. Вероятно, вы захотите выйти на наш черный рынок, на секундочку самый прибыльный в Европе. Или вам понадобятся солдаты. – Я подняла бровь. – Насколько мне известно, ваш верховный инквизитор – трудоголик, каких поискать, истинный *anachorète*²³. Менар изъясняется на языке гильотины, кровавой рулетки. Так не пора ли дать ответ?

– Страсбургский мясник нам не угроза. – Латронпуш взмахнул пухлой ладонью, точно отгонял ленивую муху. – Дуболомам-легионерам нас в жизни не найти. Они, само собой, пытались, и неоднократно. А потом товарищи разыскивали их трупы. А потом разыскивали трупы самих товарищей и так далее. Короче, до нас так никто и не добрался.

– А вдруг вас найдет кто-то из своих? Из ясновидцев?

– О чем ты?

– Еще до того, как стать темной владычицей, я выяснила, что в Лондоне процветает торговля людьми. Повелители и повелительницы мимов продавали своих подданных рефаитам. – Я притворилась, что не замечаю, как насторожилась Королева Нищих. – У меня есть все основания полагать, что серый рынок перекочевал в Париж, где им заправляет Старьевщик, бежавший из Лондона после того, как Потусторонний совет уличил его в сговоре с...

– Мадель, – бесцеремонно перебил меня Латронпуш, – не утруждайся. Нам все это известно.

– Простите, не поняла...

– Прощаю. – Блеклые рыбки глазки смотрели на меня в упор. – Видишь ли, мы хорошо знакомы со Старьевщиком, или Человеком в железной маске, как он величает себя в наших краях. Он приехал во Францию еще в ноябре и сразу же нанес нам визит. В результате мы заключили соглашение.

Сердце тревожно екнуло.

– Соглашение?

– Верно. Он сделал нам предложение, и мы его приняли.

Арктур шагнул ко мне вплотную. Внутри у меня все кипело, лишь огромным усилием воли мне удалось сохранить хладнокровие.

– Какое предложение? – спросила я, заранее зная ответ.

– Довольно незамысловатое. Если кто-то из подданных начинает мутить воду, наш новый друг вправе его... изъять. За очень щедрую мзду.

Мне стоило больших трудов не высказать все, что я о них думаю.

– Вы потворствуете работорговле? И не гнушаетесь брать деньги у Сайена?

– Деньги мы берем у Человека в железной маске, а их происхождение нас не касается. Тем более что после изъятия ясновидцы обретают и кров, и предназначение. Наш партнер врать не будет. – Латронпуш сосредоточенно изучал свои ногти. – Кроме того, мы поставляем ему лишь самых отъявленных негодяев. Убийц. Садистов. Злостных предателей Синдиката. А гонорар тратим на защиту ценных кадров, пока инквизитор Менар из кожи вон лезет, чтобы стереть нас всех с лица земли.

– Забавно, – процедила я. – Вступить в сговор с Якорем и выставить себя благодетелями.

²³ Отшельник (*фр.*).

– Не с Якорем, а с собратом-ясновидцем, – не смутился Латронпуш. – Который обеспечивает нас необходимым финансированием. Или ты предложишь более выгодные условия?

Альсафи погиб, а с ним приказало долго жить и наше материальное благополучие. Но даже не будь мои финансы такими, какими располагает Джексон, я бы не дала этим работорогцам и двух пенсов.

– К вашему сведению, мне довелось на собственной шкуре испытать все прелести серого рынка. Мой предшественник, Сенной Гектор, продал меня с молотка. Не как преступницу или предательницу, нет, а из желания насолить моему повелителю мимов. Ну и по причине собственной алчности.

– Наслышаны, – кивнула Королева Нищих. – Гектор осквернил рынок. Мы такой ошибки не допустим.

– Сочувствуем тяготам и невзгодам, выпавшим на твою долю, – добавил Латронпуш. – Однако смею тебя заверить, мы очень аккуратны в своем выборе. Аккуратны и беспристрастны. – Сборщик стиснул подлокотники трона. – Многие здесь чтут тебя как героя. Мученицу революции. Прими наш союз с Человеком в железной маске, и можешь рассчитывать на нашу дружбу. За оружие мы не возьмемся, поскольку не хотим войны, но пристанище тебе и твоим соратникам гарантируем.

Я еле сдержалась, чтобы не сказать, куда они могут засунуть свою дружбу.

– Здесь внизу множество неосвоенных шахт, – вставила криомантка. – На гонорары с серого рынка их можно привести в достойный вид и разместить всех страждущих.

В памяти всплыли Светляк и Элиза, замещавшие меня в Лондоне. Даже без «Экстра-сенса» Сайен рано или поздно выкурит Касту мимов из подполья. Когда шпионы внесут сумятицу, солдаты ослабнут – а это случится очень скоро, – сколько протянет Синдикат?

– А если я не соглашусь на вашу сделку? – Я старалась говорить спокойно. – Если попытаюсь положить конец серому рынку?

– И сильно нас огорчишь. Пускай наши страны соседствуют, однако ты все-таки далеко от дома, – мягко произнес Латронпуш.

В затхлом воздухе отчетливо повеяло угрозой. Напоследок толстяк одарил меня фальшивой улыбкой:

– Надеюсь, тебе понравится в нашей цитадели, темная владычица, и ты не станешь нарушать покой, добытый нами кровью и потом. Ждем тебя в гости, а до тех пор прощай.

Позади него маячила Жанна д'Арк с невидящим взором. Повернувшись к великим герцогам спиной, я направилась к выходу.

Окольными путями Трубадур вывел нас из катакомб. Я так надеялась обрести союзников, а в итоге наткнулась на очередной продажный Синдикат. Великие герцоги контролировали всех ясновидцев Парижа, как на земле, так и под ней. Мне с ними не тягаться.

От затянувшегося марш-броска ноги сводило судорогой. Казалось, кошмару не будет конца, но вот за очередным тесным тоннелем забрезжил свет, и мы выбрались на поверхность, где уже сгустились сумерки.

Над нашими головами нависал мост, пересекавший знаменитую «Малую кольцевую» – заброшенную железную дорогу на юге реки. Между шпалами пробивались жухлые сорняки. Отсюда в шахты вел крохотный, едва различимый лаз – мимо пройдешь, не заметишь.

– Спасибо, что почтили нашу загробную империю визитом, темная владычица. – Трубадур галантно вручил мне конфискованный нож. – Надумаете вернуться, приходите сюда. Кто-нибудь вас непременно встретит.

Отвесив глубокий поклон, наш провожатый зашагал прочь. Едва он удалился на приличное расстояние, я дала волю своей ярости и от души пнула ржавую урну. Удар отнял у меня последние силы, я опустилась на землю, привалившись спиной к кирпичной кладке.

По обе стороны моста стеной валил снег. Арктур устроился рядом.

– Мы с таким огромным трудом разоблачили серый рынок в Лондоне, и ради чего? Чтобы Старьевщик преспокойно удрал в другую страну и с благословения местного Синдиката заново наладил работоторговлю? – Я обреченно зажмурилась. – Джексон и тут отметился. Его костлявые пальцы проникли повсюду.

– Думаешь, он заведует парижским рынком? – перебил рефаит. – Торгует ясновидцами и параллельно состоит на службе у Саргасов?

– Не думаю, а знаю.

– Он годами тянул из Наширы деньги, заламывал бешеные цены за редкие экземпляры, а сам оставался в тени. Нашира не допустит повторения истории.

– Скорее всего, она и не подозревает про парижский филиал. Уверена, Джексон заранее подсуетился, подстелил соломки на случай, если лондонский рынок накроется. А Францию он выбрал после того, как Саргасы объявили о создании там Второго Шиола. С Латронпушем Джекс познакомился еще в Лондоне и сразу приметил в нем потенциального сообщника.

Арктур молчал, переваривая услышанное.

– Лондонскую лавочку он свернул не столько из-за нас, сколько из страха перед Наширой. Наверное, побоялся проворачивать свои махинации прямо у нее под носом, – рассуждала я. – На прощание он признался, что едет во Францию – подальше от всевидящего ока наследной правительницы, – дабы возглавить Второй Шиол. Колония вот-вот откроет свои двери для узников, а Джекс вот-вот сорвет огромный куш.

– Теперь, когда он заодно с Сайеном, риск слишком велик, – возразил Арктур. – А Джексон не похож на храбреца.

– С тобой он поступил как трус: втерся в доверие и предал. Но поверь, если Джекс чем-то одержим, отваги ему не занимать. А деньгами он одержим всегда.

– Складно, – хмыкнул Арктур, – но финансовый вопрос не вписывается.

– Поясни.

– Старьевщик платит за ясновидцев, предположительно, деньгами, полученными от Джексона. Вот только сбывать товар некому. Так в чем выгода?

Действительно не поспоришь.

– Либо я ошибаюсь, либо в деле замешана третья сторона. А ошибаюсь я редко. – Виски сжимало как в тисках. – По-моему, за этим стоит Бенуа Менар, хотя ума не приложу, зачем ему платить за ясновидцев, если по его приказу их ловят пачками – и совершенно бесплатно.

Под мостом завывал ветер, бушевала метель. Я спрятала ледяные руки в карманы.

– Пропавший герцог. Орфеля. – Мои зубы выбивали дробь, челюсти сводило от холода. – Ставлю все до последнего пенни, что он узнал про сговор и пригрозил сообщникам разоблачением.

– И его продали Старьевщику, заставив умолкнуть навеки, – резюмировал Арктур.

– Сто процентов.

Рефаит покосился на потайной лаз в рудники:

– Получается, мы тоже представляем для них угрозу. Латронпуш и Королева Нищих не прикончили нас из-за страха огласки. Если есть свидетели того, как мы вошли, должны быть свидетели того, как мы вышли. Ты слишком крупная фигура, чтобы убивать тебя у всех на виду.

Арктур кивнул на противоположную стену, испещренную граффити. Среди закорючек и карикатур выделялись нанесенные желтым баллончиком-распылителем строки, украшенные изображением черного мотылька.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЧЕРНАЯ МОЛЬ
ОТОМСТИМ ЗА ТЕМНУЮ ВЛАДЫЧИЦУ

IL EST TEMPS DE VOLER CE QUI NOUS APPARTIENT²⁴

Латронпуш говорил, будто местные ясновидцы считают меня героиней, и вот наглядное тому подтверждение.

– Надо разыскать автора, – встрепенулась я.

– В другой раз, – остудил мой пыл Арктур, он поднялся. – Лучше поторопиться, пока не нарвались на НКО.

Снаружи небо наливалось темно-фиолетовой синевой. Арктур подал мне руку и рывком поставил на ноги.

– Давай возьмем такси, – попросила я. – Знаешь, где ближайшая арка?

– Конечно.

Вдоль рельсов тянулись покатые стены. Очувтившись на свежем воздухе, я почувствовала, как ноют синяки – и застарелые, и свежие.

Внезапно чутье заставило меня насторожиться. Справа на стене возник силуэт. Когда рядом замаячил второй, желудок скрутило от страха. Арктур тоже засек незваных гостей.

– Проклятье! – буркнула я. – Великие герцоги либо приказали нас убить, либо оглушить для последующей продажи на рынке.

– Наши действия, темная владычица?

– Продолжаем идти.

Мы вскарабкались по служебной лестнице на Рю де Планта, где ледяной ветер немедленно обморозил мне щеки и кончики ушей. В голове вертелась назойливая мысль: поскорее бы вернуться на явку, в тепло. На перекрестке мы ускорили шаг. Преследователи не отставали.

Впереди обозначилась освещенная арка, мы пересекли проезжую часть и направились к монументу, возле которого скучали два автомобиля с опознавательными знаками.

– Поезжай. – Арктур сунул мне в руку пару банкнот. – Хвост я беру на себя.

– Постой. – Я стиснула его запястье. – Таксисты наверняка донесут великим герцогам. Есть идея получше.

С другой стороны арки припарковался роскошный автомобиль. Водитель, мужчина в деловом костюме, захлопнул дверцу и сунул ключи в карман. Он буквально орал в телефон, не замечая ничего вокруг.

Легкая добыча, как по заказу. Я поправила очки и шагнула наперерез автовладельцу.

От столкновения порезы и ссадины вспыхнули огнем.

– Pardonnez moi, – просипела я, запустив руку ему в карман. – C’était un accident²⁵.

Мужчина выругался, но ничего не заподозрил. Дождавшись, когда он свернет за угол, я отперла автомобиль. Арктур открыл пассажирскую дверцу.

– Теперь мы опустились до банального угона?

– Почему тебя так удивляет, когда закоренелая преступница совершает преступление? – поддела я. – Ладно, расслабься. У Сайена есть дела поважнее, чем гоняться за парочкой мелких воришек.

Я села за руль и включила зажигание, приборная панель загорелась. Арктур устроился на соседнем кресле.

– Bonsoir, Laurent. Gloire à l’ancre. J’espère que vous avez passé une journée productive au travail²⁶, – раздался бесстрастный голос.

– Прелестно. Только пропаганды на колесах нам не хватало. – Я пристегнулась и, заблокировав двери, с визгом вырулила на проезжую часть.

Арктур судорожно вцепился в подлокотник.

²⁴ Настало время забрать то, что принадлежит нам (фр.).

²⁵ Прошу прощения. Я не нарочно (фр.).

²⁶ Добрый вечер, Лоран. Слава Якорю. Надеюсь, день выдался плодотворный (фр.).

– Не фанат автомобилей? – спросила я, глянув в камеру заднего вида. Паранормалы пустились в погоню.

– Не люблю транспорт. – Рефаит защелкнул ремень безопасности. – В принципе.

– Учту на будущее.

От волнения на лбу выступил пот. В свое время Ник давал мне уроки вождения, но права я так и не получила, ездила редко и вообще предпочитала крыши. Тем не менее полученных навыков хватило, чтобы не врезаться в ближайший столб. Наемники мчались следом.

– Надо держаться подальше от транспортного потока и от камер. Прокладывай маршрут, а я постараюсь нас не угробить. – Забыв сбросить скорость, я на полном ходу вписалась в поворот.

Арктур явно обрадовался возможности отвлечься. Под его чутким руководством мы оторвались от преследователей и заколесили по глухим улочкам Парижа. Бросив машину в нескольких кварталах от явки, мы проделали остаток пути пешком.

– В загробном мире совсем нет транспорта? – заинтересовалась я, пока мы брели сквозь пургу.

– Есть, но иного толка.

При виде явочной квартиры у меня радостно забилося сердце. Даже в перчатках пальцы заледенели так, что мне не сразу удалось отпереть замок. Очутившись внутри, я плюхнулась на ступеньку и, перекинув пальто через перила, стала расстегивать ботинки.

– С боевым крещением, – прохрипела я, с трудом переводя дух. – Сначала ворует торт, теперь угоняешь тачку.

Арктур задвинул щеколду:

– Каков следующий этап?

– В идеале – ограбление банка, деньги нам не помешают. – От колебаний эфира волоски у меня на руках встали дыбом. – Здесь посторонний...

В полумраке мы уставились друг на друга.

– Следов взлома нет, – шепнул Арктур. – «Домино».

Кто бы сомневался! Явились не запыхались в день нашей вылазки. Как назло!

– Предоставь их мне. – На подгибающихся ногах я встала. – Сам не отсвечивай.

Нащупав рукоять клинка, я стала взбираться по лестнице, не ощущая ничего, кроме нечеловеческой, всепоглощающей усталости. На мгновение показалось, что чутье меня подвело: в тускло освещенной гостиной не было ни души. По спине побежали мурашки, обернувшись, я различила в сумраке женский силуэт.

– Ну здравствуй, Флора. – Незнакомка двигалась бесшумно, точно не касалась пола. – Надеюсь, ты хорошо провела вечер.

5. «Домино»

Высокая гостья принадлежала к категории невидцев; сшитые на заказ пальто и брюки подчеркивали угловатую фигуру. Темные волосы струились по плечам. От пристального взгляда темных глаз не ускользнули ни мой дурацкий перманент, ни перепачканные коленки.

– Спасибо, неплохо. – Я прокашлялась. – Вот, решили подышать све...

– Довольно реверансов. – Речь незнакомки выдавала в ней коренную парижанку. – Тебе велели сидеть на явке тише воды ниже травы, но ты ослушалась. Позволь спросить – почему?

Не считая гусиных лапок, у нее была безупречная смуглая кожа. Хвала передовой космологии. Впрочем, чуть подсказывало: гостье самое малое – под сорок или чуть больше.

– С какой стати мне отчитываться? – подбоченилась я.

– С такой, что твоя жизнь в моих руках. – Гостья сдернула перчатки. – Изор Дюко. Программа «Домино».

– Пейдж.

– Флора. Отныне ты Флора Блейк из ячейки «Манекен».

Изор шагнула к ближайшему окну. Несмотря на яркую внешность, она двигалась так целенаправленно и бесшумно, что могла невидимкой проскользнуть куда угодно. Такие люди если и разобьют чашку, то с умыслом.

– Теперь, когда церемония знакомства соблюдена, повторяю свой вопрос: где тебя носило?

– У реки.

– Решила поплавать?

– Нет, подышать свежим воздухом. Нельзя безвылазно торчать в четырех стенах.

– Можно, если дело касается самой опасной преступницы в Республике Сайен. Приспичило подышать, высморкайся, – без улыбки посоветовала Дюко. – Ты поступила глупо и безрассудно, покинув явку без согласования с куратором. А безрассудные глупцы в нашем деле опасны. Посмеешь еще раз ослушаться приказа, получишь статус неблагонадежной.

– И какие меры последуют?

– Угадай. – Дюко опустила жалюзи. – Где твой подручный?

– Остался у реки.

– Кто бы сомневался, – буркнула гостья. – Но поскольку он не агент, я вынуждена закрыть глаза на его отсутствие.

– Если он не агент, то кто?

– Твой соратник. Мальчик на побегушках. Чаще всего подручных набирают из проверенных связных или сторонних агентов. Но ты изначально не попадала ни под какие стандарты, Флора. – Изор впилась в меня взглядом. – Как твоё здоровье? Лучше?

– Не могу жаловаться.

– На днях тебя осмотрит наш врач. До тех пор отдыхай, не перегружай организм.

Она села в кресло и пристроила «дипломат» на кофейный столик. В свете фонарей различались острые скулы и густые брови.

– Меня уполномочили ознакомить тебя с заданием. А поскольку на ухо ты, по всей видимости, туговата, повторяю: никаких телодвижений вплоть до официального выздоровления, иными словами, до февраля. Понятно?

Тон меня покорибил, но сейчас не время выяснять отношения. Пусть выложит суть дела.

– Понятно, – эхом откликнулась я.

– Для начала позволь посвятить тебя в *raison d'être*²⁷ программы «Домино». Мы – разведывательная агентурная сеть преимущественно из свободного мира, действующая на территории Республики Сайен.

Я устроилась напротив Дюко, в зеркале отразились мои порозовевшие от мороза щеки и нос.

– Как давно основана сеть?

– «Домино» возникло после Балканского вторжения – тогда Сайен впервые применил военную мощь, поработив за два года целых пять стран. Наша ключевая цель – шпионаж, однако с недавних пор нам поручено дестабилизировать обстановку изнутри и готовить фундамент для грядущего конфликта.

– Хотите развязать полномасштабную войну с Сайеном? – уточнила я.

– Вся информация предоставляется по мере необходимости.

– Значит, нет смысла спрашивать, сколько агентов задействовано в сети?

– Могу сказать только, что наша команда делится на *riècles*, или ячейки, численностью от двух до двенадцати.

– И меня приписали к «Манекену»?

– Совершенно верно. В настоящий момент «Манекен» насчитывает шестерых участников, включая нас с тобой. – Изор открыла дипломат. – Согласно донесениям, ты обладаешь необходимыми для миссии навыками и свободно изъясняешься по-французски. *Je suppose que vous l'avez appris à l'école. Vous n'avez jamais été en France auparavant*²⁸.

– *Non, mais je parle couramment*, – возразила я. – *C'est ma troisième langue. Interrogez moi si vous voulez*²⁹.

Изор бомбардировала меня вопросами, больше похожими на заковыристые скороговорки. Однако мне удалось с честью выдержать испытание.

– Разговорной речью ты владеешь в совершенстве, – констатировала Дюко. – Приятный сюрприз. Как известно, английский обязателен на всей территории Сайена, однако кое-кто из агентов предпочитает французский. – Порывшись в чемоданчике, она протянула мне склянку, содержимое которой сильно смахивало на скомканную пищевую пленку. – Конфигуратор, передовая технология, недоступная Сайену. При нанесении на лицо полностью меняет внешность.

Скарлет Берниш воспользовалась такой штукой, когда помогала мне скрыться.

– Это скорее магия, чем наука, – восхитилась я.

– Добро пожаловать в новую эру. – Далее мне вручили флакон-капельницу, наполненную черной жидкостью. – По капле в каждый глаз, и радужка на час становится темной.

Из дипломата появились еще две коробочки. В одной лежал пистолет со встроенным глушителем, в другой – авторучка. Если отвинтить корпус, ручка превращалась в финку с трехдюймовым лезвием.

– На крайний случай, – предупредила Дюко. – Надеюсь, тебя не надо учить, как управляться с пистолетом.

²⁷ Миссия (*фр.*).

²⁸ Полагаю, своими знаниями ты обязана школе, ведь до сих пор тебе не доводилось бывать во Франции (*фр.*).

²⁹ Не доводилось, но тем не менее говорю я бегло. Французский – мой третий язык. Можешь проэкзаменовать меня, ничего не имею против (*фр.*).

– Если честно, стрелок из меня неважный. Револьвер мне как-то сподручнее.
Во взгляде Дюко вспыхнул интерес.

– Ладно, попробую достать. Ты ведь закоренелая преступница и наверняка пользовалась револьвером... по службе.

– Да, палила время от времени. Ничего особенного, – небрежно бросила я.

Покосившись на мою бесстрастную физиономию, Дюко молча достала два абсолютно идентичных флакончика.

– Стимулятор, – сообщила она, пододвигая мне белую таблетку. – А здесь капсула с ядом. Поколебавшись, я взяла капсулу, напоминавшую крохотную пулю.

– Запомни, где какая, раз и навсегда, – отчеканила Дюко. – Если угодишь в плен, раскуси серебрястую пилюлю и глотай. Через минуту наступит безболезненная смерть.

– Спасибо.

Кивнув, Изор захлопнула дипломат и принялась шарить в кармане пальто.

– Европа на грани войны. Континент словно спичка, вспыхнет от малейшей искры. – Женщина выудила серебристый портсигар и достала из него тонкую сигарету. – «Домино» получает финансирование из шестнадцати свободных стран, обеспокоенных политикой Сайена. Из проверенных источников нам известно, что Сайен намеревается расширять свою империю.

– Тоже мне секрет Полишинеля, – фыркнула я. – Уивер в открытую заявляет об этом в лозунгах.

Дюко пропустила мои слова мимо ушей:

– Текущее вторжение на Пиренейский полуостров вынудило наших инвесторов задуматься, не станет ли кто-то из них очередной мишенью.

В памяти всплыл эдинбургский склад, доверху набитый военной техникой. Малый процент той мощи, которую Сайен готовится обрушить на другие страны.

– На данном этапе новые вторжения неизбежны, а их итог предreshен, – вещала Дюко, закуривая. – Наша задача – приостановить процесс. Помочь дружественным государствам выиграть время для укрепления границ. Так у них появится хотя бы крохотный шанс.

В тот момент юная наивная Пейдж приказала долго жить. Та девочка верила, что свободный мир способен одолеть Сайен и просто ждет удобного случая.

– Ради твоего спасения мы рисковали невероятно ценным кадром. Пора оправдать затраченные на тебя усилия. – Дюко выпустила дым уголком рта, в противоположную от меня сторону. – Жорж Бенуа Менар, верховный инквизитор Франции, всячески уклоняется от контактов с английским правительством. «Домино» хочет знать почему.

Я медленно кивнула:

– Он так и не явился на празднование Нового года. На Ноябрьфест тоже.

– Хотя Англия с помпой обставляла его несостоявшиеся визиты, – подхватила Дюко. – Еще бы, такая возможность продемонстрировать крепкую дружбу лидеров двух держав. Возникает вопрос: на основании чего Менар отклонил оба приглашения? Почему избегает встреч с политическим соратником?

Поглощенная революционной деятельностью, я совершенно упустила из виду эту странную закономерность.

– У тебя дар проникать в чужие тела. – Изор изучающе разглядывала меня сквозь дымовую завесу. – Уникальная способность; полагаю, ты единственная в своем роде.

– Насколько мне известно, да.

– Тогда тебе не составит труда выполнить задание. – Дюко продолжала буравить меня взглядом. – Ты проникнешь в отель «Гаруш», официальную резиденцию верховного инквизитора Франции, и добудешь необходимую информацию, вселившись в супругу и верную соратницу Менара, Люси Менар Фрер. Выясни, какая кошка пробежала между Англией и Францией.

Люси Менар Фрер. Женщина, с улыбкой предвкушавшая мою казнь. «Хорошо, что мои дети будут расти в мире, избавленном от такого монстра, как ты».

– Ничего не выйдет. Затяжное переселение мне не осилить. Без специальной техники точно, – добавила я.

– Знаю. – Дюко стяхнула пепел в девственно чистую до сих пор пепельницу. – Аппарат ИВЛ доставят на явку неподалеку от отеля «Гаруш».

– Фрер почует неладное, когда у нее из памяти вылетят целые часы, – возразила я.

– Не почует, если действовать быстро, – парировала Изор. – Тем более девушка ты талантливая, а Фрер наверняка постарается скрыть малейшие признаки паранормальности.

– Не отправит же Менар собственную жену под топор!

– Ты недооцениваешь его приверженность Сайену. – Изор протянула мне досье. – Здесь все, что удалось собрать на Фрер, сотрудников и постоянных посетителей отеля «Гаруш».

– То есть вас интересует только вероятный конфликт между Менаром и Уивером. – Я полистала досье. – Но почему?

– Если у них действительно вышла размолвка, с ее помощью можно посеять раздор среди политической верхушки Сайена, а когда обстановка накалится, мы нанесем сокрушительный удар и ослабим внутреннее единство.

– Когда планируется приступить?

– В идеале – в первых числах февраля. Чем раньше добудешь сведения, тем лучше.

Свою войну против Сайена я вела на улицах, в родной среде обитания, а теперь вышла на новый – мировой уровень.

– Нынешнее затишье, если его можно так назвать, висит на волоске. Один неверный шаг, и начнется кровопролитие. «Домино» разжигает пламя, но, кроме пламени, нам ничего не подвластно. Любое несанкционированное вмешательство чревато необратимыми последствиями. От тебя требуется только раздобыть сведения касательно Бенуа Менара и Фрэнка Уивера. Тебе запрещается использовать наши ресурсы, финансирование и оборудование в иных целях.

– Значит, мне полагается зарплата? – уточнила я.

– За первое задание нет. – Дюко снова смерила меня взглядом. – Никакого похода на реку не было. Судя по меловым пятнам, ты спускалась в шахты.

Я сочла за лучшее промолчать.

– Особа вроде тебя – привыкшая отдавать приказы, а не подчиняться им – наверняка преследует собственные цели, – сощурилась Дюко. – Предупреждаю, Флора, не дури. «Домино» предоставило тебе кров. «Домино» оплачивает тебе квартиру, пропитание, лечение. Наконец, ты обязана нам жизнью. Настало время вернуть долг. – Она погасила окурков в пепельнице. – Наслаждайся последними безмятежными днями. До связи.

Прихватив дипломат, Дюко скрылась за порогом, не удостоив меня напоследок взглядом.

Внизу хлопнула дверь. Я зарылась в подушки и свернулась калачиком. В висках ломило. Арктур шагнул в гостиную и занял освободившееся кресло.

– Завалиться бы спать лет на сто. – Я подсунула руку под голову. – Все слышал?

– Да.

– «Домино» считает, что Менар и Уивер в контрах, и желает выяснить почему. Альсафи не делился с тобой информацией по этому поводу?

Рефаит погрузился в раздумья:

– Еще в колонии я рассказывал, что Бенуа Менара пригласили на Двухсотлетний юбилей в качестве почетного гостя. Торжество было приурочено к подписанию Верховного территориального акта о размещении Второго Шиола во Франции.

– Напомни, почему он не приехал.

– Сказался больным. Наширу отговорка не убедила. В октябре терпение у нее лопнуло, и она направила в Париж эмиссара, но тот как в воду канул.

Любопытно.

– Однако Менар все-таки акт подписал?

– Да, в декабре. Люси Менар Фрер привезла в Англию уже подписанный документ. Это последнее, что успел сообщить Альсафи, прежде чем оборвать контакт. Менар и так тянул до последнего.

– Значит, корень всех зол – Верховный территориальный акт, – рассуждала я. – Менар категорически против размещения Второго Шиола в пределах Франции.

Если в движении я чувствовала себя вполне сносно, то сейчас, в состоянии покоя, ощущала каждый пройденный шаг. Боль не утихала ни на секунду. Тянуло спать, но сначала нужно смыть мел. Именно эта мысль удерживала меня на диванчике.

– Сотрудничество с «Домино» поможет нашей революционной деятельности, – заметил Арктур. – Согласна?

– Ну, выбора у меня, положим, нет. Они спасли мою шкуру, а теперь выставили счет. Если откажусь, нас просто вышвырнут на улицу. – Я поерзала, чтобы меньше давило на синяк. – Да и потом, отель «Гаруш» – настоящий кладезь секретов.

Арктур промолчал, но золотая пуповина тревожно шевельнулась.

– Тебя что-то смущает? – спросила я. Рефаит отвел взгляд. – Ну не томи, выкладывай.

Арктур мешкал с ответом.

– Все думаю, насколько искренна ты была со мной по поводу своих планов? Ты и впрямь готова идти напролом даже вопреки опасности?

От усталости мысли путались, и до меня не сразу дошел смысл его слов.

– Хочешь сказать, я тебя обманула?

– Предпочитаю видеть картину целиком, – уклончиво ответил он. – Если ты не начнешь посвящать меня в свои истинные намерения, боюсь, я не сумею тебя защитить.

– Утром я сказала тебе правду!

– Разумеется. А еще ты пообещала не лезть на рожон. Или ты испугалась моего осуждения, поэтому и утаила часть правды?

– Никто и не собирался лезть на рожон! – отчеканила я. – Но обстоятельства изменились, пришлось подстраиваться. Сам знаешь, я предпочитаю ковать железо, пока горячо.

– Да, Пейдж, – пробормотал он, – знаю.

– Можешь ворчать сколько влезет, но мой метод работает. Только благодаря ему мы избавились от «Экстрасенса». – Я машинально схватила за ребра. – Умение приспособливаться – незаменимое качество. Жаль, Рантаны им не обладают, иначе зачем им обращаться к простым смертным за помощью.

– Не стану отрицать, гибкость – не наш конек. Но мой консерватизм в сочетании с твоим авантюризмом рождает гармоничный тандем. В этом плане мы прекрасно дополняем друг друга.

– Значит, мы с тобой на одной волне. Так в чем проблема? – Не дождавшись ответа, я потеряла воспаленные глаза. – Арктур, у меня был трудный день. Давай ближе к делу.

– Отдыхай, поговорим завтра.

– Нет. – Мигрень стремительно нарастала. – Начал... теперь договаривай.

– Ладно. – Арктур посмотрел на меня в упор. – Мы допустили ошибку, явившись в шахты неподготовленными. Лезть на чужую, заведомо опасную территорию было очень рискованно.

– Зато мы разузнали про серый рынок, – парировала я. – Не забывай, неведение могло выйти нам боком.

– Великим герцогам ничего не стоило поймать тебя в ловушку и убить. Даже мне не под силу уберечь тебя от их многочисленных приспешников.

– Сказал тот, кто неоднократно подвергал меня опасности, – фыркнула я. – Ради собственной выгоды, принц-консорт, вы не гнушались рискнуть моей шкурой.

Глаза рефаита недобро вспыхнули.

– Вот только не надо прикидываться глухим!

Выпалив последнюю фразу, я поняла, что перегнула палку, и мгновенно пожалела о сказанном, но меня уже распирало.

– Ты подвел меня под топор, когда сделал символом революции. Сложись все иначе, меня бы не пытали в застенках. И отец остался бы жив! – Каждый вдох раскаленным штырем пронзал мои легкие. – Твоими стараниями я встала на этот путь, и только мне решать, как его пройти!

Арктур с каменным лицом отвернулся. Я с трудом поднялась и заковыляла в ванную.

– Пойду спать. – Голос предательски дрогнул. – Читай нотации кому-нибудь другому.

До ванной я добралась чудом, болело все: кости, мышцы, связки. Нарочито громко хлопнув дверью, я уставилась на свое отражение. На припорошенном мелом лице темные круги казались еще темнее.

Временами Арктур раздражал меня до безумия. Упертый, непробиваемый истукан, с ним каши точно не сварить. Неудивительно, что при такой «маневренности» они проиграли гражданскую войну.

Несмотря на возмущение, я все же осознавала, насколько несправедливы мои упреки. В надежде унять головную боль я принялась исступленно массировать виски. Негнущимися пальцами отвернула краны. Кряхтя, стянула свитер и стала ждать, пока наберется вода – совсем немного, по щиколотку.

Погружение длилось вечность. Вцепившись в края, я твердила, что никто не собирается меня топить. Стерев грязь влажной тряпкой, аккуратно намочила волосы и нанесла на них шампунь с яблочной отдушкой. Ополоснувшись, прижалась лбом к эмалированной кромке и попыталась унять прерывистое дыхание.

Арктур сказал, я обещала не лезть на рожон. Не просто обещала, а поклялась.

Выбравшись из ванны, я облачилась в ночную рубашку. Расчесала волосы – сушить их феном не было сил, пришлось довольствоваться полотенцем. Сунула грязную одежду в стиральную машину и достала из холодильника тарелку с остатками еды.

Арктур уже отправился на боковую. Изнемогая от боли, я почистила зубы и поплелась в спальню. Отопление не работало весь день, однако постель оказалась на удивление теплой. Незирая на ссору, Арктур не забыл сунуть мне под одеяло грелку.

Стыд погасил тлеющий костер обиды. В самом прескверном настроении я щелкнула выключателем и, зарывшись в одеяло, прижала грелку к груди.

Несмотря на физическое и моральное истощение, сон не шел. Каждый вздох вызывал агонию. Кожа превратилась в сплошной оголенный нерв. Меня бросало то в жар, то в холод. Но больше всего терзали угрызения совести.

Принц-консорт.

Как только язык повернулся! Титул навязали ему против воли, два столетия Арктур мужественно сносил его, подвергаясь нападкам и насмешкам со стороны других рефаитов. Своей репликой я оскорбила его до глубины души. Усталость не оправдание.

К половине одиннадцатого кашель усугубился. Не выдержав, я ринулась в ванную в поисках лекарства. Чайная ложка сиропа смягчила горло, и я провалилась в сон.

К несчастью, забвение длилось недолго. Рука произвольно метнулась к изголовью, тело напряглось в предвкушении пытки. Обливаясь холодным потом, я проснулась и какое-то время таранилась в потолок. Осознав, что уснуть больше не удастся, я накинула на плечи длинный кардиган и, миновав гостиную, постучалась в соседнюю спальню.

– Заходи, – слышалось из-за двери.

Собравшись с духом, я переступила порог.

Если не считать расположения кровати, спальня рефаита мало отличалась от моей. Арктур устроился на боку, перед ним лежала раскрытая книга. Лампа отбрасывала на потолок вытянутые тени.

Арктур оторвался от книги. Мне и раньше доводилось видеть его обнаженным по пояс, но только сейчас в глаза бросилось отсутствие пупка. В тусклом свете ночника под золотисто-медовым сарксом проступали рельефные мускулы.

– Пейдж?

Я смутилась, осознав, что таращусь на него, как баран на новые ворота.

– Извини. – К щекам прилилась краска. – Просто у тебя нет... – Я похлопала себя по животу. – Хотя откуда бы ему взяться.

Рефайтам неведомо чудо рождения. Они не созревают в материнской утробе. Когда Арктур появился на свет, один-одинешенек, он выглядел в точности как сейчас.

– Если тебя интересуют иные анатомические особенности, то их нет. – Арктур захлопнул книгу. – По крайней мере, внешне.

– Рефаиты не размножаются, – рассуждала я вслух, – значит у тебя нет...

Я осеклась, мечтая провалиться сквозь землю. Заодно пусть рухнет потолок и меня погребет под обломками.

– Надеюсь, ты пришла не обсуждать специфику моей анатомии, – бесстрастно произнес рефаит.

– Конечно нет. – Собрав крупы смелости в кулак, я наконец решила: – Хочу извиниться за сегодняшний инцидент. Прости, что сорвалась, прости за оскорбления. Мне очень стыдно.

Арктур повернулся и откинулся на подушки:

– Не извиняйся. Я действительно навлек на тебя множество бед.

– Ничего подобного. Не твоя вина, что меня заточили в каземат, а Вэнс казнила отца. Я жутко устала, поэтому и сорвалась. Прости.

Арктур подвинулся, приглашая меня сесть, и положил книгу в стопку, высившуюся на прикроватной тумбочке. Я робко устроилась на краешке кровати и плотнее закуталась в кардиган. В спальне рефаита было холоднее, чем в моей.

– Ты прав. В шахты я полезла только из желания доказать самой себе, что со мной еще не все потеряно. Полезла, совершенно не задумываясь, что тем самым ставлю тебя под угрозу, ведь ты не бросил бы меня ни при каком раскладе. – Наши взгляды встретились. – Я не кривила душой по поводу своих планов, но и упустить такой шанс тоже не могла. Впредь не буду давать обещаний, которые не собираюсь выполнять.

– Никто не упрекал тебя в умышленном обмане, – глухо откликнулся рефаит.

– Знаю. – Под его пристальным взглядом я запустила пальцы в свалывшиеся кудри. – Прости, что иногда спускаю на тебя всех собак. Но, справедливости ради, не ты первый, не ты последний. Всем моим друзьям досталось. Элиза говорит, я полностью оправдываю свое имя: книжная страничка на вид мягкая, а вот края у нее острые³⁰.

– Хм... И порезы от бумаги недолго болят.

– Почему ты все это терпишь? – Мой голос упал до шепота. – Ведь я не Нашира. Ты не обязан сносить мои выходки.

– Просто мне хорошо знаком твой гнев. Когда терзают твою плоть, в душе происходит надлом. Ты теряешь самого себя. И малейшие претензии в свой адрес воспринимаешь как посягательства на личность. Поэтому инстинктивно обороняешься.

С глаз словно упала пелена. Всякий раз, когда Арктур пытался проявить заботу, часть меня моментально зверела. Часть, зародившаяся в каземате под пытками.

³⁰ Имя Пейдж (Paige) созвучно с английским словом «page» – страница.

– А кроме того, я очень боюсь тебя потерять. Боюсь, как никогда прежде, – почти ласково сообщил Арктур. – Не удивлюсь, если именно страх вынудил меня чинить тебе препоны.

Он пытался помешать моей капитуляции, а я в ответ взяла его на мушку.

– Страх – вернее, мой страх – не должен служить препятствием. Ты вольна поступать, как тебе заблагорассудится.

– Давай мириться, – выдержав его взгляд, произнесла я. – Ты меня прощаешь?

– Только если ты простишь мой страх.

– Договорились.

В комнате воцарилось молчание. Я чувствовала: пора уходить. Возвращаться в постель и ворочаться до изнеможения. Однако с губ сорвалось:

– Никак не могу уснуть. Не возражаешь, если я переночую здесь? – В горле запершило, мне не сразу удалось продолжить. – Постоянно чудится, что меня снова приковали цепями. И вокруг никого.

Арктур скользнул по мне горящим взглядом и, после томительной паузы, сдвинулся, освобождая левую половину кровати.

– Располагайся.

– Уверен?

– Конечно.

Не дав себе опомниться (и передумать!), я устроилась рядом. Рефаит снова взялся за книгу. Удостоверившись, что мне удобно, он потянулся к выключателю, но я остановила его со словами:

– Не волнуйся. Мне свет не мешает.

– У меня свои приборы ночного видения. – Арктур выразительно потер веки. – Но если тебе некомфортно в темноте, лампу можно оставить.

– Нет, выключай. От фобий надо избавляться.

Раздался щелчок, и комната погрузилась во мрак. У меня моментально перехватило дыхание.

– Что читаешь? – спросила я в надежде хоть как-то отвлечься.

– Стихи. – Арктур перевернул страницу. – А ты любишь читать, Пейдж?

– В свое время увлекалась страшилками, плюс бабушка с дедом постоянно рассказывали сказки, но сидеть целыми днями над книгами вообще не мое. Терпения не хватает.

– Просто ты не нашла «своего» автора, но рано или поздно это случится.

– Жду не дождусь, – улыбнулась я.

Раньше его присутствие успокаивало, но сейчас сердце норовило выскочить из груди – и отнюдь не из-за тревоги.

Тишину нарушал только шелест страниц. Банальный звук вытеснил чувство одиночества. Мною уже овладела приятная дремота, как вдруг Арктур произнес:

– Помнишь, я говорил, что золотая пуповина связала нас, поскольку мы неоднократно спасали друг друга?

– Помню, – сонно пробормотала я, не сразу сообразив, о чем речь. – А еще ты говорил, что сомневаешься.

– Пуповина – тайна за семью печатями. Древняя легенда о нити, объединяющей преданные души. Насколько мне известно, другие рефаиты ею не обладают.

– Мм... любопытно. Получается, мы с тобой единственные?

– Получается, – повторил Арктур. – Пейдж, я утаил от тебя кое-какую деталь.

Сон как рукой сняло. Я вся обратилась в слух, однако Арктур молчал как рыба.

– Ну, не тяни! – вырвалось у меня.

– Извини, я дал обет молчания.

– Не хочу тебя расстраивать, но ты не монах, а на дворе не двенадцатый век.

– Такие обеты – не только монашеская привилегия.

– Тебе виднее. – Поерзав, я выпросталась из-под многослойного кокона покрывал. – Если секретом нельзя поделиться, зачем его вообще упоминать?

– Ты сама докопаешься до сути. Ты сообразительная и рано или поздно соберешь разрозненные фрагменты пазла. Когда это случится, знай: я хранил тайну не по своей воле. И впредь между нами не возникнет никаких недомолвок.

– Ладно, – буркнула я.

Настаивать не имело смысла. Арктур вообще не любил откровенничать. Я подсунула сложенную вдвое подушку под голову, чтобы не уснуть. Потерплю, сейчас есть дела поважнее.

– Ты так долго не доверял мне в колонии. Почему потом поменял мнение?

– Когда Нашира ударила меня, ты отправилась за мной в часовню. Проявила сочувствие. А там, где сочувствие, нет места предательству.

Наследная правительница заставила жениха приветствовать ее на коленях. Спустя столько времени меня наконец осенило: он такой же пленник.

– И часто она поднимала на тебя руку?

– По мере необходимости, чтобы не расслаблялся, – бесстрастно откликнулся рефаит. – Наш союз перерос в самое настоящее противостояние. Нашира не сомневалась, что когда-нибудь выбьет из меня революционную дурь, переманит на свою сторону и заставит возжелать ее. Два столетия она пыталась сломить мое сопротивление. Наверное, у сборщиков это в крови.

Точнее не скажешь. Джексон тоже считал, что способен подчинить любого – без разницы, живого или мертвого.

Если бы не сонливость, я бы никогда не сморозила такую глупость, но усталость заглушила голос разума.

– Вы с Тирабелл встречались. А почему разошлись? – (Золотая пуповина ощутимо напряглась.) – Прости, не хотела совать нос не в свое дело.

– Я неоднократно копался в твоих воспоминаниях. Настал твой черед.

Я приподнялась на подушке. Сновидения вились надо мной, как птицы над гнездом, но любопытство пересилило.

– У меня сменилось несколько партнерш, но только после встречи с Тирабелл я задумался о серьезных отношениях.

Его память запечатлела Тирабелл в облегающих одеждах, смоляные волосы струятся по спине.

– Потом грянуло Размытие границ – пресловутая гражданская война. Однако Тирабелл оставалась моей верной союзницей. Мы вместе сражались на стороне Моталлатов, а после их разгрома Нашира объявила меня принцем-консортом.

– Вы пересекались с ней раньше?

– Да. Хотя она придерживалась оппозиционных взглядов, ее твердая позиция внушала уважение. При Моталлатах никто не осмелился бы разбить существующую пару, – мрачно изрек Арктур. – Нашира четко дала понять, что никакие традиции ей не указ.

– Но почему?

– Публичная капитуляция Мерзартимов, самых рьяных сторонников Моталлатов, упрочила бы ее новообретенный статус. Поэтому Нашира выбрала в женихи лидера сопротивления, – угрюмо пояснил Арктур. – Она пообещала истребить всю мою семью, если откажусь. А когда мне прислали отрезанную голову моей кузины, я понял: это не пустая угроза. Гордая Тирабелл не смолчала и во время помолвки вызвала Наширу на бой. – Повисла пауза. – В сражениях Нашира отточила свое мастерство и едва не уничтожила Тирабелл.

У Тирабелл были повадки воительницы, а тело воплощало боевой клич.

Пришлось вмешаться. Я поклялся служить Нашире верой и правдой, передать ей в вечное пользование Мезартим, если она пощадит Тирабелл. И она согласилась.

Я невольно покосилась на его ладони. Перехватив мой взгляд, Арктур одобрительно кивнул.

Темноту комнаты разбавляло лишь мерцание его глаз. Я нащупала его руку, провела пальцем по бугорку, именуемому линией жизни, по широким фалангам и наткнулась на грубые рубцы, испещрявшие суставы до самого основания.

– Откуда они?

– Перехватил клинок Наширы. В загробном мире холодное оружие отливают из опалита, ничем другим рефаитов не пронять.

Нашира едва не отрубилась ему пальцы и, наверное, тем же самым мечом обезглавила Альсафи.

– Тирабелл так и не простила меня, – заключил Арктур. – Сказала, что лучше погибнуть в бою, чем жить в неволе.

Только сейчас я осознала, что по-прежнему держу его за руку, и поспешно отпрянула. Арктур окинул меня загадочным взглядом и сложил ладони на груди.

– Ты говорил, огонь никогда не гаснет, – напомнила я.

– Любое пламя затухает. Мы с Тирабелл навсегда останемся родными. Я испытываю к ней искреннюю симпатию и восхищение, но вместе мы уже не будем.

Меня кольнуло неприятное чувство. Не ревность, скорее легкая зависть к той близости, которую они испытывают – или испытывали – по отношению друг к другу. Подозреваю, Арктур для Тирабелл как открытая книга.

– Мне очень жаль, – шепнула я.

– Хм...

Снова воцарилось молчание. Не представляю, как утешать рефаита и нуждается ли он в утешении.

– Пора возобновлять наши занятия, – заявила я. – По переселению. Хочу потренироваться перед заданием с Фрер.

– Хорошая мысль. – Арктур повернулся ко мне. – Спокойной ночи, Пейдж.

– Спокойной ночи.

Я откинулась на подушки и поначалу боялась даже шелохнуться, чтобы не потревожить его своей возней. Но постепенно сознание померкло...

Давно мне не доводилось спать так крепко. Очнувшись от лая за окном, я увидела, что мои волосы касаются локтя Арктура. Свет фонаря украдкой озарял его черты.

В нашу первую встречу он показался мне самым прекрасным и одновременно самым жутким созданием на свете. Однако во сне его облик переменился. Исчезла напускная суровость, тревожные морщинки разгладились. Безмятежная поза, одна рука покоится на простыне совсем близко.

Под покровом ночи мой кулак разжался, и тень моих пальцев крест-накрест накрыла его костяшки. Через пару минут я снова погрузилась в забытие.

6. Марш марионетки

Очнувшись среди вороха покрывал и шурясь от тусклого света, я не сразу сообразила, почему окна спальни расположены не с той стороны.

Вторая половина кровати пустовала. Я приподнялась на подушках и вдруг замерла. К вялости и плохому самочувствию добавилась новая напасть. Спустя почти год у меня возобновились месячные.

Из груди вырвался тяжелый вздох. Теперь понятно, откуда взялась мигрень. Подстегиваемая мыслями о кофе, я потеряла глаза и, удостоверившись, что на простынях нет пятен, поплелась в ванную. В зеркале отразилась удручающая картина: волосы торчали в разные стороны, как будто меня волоком возили по земле.

После утренних процедур я пересекла залитую солнцем гостиную и обнаружила в кухне Арктура, колдовавшего над кофейником. На улице бурлила жизнь, и ее отзвуки влетали в приоткрытое окно.

- Доброе утро, – поприветствовал меня рефаит.
- Доброе, – просипела я. – Удалось хоть немного поспать на фоне моего кашля?
- Меня пушкой не разбудишь, – заверил Арктур. – А ты сама выпалась?
- Да. Надеюсь, я не слишком тебя стеснила?
- Не говори ерунды.

Повисла пауза. Потянувшись за обезболивающим, я нечаянно коснулась Арктура, и его аура моментально покрылась мурашками.

- Готов приступить к тренировкам?
- Зависит от твоего самочувствия. – Рефаит заваривал кофе неторопливо, словно в его распоряжении была вечность. А впрочем... – Начнем с малого – с отрешения.
- С малого. – Я села за стол, чувствуя, как тянет низ живота. – Звучит заманчиво.
- Тебе нездоровится? – встревожился рефаит.
- Да нет. Просто моя матка сигнализирует об отсутствии зародыша. Хвала эфиру. Только маленького беззащитного человечка мне и не хватало для полного счастья.

- У тебя менструация, – догадался рефаит.
- Она самая, – уныло откликнулась я.
- Понятно. – Глаза Арктура потемнели. – Сильно болит?
- Тут целый спектр непередаваемых ощущений, – протянула я. – Представь, что тебе отбили все внутренности, потом ошпарили их кипятком и утрамбовали. Живот надувается как барабан, внизу тянет. Спина ломит, ноги подкашиваются. И черепушка раскалывается.

Арктур бросил помешивать кофе:

- И ты хочешь тренироваться в таком состоянии?
- Почему нет? Девчонка я крепкая.

С минуту рефаит буравил меня взглядом, после чего чуть ли не с трепетом склонился над кофейником.

– Отработаем отрешение, и через пару дней попробуешь в меня вселиться. – Арктур пододвинул мне чашку.

Сомнительная перспектива. Проникнуть в лабиринт рефаита – одно, а подчинить его – совсем другое. Тот памятный раз, когда я вселилась в Наширу – да и то буквально на пару секунд, – едва не стоил мне жизни.

– Задал ты мне задачу. – Я потеряла ноющую поясницу. – Не уверена, что справлюсь.

– Тяжело в учении, легко в бою, – парировал Арктур. – Сладишь с рефаитом, людей будешь щелкать как орешки.

Я поднесла чашку к губам, борясь с искушением поставить ее на живот.

В умиротворяющей тишине Арктур поднял жалюзи. За окном ласково розовело небо, цитадель нежилась в ленивых лучах солнца.

– Париж – не Лондон, он вспыхнет от малейшей искры, – сообщил рефаит. – Его улицы насквозь пропитаны кровью прошлых восстаний. Тучи сгущаются, Пейдж. Вот-вот настанет переломный момент.

– Дюко того же мнения. – Я подула на кофе. – Пугала, что Европа стоит на пороге войны.

– Вот почему ты должна соблюдать предельную осторожность с Фрер.

– Не понимаю, к чему ты клонишь.

– Тебе наверняка представится шанс убить верховного инквизитора, а ты у нас своего не упустишь.

Я молча прихлебывала кофе.

– Соблазнов будет множество, – продолжал Арктур, – но я настоятельно советую не отклоняться от курса. Мы договорились следовать приказам «Домино».

– Я много лет была подельницей, подчиняться умею. Но согласись, грех упускать такую возможность. Резиденция – это же кладезь государственных тайн.

– Никакие секреты не стоят конфликта с «Домино», – парировал Арктур. – Подумай, какую неоценимую поддержку они могут оказать Касте мимов.

– Каста мимов – слишком мелкая сошка для правительственной разведслужбы, – огрызнулась я. – Станут такие серьезные ребята якшаться с толпой расхлябанных бандюганов.

– У Касты большой потенциал. Ей можно поручить партизанскую войну против Сайена. Если наладишь контакт с Дюко, докажешь свою профпригодность, она наверняка замолвит за тебя словечко перед начальством.

Фантазия рисовала, как крупнейшие государства спонсируют мою разношерстную армию. Вчерашние террористы и головорезы заставляют трепетать Сайен.

– Может, ты и прав, – пробормотала я.

– Авантюризм у тебя в крови, – вещал Арктур. – Не спорю, на войне нужно уметь рисковать, но как друг очень тебя прошу – будь осторожна.

Не отрывая от него глаз, я снова приникла к чашке.

Правда заключалась в том, что у меня были свои резоны проникнуть в отель «Гаруш».

Конечно, можно рассказать Арктуру, но зачем его лишний раз нервировать, он и так настрадался по моей милости. Тем более искомое я умыкну незаметно – комар носа не подточит.

Чтобы не обнадеживать рефаита, я ограничилась кратким:

– Постараюсь.

Следующие несколько дней мы почти безвылазно торчали в подвале, переоборудованном в спортзал – с гантелями, штангой и прочим инвентарем. Арктур решил начать с простеньких приемов, чтобы постепенно вернуть меня в строй.

Мне стоило невероятных усилий отражать его притворные удары. Мускулы одеревенели, реакция притупилась. Если до недавних пор мы уравнивали друг друга – моя ловкость

против его силы, – то теперь одна чаша весов опустела. Арктур преодолевал мое сопротивление с такой легкостью, словно я не боролась, а мирно сидела на полу.

С отрешением дело обстояло не лучше. Время, проведенное в заточении, ослабило мой дар. После очередной мучительной попытки мне наконец удалось вызволить фантом из лабиринта. Даже не верится, что еще совсем недавно прыжок давался мне без малейших усилий.

Арктур был на высоте. Веселил меня архаичными оборотами, напряжение спадало, и я вновь становилась сама собой. К сожалению, ненадолго.

Меня отвлекала не столько неуклюжесть, сколько боль, сопровождавшая каждый вдох. Легкие абсолютно не насыщались кислородом. Приходилось прерываться чуть ли не каждые пять минут. Но самое досадное, Арктур никак меня не подстегивал. Во время очередного приступа кашля он отвел меня в гостиную и на весь вечер усадил на диван с грелкой.

Такая забота не шла мне впрок. В отличие от Аркура я не собиралась шадить себя и той же ночью, замотав кисти, крадучись спустилась в подвал. Если восстановлю физическую форму, дар, скорее всего, вернется.

Я сняла с углового стеллажа пару гантелей, какими без труда орудовала до битвы за власть, и подняла руки. Бицепсы тряслись, как желе, однако в напряжении мышц мне чудился добрый знак. Значит, тело постепенно привыкает к нагрузкам.

Внезапно у меня подломилось запястье. Из горла вырвалось шипение, гантели оглушительно грохнулись об пол. Захлебываясь кашлем, я повалилась на мат и согнулась пополам.

Постепенно в зале воцарилась гробовая тишина. Я подтянула колени к груди и уткнулась в них лбом.

– Пейдж? – донеслось с порога.

У меня полыхали щеки, по лицу градом струился пот.

– Что стряслось? – допытывался Арктур.

Не дождавшись внятного ответа, он присел рядом. Я потеряла запястье и принялась сгибать, разгибать пальцы.

– Они сломали меня в том гребаном подвале! – выкрикнула я. Во рту при этом появился солоноватый привкус. – Не представляю, как мне стать прежней.

– Никак, – «утешил» рефаит. – Та Пейдж мертва, как и вчерашняя, и позавчерашняя. Но смерть – это не конец, а начало нового этапа. Переход из одного состояния в другое. Твоя новая форма еще слишком хрупкая, но со временем она окрепнет. Наберись терпения.

Я криво ухмыльнулась:

– Терпение – непозволительная роскошь для простых смертных.

– Даже простого смертного хочется видеть в добром здравии, – рассудительно заметил Арктур. – В следующий визит Дюко попроси ее свести тебя с врачом.

Я обреченно кивнула и, опершись на его руку, встала, кляня себя за нелепое желание зареветь.

Мы поднялись в гостиную, и Арктур откупорил бутылку красного.

– Плесни и мне, надо промочить горло.

– Как скажешь. – Рефаит достал из шкафчика второй бокал. – Не знал, что ты у нас любительница вина.

– К жизни оно меня не вернет, но, надеюсь, капельку приободрит. Кстати, – поспешила сменить я тему, – ты когда-нибудь... надирался?

Рефаит изумленно поднял брови.

– Надирался? – переспросил он.

– Напивался, наклюкивался. *Ar meisce*³¹. Ощущал алкогольную интоксикацию?

– Насколько мне известно, нет.

³¹ Пьяный (ирл.).

– Очень жаль. – Я закинула ноги на диван. – А то устроили бы алкосоревнование.

– Какое еще соревнование? – насторожился Арктур.

– Ну, однажды мы с Надин смотрели новости и выпивали по стопке абсента всякий раз, когда с экрана звучало «паранормал». Знатно накидались. – Я завернулась в плед. – Давно хотела спросить...

– Да?

– В нашу первую тренировку ты действовал инстинктивно?

Рефаит поочередно наполнил бокалы.

– Отчасти. С появлением золотой пуповины мне стало намного легче ориентироваться, но изначально я руководствовался опытом общения с другой странницей.

Меня словно молнией ударило.

– *Другой* странницей?

– Никогда не задумывалась, почему Нашира так хорошо осведомлена об искусстве призрачных странствий? – Арктур закупорил бутылку. – Ты уже вторая ускользаешь у нее из-под носа.

Новость произвела эффект разорвавшейся бомбы. Даже Джексон, самопровозглашенный эксперт в области ясновидения, считал меня единственной в своем роде. Разумеется, со временем я тоже стала мнить себя уникальной.

Хотя кое-какие нюансы противоречили нашей теории. В частности, Нашира была одержима идеей странствий задолго до моего появления в колонии. А как известно, одержимость не возникает на пустом месте.

– Эмма Орсон, – соизволил наконец удовлетворить мое любопытство Арктур. – Ее пленили после Третьего Сезона костей и доставили прямиком в колонию. – Он передал мне бокал. – Оставлять столь могущественного ясновидца подле Наширы было чревато, и Рантаны помогли Орсон бежать.

Не отрывая от него взгляда, я машинально взяла бокал.

– Но перед этим она рассказала тебе о странствиях.

– В общих чертах. Нам с Тирабелл удалось побеседовать с ней лишь дважды. Правда, Орсон не именовала себя призрачной странницей.

Еще бы, ведь термин изобрел Джексон.

– Что с ней случилось после побега? – наседала я.

– У меня есть гипотеза. – Арктур опустился на диван, бокал пристроил на подлокотник. – Не досчитавшись Орсон, Нашира отправила на ее поиски «алую тунику». А вскоре по Уайт-чепелу прокатилась волна зверских убийств.

Меня охватил озноб.

– Потрошитель...

Сдержанный кивок.

– Последнюю жертву звали Мэри Келли, но, как позже выяснилось, на улицах ее знали под разными псевдонимами. В частности – Светлая Эмма.

– Думаешь, Эмма выдавала себя за Мэри Келли?

– Да. Либо же убийца ошибся. Так или иначе, с тех пор Эмма Орсон как сквозь землю провалилась.

В памяти всплыли фотографии с места преступления – на черном рынке их разбирали как горячие пирожки.

– Нашира наверняка рвала и метала, – сменила я тему в попытке вытеснить посмертный образ убитой из головы. – А мы все гадали, как она заполучила Потрошителя. Теперь все ясно. Нашира дождалась, пока он вернется в Первый Шиол, казнила его и подчинила фантом – либо в наказание за то, что он не нашел Эмму, либо за ее убийство.

– Скорее всего, – согласился Арктур. – Как известно, Нашира обратила кровавую резню в свою пользу. Она давно ждала случая свергнуть монархию. Едва принц Эдвард взошел на престол, она захлопнула мышеловку, заклеив новопеченного монарха Кровавым Королем.

Нашира обвинила его в убийствах и распространении паранормальной чумы, а после привела к власти Сайен. Если Арктур ничего не путает, началось все с призрачной странницы.

– На своем веку мне довелось встретить всего двух странниц. Ты вторая, – заключил рефаит.

– Немудрено. – Я осушила бокал. – Нашира будет преследовать меня вечно?

– Да.

Ну хоть кто-то не пытается подсластить пилюлю. Пора ответить взаимностью.

– Арктур, огромная просьба: перестань щадить меня на тренировках. – Я посмотрела на него в упор. – Мы договорились делать все, что в наших силах, и не останавливаться ни перед чем.

Параллельно вспомнилась ночь, когда я растоптала наше хрупкое, едва обозначившееся чувство. Принесла его в жертву революции.

Мне нельзя испытывать то, что я испытываю рядом с тобой.

Тишина повисла между нами плотной, почти осязаемой завесой.

– Хорошо, – откликнулся наконец Арктур, пригубив вина.

– Вот и славно. – Я поднялась с дивана. – Если не возражаешь, предлагаю перейти на французский. Едва ли Фрер употребляет в кулуарах английский.

– Здравая мысль, – похвалил рефаит. – *Bonne nuit, petite rêveuse*³².

– *Bonne nuit*³³.

Остаток января прошел в изнуряющих тренировках. День за днем Арктур муштровал мой заскорюзлый фантом, однако тот реагировал лишь на опасность. Замкнутый круг. Отчаявшись, я прибегла к фантазии и с ее помощью научилась стимулировать дар.

Я воображала каземат. Воображала друзей, застывших под дулами безликих солдат. Воображала бойню, навсегда искалечившую мою психику. Наконец ценою титанических усилий мне удалось отрешиться от тела и атаковать броню Арктура. Из носа хлынула кровь, но лиха беда начало.

В редкие часы досуга я зубрила принесенное Дюко досье на Фрер.

Люси Изабелла Фрер, старшая из трех дочерей министра финансов, родилась в Сайенской цитадели Тулуза. После развода родителей переехала вместе с матерью и средней сестрой в Марсель.

С детства Люси мечтала о карьере великой вещательницы и даже получила высший балл по истории Сайена. В двадцать три, на званом ужине в Гренобле, она знакомится с будущим инквизитором. В 2049 году пара объявляет о помолвке, Менара назначают министром юстиции, а пять месяцев спустя они с Люси женятся. Менары считаются образцовой семьей, почти везде появляются вместе, воспитывают троих детей и ждут четвертого. Фрер официально сообщила о своей беременности четырнадцатого декабря, когда уже была на четвертом месяце.

К досье прилагался видеофайл с ее публичными выступлениями. Я, словно губка, впитывала привычки объекта, походку, манеру держаться, переливчатый смех. Присаживаясь, Люси скрещивала ноги в лодыжках, а улыбалась исключительно левым уголком рта. Будучи в положении, она любила класть руку на округлившийся живот. За годы, проведенные в столице, Фрер избавилась от южного акцента, но кое-какие словечки иногда проскальзывали. Надо выучить, пригодится.

³² Доброй ночи, юная странница (*фр.*).

³³ Доброй ночи (*фр.*).

Фрер разделяла лютую ненависть супруга к паранормалам и выступала яростной противницей «азотика» – препарата для безболезненного умерщвления ясновидцев, разработанного и внедренного в Англии. Якобы это слишком гуманно. Естественно, до Франции препарат не добрался. Фрер частенько заменяла супруга на так называемой кровавой рулетке среди узников Бастилии.

Главная гильотина помещалась на Гревской площади. Мне попалась запись тройной казни. Камера запечатлела Фрер на зрительной трибуне с новорожденным Жаном-Мишелем на руках, левый уголок ее рта пополз вверх, когда один из приговоренных обмочился.

Безусловно, Люси Фрер – враг, приспешница Якоря, горящая желанием истребить всех ясновидцев. Тем не менее я не собираюсь глумиться над ее телом и злоупотреблять моей властью. У супруги инквизитора свои принципы. У меня свои.

Смущало еще кое-что. Прознав о моих талантах, Сайен обучил персонал распознавать симптомы переселения. Последствия их осведомленности я испытала в Манчестере на собственной шкуре. Неизвестно, кто из сотрудников отеля знал о моем бегстве и знал ли кто-то вообще. Но лучше перестраховаться. Переселение в Люси должно пройти без сучка без задоринки.

Рано утром Арктур застал меня на кухне вяло жующей овсянку. Из-за душераздирающего кашля мне не удалось сомкнуть глаз. Долгожданное выздоровление не наступало. Более того, день ото дня мне становилось только хуже.

– Вселись в меня, – попросил Арктур по-французски (английским мы решили пока пренебречь).

Я проглотила порцию каши.

– Вселиться? В полшестого утра?

– До февраля осталось всего ничего. Отрешение ты освоила, пора заняться непосредственно странствием.

Арктур сдержал обещание не жалеть меня на тренировках. Бросив недоеденную кашу, я поплелась в зал.

Спустившись в подвал, мы замерли друг напротив друга.

– Чтобы убить врага фантомом, ты должна действовать стремительно, тараном, – убеждал Арктур. – При переселении, наоборот, тебе необходимо плавно проскользнуть в лабиринт. Чем плавней, тем меньше риск носового кровотечения.

– Нельзя проникнуть в лабиринт, не применив силу, – возразила я. – Если замешкаюсь, Фрер наверняка обнаружит мое присутствие.

– Тогда не мешкай. Проверни дело быстро, но аккуратно. Так или иначе, Фрер невидица. Вряд ли у нее крепкий защитный барьер, – заключил рефаит.

В его собственной броне наметилась ощутимая брешь.

– А может, не напрягаться? – рассуждала я вслух. – В прошлый раз мы совместными усилиями выкрали воспоминания Вэнс. Почему бы не повторить то же самое Фрер?

– Она обязательно заметит неладное, – попробовал остудить мой пыл Арктур.

– Заметит, но, возможно, не сообразит, что к чему.

– А если сообразит? – бесстрастно парировал он. – А если Вэнс успела предупредить соратников?

Такая мысль не приходила мне в голову. При таком раскладе переселение – самый оптимальный вариант. Вопрос, какую тактику предпочесть – ненавязчивую или агрессивную?

– Соберись, – предупредила я и, отбросив все преграды, прыгнула.

Меня захлестнула чудовищная боль, но мгновение спустя страдания прекратились. Я тенью скользнула в чужой лабиринт и раздвинула висевшие там алые драпировки, мои пальцы

светились на их фоне. В кромешной тьме они были единственным источником света. В сознании Арктура я горела словно свеча.

Рефаит ждал в самом сердце лабиринта. Заметив меня, он посторонился, как будто уступал полномочия. Стараясь не задеть его, я протиснулась мимо.

Подчинить рефаита сложнее, чем самого закаленного из людей. Я лихорадочно искала точку опоры, силилась заполнить собой все, мало-помалу фантом укоренился, освоился, и тренажерный зал содрогнулся от облегчения.

Арктур обладал червоточиной. Перед ним золотыми нитями маячили три призрака. Я невольно залюбовалась зрелищем, а в следующий миг, от переизбытка эмоций, едва не рухнула на колени. *Его колени.*

Мне еще никогда не доводилось так явственно ощущать эфир. Я не только видела его обитателей, но и осязала происходящее каждой клеточкой. Эфир не существовал отдельно, он был неотъемлемой частью самого рефаита. В своем лабиринте я, точно пузырек воздуха в бездонном омуте, различала эфир, соприкасалась с ним, но по-настоящему не взаимодействовала. Ясновидцы пусть и не совсем обычные, но люди, а человеческая плоть блокирует эфир. В отличие от саркса, который, наоборот, служит проводником потусторонней энергии.

Когда новизна ощущений притупилась, я попробовала шевельнуть пальцами, и они дрогнули в ответ.

Неплохо.

– Стоп! Ты ведь не должен разго... – начала я и с непривычки осеклась. – Совсем забыла, у меня же теперь твой голос!

Извини, если он пришелся тебе не по вкусу.

– Не выдумывай, голос у тебя потрясающий, меня больше напрягает рафинированный словарный запас. Ну ничего, мы выьем из тебя эту аристократическую дурь. – В моих устах его речь звучала капельку живее. – А если серьезно, ты почему до сих пор здесь?

Побочный эффект от золотой пуповины, не иначе.

– Прекрасно. Вместилище с суфлером.

Если ты предпочитаешь тишину...

– Нет-нет. Это же твое тело. Черт, до чего низкий у тебя голос. Связки не устают? – Я расправила широкие плечи. – Всегда считала себя восприимчивой к эфиру, но твое восприятие – просто космос. Ты как будто существуешь на обеих плоскостях.

Не по своей воле. Мало радости скитаться между мирами и нигде не иметь пристанища.

В ауре рефаита возникло напряжение. Однако меня не покидала уверенность, что нынешнее чувство – всепоглощающей безграничности бытия – меркло по сравнению с тем, что испытывали рефаиты до того, как начали питаться паранормалами. Если моя аура плавно стыковалась с эфиром, то его словно натыкалась на невидимую преграду.

– Тебя что-то сдерживает, – заметила я. – Некое подобие голода.

Тем лучше для тебя. Не поручусь за твою психику, если аура развернется в полную мощь.

У меня не было резона усомниться в его словах. Человечеству не дано постичь бессмертия.

Моя брэнная оболочка застыла неподалеку в окружении алого свечения. Арктур обучил меня дыхательному методу при переселении, однако это требовало максимальной концентрации. Надеюсь, «Домино» раздобудет обещанный аппарат ИВЛ, чтобы я могла всецело сосредоточиться на Фрер.

– Мне всегда казалось, вы подпитываетесь нашими аурами, как паразиты, – рассуждала я вслух. – Но в действительности вы же ничего не поглощаете?

Продолжай.

– Наши ауры, по аналогии с припоем, заделывают брешь между вами и эфиром. Вы не подпитываетесь, а... подсоединяетесь, наводите мосты.

Соппротивление изнуряет ясновидцев. Поэтому нас и принимают за энергетических вампиров.

Мой взгляд метнулся к испещренным шрамами ладоням.

Подойди к зеркалу.

Легко сказать. Неуклюже перебирая исполинскими конечностями, я двинулась вперед. Осознание нечеловеческой силы кружило голову. Я почти завидовала рефайту, ведь его плоть не боится ни ножа, ни пули, а кости не перерубить топором.

Ключевое слово – «почти». Несмотря на внушительную фактуру, рефайты трепетали перед алым цветком. Кроме того, зверски болела поясница, как будто ее основательно «обработали» дубинкой.

Согласись, не самые радужные впечатления.

А виной всему Джексон. Своим предательством он обрек Рантанов на вечные муки.

Не жалею меня, юная странница. За двадцать лет успеваешь привыкнуть.

– Я не жалею, а сочувствую.

Очень великодушно с твоей стороны.

Тем временем я добрела до зеркала, но вплотную подходить не стала, чтобы не тратить силы, и, подавшись вперед, уставилась на «свое» отражение. Лишь тусклые глаза выдавали мое присутствие. Обычно в них полыхал огонь, который то разгорался, то мерк в зависимости от настроения. Но сейчас пламя угасло.

– Так и тянет сказать какую-нибудь пошлость и послушать, как ты сквернословишь.

Низкопробный юмор не твой конек.

– Ты мне льстишь.

Ни в коем случае. Итак, первое задание: подними мою руку. Только постарайся не выглядеть марионеткой, которую дергают за ниточки.

7. Неприкаянные

Остаток января я училась копировать движения Арктура, его манеры, походку. Каждая попытка подчинить рефаита оборачивалось испытанием, лабиринт отторгал незваную гостью, однако мне всякий раз удавалось сломить его сопротивление. Одолею Арктура, с Фрер и вовсе управлюсь в два счета.

Лишившись власти над собственным телом, супруга инквизитора лишится еще и памяти, следовательно, нужно как-то обосновать ее амнезию. Вдохновение пришло, когда я листала историю болезни Фрер. Во время двух предыдущих беременностей у Люси на фоне гипотонии случались обмороки. Если постараться, она спишет провалы в памяти именно на них.

Этой уловки хватит на раз или два максимум. Потом Фрер почувет неладное.

Удостоверившись, что с прыжком проблем не возникнет, я решила отдохнуть от тренировок. Рефаиты бодрствуют по трое-четверо суток кряду, однако с тех пор, как Арктур стал вместилищем, он заваливался спать не реже моего. Иногда мы делили постель. Однажды ночью, после очередного кошмара, я обнаружила дверь в его спальню распахнутой, а сам Арктур сдвинулся на край, освободив для меня половину кровати.

Днем тоже хватало забот: я прилежно штудировала план отеля «Гаруш», просматривала бесчисленные записи, училась подражать Фрер – и, словно губка, впитывала все, что удавалось найти об объекте на Сайен-нет.

Жорж Бенуа Менар. Родился раскаленным летом 2019-го, детство провел в Страсбурге, портовом городе на Рейне. В эксклюзивном интервью Менар рассказывал о стычке с детьми из свободного мира, которые обитали за электрическим забором, отделявшим Страсбург от Германии.

По ту сторону обосновалась франкоговорящая семья из Швейцарии. Время от времени их многочисленные отпрыски, одурев от скуки, принимались дразнить нас и забрасывать паранормальной атрибутикой, пока мы брели из школы домой.

*В Германии и Швейцарии пользуются популярностью настенные часы, из которых каждый час вылетает деревянная птичка и исполняет одну и ту же трель. Называются они *pendules à coucou*, часы с кукушкой. Швейцарцы дразнили нас *coucouis*, якобы мы заикленные придурки, способные только распевать гимны. Несчастные слепцы не понимали, что это не мы, а они уподобились заводным игрушкам, чей механизм полностью контролировали паранормалы.*

Внезапно у меня перехватило дыхание. *Pendules à coucou*. Всего пару недель назад Нику было видение водной доски и часов с кукушкой.

Порабощение Фрер должно пройти безупречно.

Возмущенный пагубным влиянием свободного мира на родной город – его архитектуру, кухню, реку, оскверненную Альпами, – Менар перебирается в Париж изучать юриспруденцию. Уже дипломированным специалистом он устраивается секретарем в инквизиторский суд.

Его карьера стремительно идет в гору. Менар становится незаменим в Бастионе правосудия, коллег восхищает его незаурядный ум и дотошность. В двадцать шесть он внезапно

переезжает в Сайенскую цитадель Лион и занимает туманную должность экспертного советника в Министерстве внутренних дел. Дальнейшие сведения о лионском периоде его жизни отсутствуют. Скорее всего, Менар участвовал в тайных зверствах Сайена в качестве того же дознавателя.

В 2049-м он возвращается в Париж в статусе министра юстиции. Спустя четыре года его преданность Сайену окупается сполна – после смерти Жакмин Ланг тридцатичетырехлетний Менар становится самым молодым инквизитором Франции. Первым делом он требует реконструировать Страсбург и увеличить мощность тока на пограничном заборе до смертельной.

На официальном снимке Менар запечатлен гладко выбритым, с высоким лбом и темно-ореховыми, тщательно уложенными волосами. На скуле родинка в форме полумесяца. Из-под нависающих густых бровей смотрят карие глаза. Популярность инквизитора зиждилась на безупречных манерах, приятной внешности и ненависти к паранормальному.

К сорока годам Менар занимал верховный пост без малого семь лет, однако интервью с ним можно было по пальцам перечесать. Я посмотрела их все до единого. От хладнокровия Менара кровь стыла в жилах. Он долго думал, прежде чем ответить на вопрос, и, как мне показалось, наслаждался раболепной покорностью журналистов. Впрочем, внешне инквизитор был сама любезность, никогда не жестикулировал и если улыбался, то через силу.

Фрэнк Уивер вел себя, как и полагается ярмарочному болванчику. Если приглядеться, можно различить руку кукловода. Менар, напротив, внушал трепет и, не повышая голоса, приковывал к себе всеобщее внимание.

По моей просьбе Арктур устроил мне экзамен. Удостоверившись, что ответы отлетают у меня от зубов, я сосредоточилась на французском, выискивая специфические термины и анахронизмы, подлежащие искоренению.

Временами безрассудность миссии приводила меня в ужас. Мне предстояло общаться с родными и близкими Фрер, ориентируясь лишь на ее публичный образ. Ну и нельзя забывать про элитное подразделение из восьмидесяти легионеров, преимущественно бывших спецназовцев, – которые охраняли инквизиторскую семью и успели изучить все особенности их поведения.

Нужно действовать быстро, чтобы раздобыть оба фрагмента информации. Первый – причина конфликта между Менаром и Уивером – я передам «Домино», а вторым поделюсь только с Арктуром.

К любому, самому замысловатому замку можно подобрать ключ, и Бенуа Менар не исключение.

В канун февраля высокая температура и кашель почти на весь день приковали меня к постели. Вечером, устроившись под одеялом с толстым французским словарем, я вдруг почувяла ауру Дюко. Осушив заваренный Арктуром настой с лимоном и медом, я поплелась в гостиную.

– У нас гости, – сообщила я, плюхнувшись на диван. – Кстати, советую остаться. Рано или поздно Дюко захочет с тобой познакомиться.

– Хорошо, – откликнулся рефаит. – Как твое самочувствие?

– Лучше, – заверила я и, взяв протянутый термометр, засунула его в ухо. Вскоре прибор запиликал. – Ну вот, температура упала до сотни³⁴. Завтра буду как огурчик.

– Понимаю, тебе сложно пить, но постарайся, иначе заработаешь обезвоживание, – предупредил рефаит, убирая градусник.

– Я постоянно пью!

– Да. Кофе. – Арктур забрал мою чашку. – Заварю тебе еще воды с лимоном.

³⁴ Имеются в виду градусы по шкале Фаренгейта, что соответствует примерно 37,8 градуса по шкале Цельсия.

- Давай. – Я шутливо толкнула его пяткой. – Ты прямо курица-наседка.
- Ко-ко-ко, – с самым серьезным видом прокудахтал рефаит.

Моя улыбка померкла, когда начались новости. «Око Сайена» передавало радужные сводки о вторжении в Португалию. Как радостно сообщил репортер, битва за Лиссабон уже в разгаре.

На экране появилась карта. Лиссабон распростерся за широким устьем Тахо. По приказу Грэма Харлинга, верховного адмирала Сайенской Англии, военная флотилия перекрыла реку. На столицу с двух сторон надвигалась пехота, авиаудары обрушились на густонаселенные города Коимбра и Порту. Уивер торжественно поклялся прекратить бомбардировку, как только президент Португалии Даниэла Гонсалвес объявит о своей полной и безоговорочной капитуляции. Португалии нужен Якорь. Пора принять неизбежное.

В свои двадцать девять Гонсалвес считалась молодым лидером. «Око Сайена» выставило ее неопытным и слабым политиком, однако до сих пор Даниэла ухитрялась противостоять натиску сверхдержавы.

– Я призываю президента Гонсалвес капитулировать, – вещал с экрана Уивер. – Лишь Сайену под силу избавить страну от паранормальной чумы. Сложите оружие, откройте сердца Якорю, и он ответит взаимностью. Сдавайтесь, и никто не пострадает. Станете упорствовать, и вас постигнет участь зачумленного дома. От Португалии останется лишь пепелище.

К несчастью, это была не пустая угроза. Если Португалия решит сражаться до последнего и проиграет, она разделит судьбу Ирландии и ряда балканских стран. Ее население подвергнут остракизму и навсегда заклеят смутьянами. Но, вопреки здравому смыслу, мне хотелось, чтобы Гонсалвес продолжила борьбу и не склонилась перед Якорем.

– Как думаешь, не врут? – спросила я, когда Арктур вернулся. – С каких пор военное командование раскрывает все карты?

- Ни с каких. Сайен озвучивает лишь то, что способствует пропаганде вторжения.
- Значит, Португалия еще может победить?
- Шанс есть всегда.

Разумеется, мы просто успокаивали друг друга, но настроение почему-то улучшилось. Пару минут спустя на пороге возникла Дюко волосы крупными локонами ниспадали на плечи, воротник темно-серого пальто был поднят.

- Добрый вечер, Флора. А вы, – обратилась она к Арктуру, – полагаю, ее подручный? Рефаит приветственно наклонил голову.
- Приятно познакомиться.

Изор старалась ничем не выдать своего любопытства, только бросала на Арктура недоуменные взгляды.

– Смотрю, вы воздержались от полуночных вылазок к реке. Это не может не радовать. – Дюко скрестила руки. – Флора, мы считаем, ты готова к заданию. Руководство ждет твоего доклада. Первую попытку переселения рекомендуем предпринять завтра.

Завтра? Так скоро?

- Попробовать можно, но, боюсь, меня быстро рассекретят.
- Если поторопишься, не рассекретят. Выясни, что не поделили инквизиторы, и возвращайся.
- Хорошо, но для начала мне необходимо встретиться с врачом. Кашель так и не проходит.

– Кордые присоединится к нам завтра, но вряд ли она успеет тебя осмотреть. – Изор вдруг осеклась. – Флора, ты уверена, что справишься?

Меня так и подмывало сказать правду, что я не уверена, сумею ли завтра вообще встать с постели, однако с губ сорвалось:

- Кордые в курсе, как работает мой дар? Какие показатели нужно отслеживать?

– Ей известно столько же, сколько и мне. Впрочем, опытный консультант никогда не повредит, – объявила Дюко. – Я надеялась, твой подручный не откажется помочь.

– Не откажусь, – кивнул Арктур.

– Вот и славно. Люблю, когда люди стремятся приносить пользу. Особенно если эти люди находятся у «Домино» на полном пансионе. – Изор вручила мне ключ с адресной биркой и кодом. – По донесениям наших агентов, Фрер просыпается в семь. Встречаемся по этому адресу в шесть. Если возникнут проблемы, звони по номеру на обороте.

Она развернулась на каблуках и, обдав нас ароматом розовой воды, скрылась за дверью.

– Мне слышалось или тебя назвали халявщиком? – подмигнула я.

– Слух тебя не подвел.

– Она не со зла, просто брякнула на нервной почве, – утешила я, мысленно отметив, что лечебный отвар остыл. – Ну и задал ты ей задачку! Странно, ведь Берниш наверняка сообщила руководству, кто в действительности стоит за Сайеном.

– Она могла счесть канал связи ненадежным и не углубляться в подробности. Но даже если сведения дошли до адресата, ими вряд ли станут делиться с рядовыми агентами вроде Дюко.

– Наверное. Случай не из разряда служебной необходимости. – Я отставила чашку. – Пожалуй, лягу сегодня пораньше.

– Ты так и не поела, – возмутился рефаит.

– Не хочу. Аппетита нет.

– Его нет почти неделю. – Арктур, сощурившись, наблюдал, как я встаю с дивана. – Ты не выздоравливаешь. Попроси у Дюко отсрочку.

– Нельзя, время поджимает, – рассеянно бросила я, думая о своем, но, перехватив подозрительный взгляд Арктура, состроила самую невинную гримасу. – Не забывай, мы на пороге войны.

– Не забуду. – Рефаит с минуту буравил меня глазами и, по-видимому успокоившись, переключился на новости. – Выпись хорошенько, Пейдж.

– Постараюсь.

Закрывшись в ванной, я сплюнула в раковину комок желтоватой слизи и, содрогаясь от отвращения, пустила воду. Это всего лишь кашель. Пройдет.

Доковыляв до спальни, я, по обыкновению, обнаружила в кровати грелку, однако холод все равно пробирал меня до костей. Вымотанная до предела, с оголенными нервами, я напряженно таранилась в потолок.

Завтра мне снова предстоит проникнуть в оплот Сайена. Да и новости не способствовали сладким снам. Стоило мне задремать, сразу накатывали воспоминания о пытках.

К половине двенадцатого я совсем отчаялась. Нужно срочно принимать меры. Если не выплыву, завтра провалю задание. К полуночи сна не было ни в одном глазу. Ругая себя на чем свет стоит, я поплелась в кухню.

Джексон любил пропустить на ночь стаканчик, а потом спал без задних ног. Пора позаимствовать его методику, – как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Я взяла из буфета бокал и откупила графин с чем-то, похожим на красное вино.

Сначала пила маленькими глоточками, просто чтобы успокоиться, однако у вина оказался очень богатый и насыщенный вкус – я опомниться не успела, как «уговорила» целый бокал и потянулась за добавкой. По телу растеклось блаженное тепло. В памяти всплыли ночные посиделки с «Печатями». Веселый смех, дружеская болтовня. Семья, обретенная мною в Лондоне.

Отныне я призрак, лишенный пристанища. До сих пор присутствие Арктура сглаживало тоску по дому, но теперь она накрыла меня с головой. Мне безумно не хватало Марии, Элизы.

Но особенно я скучала по Нику, лучшему другу, сосланному работать на «Домино» в другую страну. Стыдно сказать, но в глубине души мне даже не хватало Джексона Холла.

Еще я тосковала по Ирландии. Двенадцать лет. Двенадцать лет назад у меня отняли бабушку с дедом. Осушив бокал, я вновь наполнила его багряным забвением.

– Пейдж?

Я подняла хмельную голову. На пороге маячил Арктур с включенными от подушки волосами.

– Привет, – скороговоркой выпалила я. – Не спится?

– Нет.

– Какое совпадение, мне тоже. Вот, решила подлечиться. – Я выразительно отсалютовала бокалом.

– А заодно провалить задание. – Арктур отнял у меня опустевший графин. – Это крепленое вино.

– Отлично. Дополнительная крепость мне не повредит. – Я с пьяной улыбкой похлопала по дивану. – Составишь компанию?

– Только если не будешь допивать.

Я убрала бокал на кофейный столик. Арктур сел рядом со мной.

– Позволь полюбопытствовать, с чего тебя вдруг потянуло на алкоголь? – спросил он.

– А тебя?

– Унять боль. Полагаю, ты преследуешь аналогичную цель.

– Гениально, – похвалила я, заваливаясь на бок. – Оказывается, у меня больше нет дома.

И неизвестно, будет ли.

Арктур отвернулся к окну:

– Меня терзает тот же вопрос.

Его родина лежала в руинах, а моя – в тени Якоря. По милости Сайена мы превратились в бесприютных скитальцев.

– Люди не помнят, как появились на свет. Онейромант ничего не забывает, – сменил тему Арктур. – Я родился в лесу, среди кромешной тьмы. Повсюду цвел амарант, в кронах пели птицы холь. – Поток синего фонарного света смягчил суровые черты, сейчас в облике Аркура сквозила диковинная, почти неземная красота. Лишь кое-какие мелкие, почти неуловимые детали выдавали в нем не человека.

– За исключением птиц, в лесу царила гробовая тишина, недостижимая по эту сторону завесы. Между деревьями серебрился ручей. Минуя владения Мезартимов, он сливался со Скорбью и единым потоком впадал в Бездну.

– Бездну?

– Портал из нашего мира в эфир. Когда души смиряются со смертью и готовы обрести последний приют, мы подводим их к Бездне и они устремляются вниз.

– Интересно, что все-таки происходит после смерти, – шепнула я, протрезвев (чего, собственно, и добивался Арктур). – И есть ли он вообще, последний приют?

– Моталлаты утверждали, что владеют сокровенным знанием. Якобы их послали Енакимы, высшие существа, творцы эфира, и наказали нас почитать их. Однако кое-кто из рефатов взбунтовался, и Нашира слыла самой яркой противницей нового уклада.

– Но ты не разделял ее сомнения?

– Я разделял веру наших правителей.

– А сейчас?

– С возрастом оснований для слепого поклонения все меньше. Если высшие создания существуют, почему они не предотвратили войну? Почему не препятствовали водворению Сайена? Почему допустили этот кошмар?

О войне Арктур рассуждал, как и подобает бессмертному. Поистине, время – лучший лекарь.

– В твоих воспоминаниях мелькал образ дома, – призналась я. – Там безумно красиво?

Рефаит молча кивнул в ответ.

– Тяжела доля изгнанника, – добавил он чуть погодя.

В моих воспоминаниях остались поля в обрамлении желтого благоухающего утесника – извечной приманки для пчел. Под бескрайним небом – зеленеющие холмы, увенчанные старинными замками. Фруктовый сад, усеянный золотыми яблоками-падалицей. Иней на калитке. Горы – белоснежные зимой и зеленые в другие времена года. За двенадцать лет многое стерлось из памяти, наверное, я чересчур идеализировала Ирландию, но тем не менее рвалась туда всем сердцем.

– Мне бы хотелось взглянуть на твой родной край, – сообщил Арктур.

– Мне тоже.

Образ Ирландии хранился в моем лабиринте. Арктуру не составит труда пробраться на задворки моего сознания и воскресить запертые там воспоминания. Но попросить я не отважилась.

– Если загробный мир обречен на гибель, ты сумеешь обрести приют на нашей стороне завесы?

Арктур медлил с ответом.

– Да. По крайней мере, временно.

Повисло тягостное молчание. Гостиная качалась, как маятник.

– Зачем пуповина связала нас двоих? – пробормотала я еле слышно. – Почему именно мы? Почему сейчас?

– Хотел бы я знать...

Низ живота словно налился свинцом. Влечение сломало возведенные мною стены, я опомниться не успела, как развернула Арктур к себе лицом. Наши взгляды встретились.

– Тебе не досаждают наша связующая нить? – шепнула я.

Комната словно наполнилась электрическими разрядами.

– Нет, – одними губами отозвался рефаит. – С тобой я обретаю пристанище и как будто вновь оказываюсь дома.

У меня вырвался смешок.

– Призрачные странники по натуре скитальцы, им чужд Якорь. Поэтому Сайену я как кость поперек горла. – Мой палец скользил по суровому, словно вытесанному из камня лицу. – С таким пристанищем ты обречен скитаться вечно.

– Мне не впервой совершать глупости, Пейдж Махоуни.

От саркса веяло теплом. Крепкие, четко очерченные скулы противоречили его зыбкой, пограничной природе. Он казался таким человеческим. Осязаемым. Настоящим.

Мне вдруг захотелось отринуть условности и разгадать тайну этого сфинкса. Захотелось снова проникнуть в его лабиринт и слиться в медленном танце с самым глубинным, самым потаенным «я». Захотелось прильнуть к его призрачной оболочке и познать ее – его, как не доводилось никому прежде. Его взгляд – точно неизведанный мир, дверь в бесконечность.

Еще я мечтала очутиться в его объятиях, снова прильнуть к его губам.

Мечтала пробудить в нем страсть.

В жилах забурлила кровь. Переместив ладонь на затылок рефаита, я притянула его к себе.

– Пейдж.

Стальные пальцы сомкнулись на моем запястье. Очнувшись от его прикосновения, я заглянула в пылающие глаза и прошептала:

– Наконец-то мы с тобой одни. – Моя рука легла на широкую, мускулистую грудь. – Хочу тебя.

– Это говорит алкоголь, а не ты.

– Самая натуральная я, только без маски. – Я потерялась о его шею.

– Напротив, ты прячешься за маской, чтобы скрыть страх, – ласково укорил Арктур. – Доверие не терпит мишуры. Предпочитаю видеть тебя в истинном свете, юная странница. И сам открывался тебе без утайки.

Нужно убедить его, что все происходящее – правда, а слова, произнесенные из-под маски, самые искренние. Нужно рассказать про четвертую карту, Влюбленных, предостережение «Не отрекайся». Но язык не ворочался, мысли разбегались, как тараканы.

– Пейдж. – Арктур стиснул мою болтающуюся голову ладонями. – Встать сможешь?

Гостиная вертелась, словно карусель. Арктур подхватил мое обмякшее тело и поднялся.

– У тебя потрясающие скулы, – забубнила я ему в грудь. – Ты хоть представляешь насколько?

– Спокойной ночи, Пейдж.

Он отнес меня в спальню, уложил набок и подсунул здоровую руку мне под голову. Едва коснувшись подушек, я провалилась в забытие.

Я судорожно дернулась, заворочалась – и проснулась. Голова была чугунная и норовила лопнуть.

Обрывки воспоминаний. Мои пальцы скользят по его скулам. Два голоса, но слов не разобрать. Все смутно, как в тумане. Зато обуревавшая меня страсть запомнилась чересчур ясно. Арктур наверняка ощущал через пуповину мое влечение – сладостное и тягучее, словно летний мед.

Угораздило же меня напиться и поставить под угрозу успех миссии, от которой зависело слишком многое.

Близилась половина пятого утра. Заспанная, я включила лампу и, стараясь не делать лишних движений, облачилась в приготовленный накануне наряд. Каждый вдох ножом впивался под лопатку. Кожа приобрела сероватый, «газетный» оттенок.

Выпрямив волосы и капнув в глаза затемнителем, я сунула в карман конфигуратор и на цыпочках прокралась в гостиную. Арктур, по всей видимости, еще не проснулся, однако графин с вином стоял на прежнем месте. Выплеснув остатки крепленого в раковину, я через силу проглотила целый стакан воды.

Влага возымела целительный эффект: в памяти всплыли разрозненные фрагменты разговора, поза, в которую меня уложили, чтобы не захлебнулась рвотой. Да, вечер определенно удался...

– Ты рано, – заметил рефаит с порога.

– Сама в шоке. – Я откинула гладкие пряди со лба. – Слушай, прости за вчерашнее. Выпивка явно не мой конек. Кстати, – затараторила я, прежде чем Арктур сумел вклиниться, – тебе не обязательно идти со мной. Лучше займись граффити, выясни, кто еще в цитадели на нашей стороне. Пора поискать союзников в цитадели.

Арктур медлил с ответом.

– Собираешься довериться непрофессионалу? Ты хоть представляешь степень нагрузки на свой организм?

– Уверена, врач справится.

Рефаит молча переваривал мои слова, гадая, стоит ли лезть в бутылку и допытываться, почему я отталкиваю его в самый ответственный момент.

Будь я хоть капельку храбрее, сказала бы как есть, что моя уязвленная гордость требовала держаться от него на расстоянии.

– Обязательно отмечай найденные граффити на карте. Вдруг в них прослеживается система.

Не глядя на Арктура, я зашнуровала ботинки и стянула в узел непривычно гладкие, точно чужие волосы.

– Как скажешь, – откликнулся рефаит, – но, когда вернешься, нам предстоит серьезный разговор.

– Не о чем тут говорить! – выпалила я, натягивая куртку. – Обычные пьяные бредни. В гостиной повисло гнетущее молчание. Арктур наблюдал, как я беру со столика ключ.

– Пейдж.

Я медленно обернулась.

– Несмотря на все сомнения, помни: ты странница. Обладательница поистине уникального, неповторимого дара. И я очень горжусь твоими достижениями. Если понадобится, зови, – добавил рефаит. – Знай, я всегда на твоей стороне.

У меня перехватило дыхание. На глаза навернулись слезы.

– Спасибо. – Потупившись, чтобы скрыть волнение, я застегнула куртку. – Ты тоже береги себя. Старьевщик вновь вышел на охоту, постарайся не угодить ему в лапы.

– У меня нет ни малейшего желания становиться пленником. Надеюсь, и тебя минует эта печальная участь. Пейдж, очень прошу, не рискуй напрасно.

– Попробую, но не обещаю.

Наши взгляды встретились. Чтобы не натворить глупостей, я схватила сумку и рванула к выходу.

Но второпях чуть не забыла про маскировку. Спихнулась только в последнюю секунду и, задержавшись перед зеркалом, прижала к лицу конфигуратор. Нагревшись, материал сделался маслянистым и неприятно стягивал кожу. Стынув зубы, я боролась с искушением сорвать маскировку, преобразившую мои черты. Когда неприятные ощущения притупились, нос стал курносый, рот растянулся почти до ушей, а щеки покрывала россыпь веснушек. Пейдж Махоуни исчезла, ее сменила Флора Элизабет Блейк, студентка Сайенского лондонского университета, приехавшая собирать материал для диссертации. Конфигуратор не оставлял следов, если не считать крохотных, едва различимых заломов на коже.

Поразительно. Невероятно. Косметическая хирургия без скальпеля. Жаль, мое состояние не позволяло оценить чудо-изобретение по достоинству.

Дождь лил как из ведра. Лицо немилосердно горело и чесалось. Угрюмая, озябшая, я брела по темным улицам, пока не наткнулась на освещенный вход в метро. Купила билет и, спустившись на платформу, попыталась унять судорожное дыхание. Только бы меня не стошнило по дороге к Рю де Сюрэн.

Наконец подошел поезд. Забравшись в почти безлюдный вагон, я устроилась в уголке и подняла повыше воротник. До нужной станции было двадцать минут езды, целых двадцать минут мне предстояло провести наедине со своими мыслями.

Элиза могла прыгнуть в постель с первым встречным, а утром уходила, не попрощавшись.

Ник влюблялся в ласковые глаза, улыбку, не подозревая, что скрывается за ними. Всякий раз он бросался в омут с головой, не опасаясь разбиться о камни.

Я же была из тех, кто дует на воду. Если испытывала влечение, то непреодолимое, которое всегда чревато последствиями.

Впервые поцеловав Арктура Мезартима, я поняла: расплата неизбежна.

Той ночью я не желала его по-настоящему. Не считая короткого мгновения в его крепких, надежных объятиях. Перед лицом неминуемой смерти мне было страшно и одиноко, а он просто подвернулся под руку. Не более. Потом судьба снова свела нас вместе, и постепенно мне открылась истина.

Я постоянно искала с ним встречи, жаждала услышать голос. Улыбалась просто потому, что он рядом. Арктур мотивировал меня, и, пускай он по-прежнему оставался тайной за семью печатями, постичь которую невозможно, я бы не покривила душой, назвав его родным.

Объявили мою станцию. На ватных ногах я побрела в морозный сумрак. Одна радость – конфигурактор больше не доставлял дискомфорта.

Через дорогу маняще светилась витрина пекарни. В спешке у меня вылетело из головы позавтракать. Я шагнула в благоухающее сдобой тепло и взяла большой кофе с *chausson aux rommes*³⁵. С такой внешностью никто не узнает во мне беглую преступницу, а значит, можно делать все, что душе угодно.

До Рю де Сюрен было рукой подать. И ни единой камеры наблюдения рядом. Выбросив недоеденную слойку, я отыскала нужную дверь и набрала код. Пересекла выложенный черно-белой шахматной плиткой вестибюль и взобралась на третий этаж.

Прямоугольная малогабаритная квартира состояла из ванной, гостиной и крохотной кухоньки. У раскладушки виднелся обещанный Дюко аппарат ИВЛ. Разувшись, я плюхнулась на диван, сдернула конфигурактор и принялась массировать онемевшие щеки.

В выстуженной гостиной царила мертвая тишина. Я допила кофе, и мысли вновь устремились к Арктуру, как птицы в гнездо.

Наш роман закончился, не успев начаться. Я сама оттолкнула Арктура из страха влюбиться, не догадываясь, что уже слишком поздно. Сердцу не прикажешь.

Теперь ничего не вернуть. Даже вдали от бдительного ока Рантанов, даже если Арктур еще не остыл ко мне – что, впрочем, маловероятно, – нам лучше оставаться союзниками. Все прочее только усугубит ситуацию.

Голос разума приводил все новые, совершенно неубедительные доводы, однако все они разбивались о мое страстное желание познать Арктура вплоть до самых потаенных уголков его души. Связующая нас нить породила влечение, отрицать которое бессмысленно. Пора положить этому конец – любой ценой.

Несмотря на крепкий кофе, я задремала, точнее, вырубилась, свернувшись калачиком на краешке дивана. Разбудил меня знакомый голос и незнакомое имя.

– Флора. – Кто-то тряс меня за плечо. – Пейдж. Ты что, ночевала здесь?

Надо мной склонилась Дюко. Сегодня наставница пренебрегла косметикой, а роскошные волосы стянула в пучок на затылке.

– Нет. – Я облизала пересохшие губы. – Просто пришла заранее.

– А твой подручный?

– Приболел.

Вопреки ожиданиям, Дюко не устроила мне допрос, только включила отопление.

– Наверное, от тебя заразился. Немудрено, если безвылазно торчать в четырех стенах. К счастью для тебя, наш медик вернулась из командировки и направляется сюда.

Изор помогла мне сесть. Виски моментально сдавило металлическим обручем.

– Ты перебрала накануне, – объявила Дюко.

– Ничего подобного! – возмутилась я.

– Конечно, я уже давно торчу в Сайене, но определять похмелье пока не разучилась. – Дюко кисло улыбнулась. – Все мы стремимся восполнить образовавшуюся пустоту. Кто-то находит утешение в алкоголе. Кто-то в сексе. Я предпочитаю курение, оно отлично вписывается в мою программу.

– Какую программу?

– Саморазрушения. – Изор стиснула мое предплечье. – Ты хлебнула лишнего, Флора. Так и быть, я закрою глаза на твой проступок при условии, что впредь это не повторится. Уяснила?

Я чуть наклонила голову. Дюко сунула мне стаканчик кофе:

– Пей.

Я покорно сделала глоток.

³⁵ Слойка с яблоками (*фр.*).

– Очухивайся и слушай. – Дюко опустилась на краешек раскладушки. – К сожалению, аппарат повредили при транспортировке, теперь баллон необходимо менять каждые три часа вручную. Соответственно, ты должна обернуться за этот срок. Маловато для создания убедительного образа.

– Ничего, справлюсь.

– Если твое вмешательство или физическое местонахождение раскроют, ты должна вернуться и немедленно покинуть здание. Стеф, наш курьер, будет дежурить поблизости. Он о тебе позаботится.

– А вдруг меня схватят?

– Вряд ли, но если такое произойдет, боюсь, мы ничем не сможем помочь. Наша последняя попытка спасти агента едва не окончилась катастрофой. – Изор взглянула на меня в упор. – Отравленная капсула с тобой?

Я кивнула. «Гильза» с быстродействующим ядом была надежно спрятана в куртке.

Изор достала из дипломата уже знакомый план.

– Особое внимание обрати на Salon Doré, Золотой зал. – Ее палец уперся в главное здание. – Личный кабинет Менара, именно там он хранит самые важные и секретные документы.

Я постаралась ничем не выдать своего волнения. Даже если кабинет не представляет интереса для «Домино», мне нужно любой ценой проникнуть туда и добыть второй фрагмент мозаики.

Местоположение Шиола II.

– Нам доподлинно известно, что в Золотом зале есть сейф, где Менар прячет бумаги, не предназначенные для Сайен-нет. Разумеется, инквизитор сутками напролет пропадает в кабинете, поэтому, как только появится возможность, не зевай. Уверена, для закоренелой преступницы не составит труда вскрыть сейф.

– Зависит от сейфа, – парировала я. – А вдруг мне удастся добыть еще какие-нибудь сведения?

– Твоя задача – выяснить причину размолвки между Менаром и Уивером. Все прочее тебя не касается.

– Ясно, – откликнулась я после короткой заминки.

К горлу подкатила тошнота. Я поспешила в ванную и уставилась на свое отражение. Отекшая физиономия, налитые кровью глаза. Стараясь не издавать громких звуков, я склонилась над раковиной, но сумела исторгнуть из себя лишь очередной комок желтоватой слизи.

– Проклятье! – выругалась я.

Со мной творилось что-то неладное, но узнать диагноз было заведомо страшно. Если Дюко пронюхает о болезни, меня снимут с задания, а этого нельзя допустить.

Стиснув зубы, я ополоснула раковину и, преодолевая отвращение, умылась ледяной водой. Умывание вкупе с крепким кофе возымели целительный эффект. Теперь ничто не мешает мне выполнить задание. Наверное.

За дверью послышались голоса. Вернувшись в гостиную, я застала там еще одну гостью – женщину лет тридцати. Облегающее платье с короткими рукавами-клеш выгодно подчеркивало женственные формы. Алебастровая кожа резко контрастировала со сливовым бархатом наряда и смоляными, стриженными под каре волосами.

– ...зачем рисковать в таком состоянии? – спрашивала незнакомка. – Можно ведь перенести, спешить нам некуда.

– Есть куда, и вчерашний день тому доказательство. В свете сложившейся ситуации... – заметив меня, Дюко осеклась. – Флора, познакомься. Элеонора Кордье, наш медработник.

Элеонора подняла на меня сверкающие темные глаза. Ее губы были накрашены в тон платью.

– Добро пожаловать в «Манекен», Флора. – Рукопожатие было изысканным, а речь выдавала в Элеоноре коренную француженку. – Говорят, ты доставила Сайену больше хлопот, чем все мы, вместе взятые. А еще говорят, у тебя непрекращающийся кашель. Жаль, не успеваю тебя осмотреть. Мадель Гильотина вот-вот проснется.

– Мы бы успели, явись ты вовремя, – буркнула Дюко.

– Осторожность не терпит суеты. – Проигнорировав обиженную гримасу Дюко, Элеонора повернулась ко мне. – Флора, еще не поздно все отменить. Насколько мне известно, переселение влечет существенную нагрузку на организм. Ты точно потянешь?

– Точно. Можете не сомневаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.